

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

52 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Василий Александрович Сухомлинский* (1918–1970), советский педагог-новатор, детский писатель.

Родился будущий Василий Александрович в селе Василевка (ныне Кировоградская область) в бедной крестьянской семье. Здесь прошли его детство и юность. Отец Василия Александровича — Александр Сухомлинский — до Октябрьской революции работал по найму как плотник и столяр в помещичьих хозяйствах («экономиях»), и сдельно — в крестьянских хозяйствах. Его мать, Оксана Авдеевна, была домашней хозяйкой, выполняла мелкую портняжную работу, трудилась в колхозе. Вместе с Александром Емельяновичем она воспитала, кроме Василия, еще троих детей — Ивана, Сергея и Меланию. Все они стали сельскими учителями.

После окончания школы крестьянской молодежи Василий Александрович поступил в Кременчугский медицинский техникум, а затем перевелся в Полтавский педагогический институт и успешно окончил его в 1938 году. Вернувшись в родные места, он стал преподавать украинский язык и литературу в Онуфриевской средней школе.

В 1941 году Сухомлинский добровольцем ушел на фронт, где, защищая Москву, был тяжело ранен осколками снаряда и лишь чудом остался жив. Василий Александрович провел четыре месяца в госпитале; его руку удалось спасти от ампутации, но извлечь металлические осколки из груди не получилось. А поскольку они были расположены близко к сердцу, то, как предупредили хирурги, любое напряжение могло вызвать их движение и внезапную смерть. После лечения в госпитале на Урале Сухомлинский хотел вернуться на фронт, однако комиссия не могла его признать даже ограниченно годным. В результате его демобилизовали.

В начале 1944 года в ходе Кировоградской наступательной операции Украинская ССР была освобождена от нацистов, и Сухомлинский узнал, что его жену Веру (выпускницу Кременчугского учительского института и преподавателя английского языка, наполовину украинку, наполовину цыганку) и маленького сына замучили в гестапо. Эту утрату он переживал до конца жизни.

С сентября 1942 по март 1944 года Сухомлинский работал директором и учителем литературы в Увинской средней школе Удмуртской АССР. Тогда он и познакомился с педагогом Анной Девятовой, приехавшей с инспекцией. Директор показался Анне «необыкновенно теплым, симпатичным человеком». Между Сухомлинским и Девятовой завязалась переписка. В конце войны Сухомлинский сделал Анне предложение, они поженились и вместе вернулись на Украину. Сухомлинский получил назначение заведующим районным отделом образования Онуфриевского района Кировоградской области,

Анна стала работать учителем в школе. Согласно ее воспоминаниям, жила семья тогда впроголодь. Родились дети — сын Сергей и дочь Ольга.

В 1948 году Сухомлинский стал директором Павлышской средней школы, которой бессменно руководил до конца своей жизни. Дочь Сухомлинского — доктор педагогических наук, профессор Ольга Васильевна Сухомлинская — пошла по стопам отца, работала в Национальной академии педагогических наук Украины.

Василий Александрович является автором сорока монографий и брошюр, более 600 статей, 1200 рассказов и сказок. Научные монографии и статьи он писал на русском языке, художественную прозу — на украинском. Общий тираж его книг на различных языках составил около четырех миллионов экземпляров.

Сухомлинский создал оригинальную педагогическую систему, основанную на принципах гуманизма, на признании личности ребенка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования, творческая деятельность сплоченного коллектива педагогов-единомышленников и учащихся.

Сухомлинский считал, что процесс обучения нужно организовать как труд, приносящий радость; большое внимание он уделял формированию мировоззрения учащихся; важная роль в обучении отводилась слову учителя, художественному стилю изложения, сочинению вместе с детьми сказок, художественных произведений, чтению книг.

Педагог разработал комплексную эстетическую программу «воспитания красотой». В условиях советской педагогики он разрабатывал гуманистические традиции отечественной и мировой педагогической мысли.

В целостном виде взгляды Сухомлинского представлены в «Этюдах о коммунистическом воспитании» и других произведениях. Сущность этики коммунистического воспитания Сухомлинского заключалась в том, что воспитатель верит в реальность, осуществимость и достижимость коммунистического идеала, измеряет свой труд критерием и меркой идеального.

Его идеи воплощены в практике многих школ. Были созданы Международная ассоциация Сухомлинского и Международное объединение исследователей Сухомлинского, педагогический музей Сухомлинского в Павлышской школе.

Скончался он внезапно на 52-м году жизни 2 сентября 1970 года, в самом начале нового учебного года. На похороны пришли все педагоги и ученики Павлышской средней школы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Пономарева И. П., Харин И. В.

Цифровая конституция как новая парадигма конституционного права в условиях цифровой трансформации общества..... 275

Попова Н. С.

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях..... 277

Предеина В. И.

Правовые основы государственной политики в сфере заработной платы и социальных отчислений 279

Пушкина Ж. В.

Защита прав предпринимателей при государственной поддержке малого и среднего бизнеса 283

Пушкина Ж. В.

Преступность несовершеннолетних: причины и последствия..... 286

Рамазанова Д. А.

Проблемы применения административной ответственности за нарушение норм трудового законодательства: анализ практики и пути совершенствования 289

Ручий О. Р.

Искусственный интеллект в государственном и муниципальном управлении: правовые требования к алгоритмической прозрачности и подотчетности..... 292

Сагадеев М. Б.

История развития законодательства об ответственности за бандитизм 294

Самаров К. О.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, как международная проблема 297

Серова Н. И.

К вопросу о проблемах предварительного расследования..... 299

Ситдииков Р. А.

Порядок приобретения и прекращения статуса адвоката в Российской Федерации 301

Слюнченко Н. С.

Процедура выражения согласия на совершение третьими лицами юридически значимых действий 302

Сухов К. А.

Общетеоретические подходы к пониманию контрольно-аналитической деятельности в налоговой сфере 305

Тихонов К. К.

Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики..... 308

Тычино Е. С.

Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации 311

Федоров В. Ф.

Ответственность военнослужащих за неуставные отношения..... 313

Феофанов С. С.

Меры защиты и меры ответственности в семейном праве..... 315

Чеснокова А. К.

Понятие сторон в гражданском процессе, их процессуальные права и обязанности..... 317

Чугунова А. А.

Влияние искусственного интеллекта на защиту товарных знаков 319

Шайбова М. А.

Квалификация покушения на преступление... 321

Шайбова М. А.

Толкование уголовного закона как условия квалификации преступления, его способы и виды 324

Шевкунов Д. Д.

Права и обязанности граждан в административных правоотношениях: гарантии и ограничения..... 327

Шиломаева И. А.
Функционирование органов публичной
власти в системе гражданского оборота
и механизмы представления интересов
публичных образований 330

Шонус Э. И.
Анализ состава преступления,
предусмотренного статьей 273 УК РФ..... 332

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ibroximov J. I.
Perceived military encirclement and counter-
intervention: U. S. alliance architecture in
East Asia and China’s anti-access and area-
denial strategy 335

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Цифровая конституция как новая парадигма конституционного права в условиях цифровой трансформации общества

Пономарева Ирина Павловна, кандидат юридических наук, доцент;

Харин Илья Викторович, студент

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Исследование определяет «цифровую конституцию» как новую парадигму, являющуюся системным ответом на неэффективность классических норм перед ИИ и алгоритмическим управлением. Анализ выявляет пробелы традиционного конституционализма, исследует статус алгоритмов и цифровых личностей, формулируя систему цифровых прав. Ключевой вывод: парадигма предполагает переход от защиты прав только от государства к их гарантиям в гибридной среде от любых мощных акторов через конституционализацию цифровых принципов.

Ключевые слова: цифровая конституция, конституционное право, цифровая трансформация, цифровые права, искусственный интеллект, ИИ, цифровой суверенитет, защита данных, цифровая демократия.

Digital constitution as a new paradigm of constitutional law in the context of digital transformation of society

The study defines the «digital constitution» as a new paradigm that is a systemic response to the ineffectiveness of classical norms in the face of AI and algorithmic governance. The analysis identifies the gaps in traditional constitutionalism, explores the status of algorithms and digital identities, and formulates a system of digital rights. The key conclusion is that the paradigm involves a shift from protecting rights solely from the state to guaranteeing them in a hybrid environment from any powerful actors through the constitutionalization of digital principles.

Keywords: digital constitution, constitutional law, digital transformation, digital rights, artificial intelligence, AI, digital sovereignty, data protection, and digital democracy.

Цифровая трансформация требует адаптации конституционного права. Ответом на правовые лакуны классических конституций стала парадигма «цифровой конституции» — системы норм, регулирующих цифровую сферу, защищающих права человека и определяющих основы цифрового суверенитета [2, с. 32].

Ее формирование обусловлено необходимостью защиты новых аспектов прав, цифровыми угрозами, цифровым разрывом и вопросом суверенитета. Структурными элементами выступают: цифровые права, ограничение цифровой власти, регулирование ИИ [3, с.322], основы цифровой экономики и демократии.

Модели имплементации включают реформирование конституции (например, поправки в Конституцию РФ 2020 г.), принятие специализированного законодательства или создание «цифровой хартии». В России стратегические документы 2017 года рассматривают цифровые права преимущественно в прикладном экономическом

ключе [8]. Защита прав в цифровом пространстве, сфокусированная международными организациями на кибербезопасности и защите данных, требует соблюдения конституционных гарантий (ст. 19, 22–24, 29, 44 Конституции РФ) [1]. В ответ на цифровизацию формируется новая парадигма — «цифровая конституция», синтезирующая технологии и конституционные ценности для защиты прав и цифрового суверенитета [7, с.1080].

Цифровая трансформация изменяет основы конституционного строя, размывая государственный суверенитет и распределяя власть между государством и иными акторами (корпорации, платформы). Выделяются модели цифрового конституционализма: европейская (приоритет прав), североамериканская (свобода выражения), азиатская (цифровой суверенитет) и формирующаяся российская [4, с.210].

Цифровизация создает цифровое правительство и правосудие, но порождает риски алгоритмических ма-

нипуляций, цифрового авторитаризма и проблем кибербезопасности. Пандемия и Четвертая промышленная революция ускорили этот процесс, сделав цифровые технологии неотъемлемой частью оказания государственных услуг.

Российская Федерация, как и другие страны мира, массово перешла на удаленный формат работы в соответствии с Указом Президента РФ от 20 октября 2021 г. № 595 и Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ [9], что потребовало формирования нового принципа электронного удаленного взаимодействия органов публичной власти с человеком и обществом — принципа цифрового государства [10]. Цифровая трансформация оказывает воздействие на конституционно-правовые основы Российской Федерации. Хотя формально основы конституционного строя, закрепленные в главах 1, 2 и 9 Кон-

ституции РФ, остаются неизменными, фактически они претерпевают существенную трансформацию в части формы и процедуры их реализации [1].

Пандемия и цифровизация трансформируют конституционную идентичность. Цифровое пространство, не отраженное в Конституции РФ, стало новой сферой правового регулирования. Принцип цифрового государства реализуется через электронную демократию и цифровой суверенитет. Парадигма «цифровой конституции» утверждает информацию ключевым ресурсом власти, а доступ в интернет — базовым правом. Развитие ИИ требует переосмысления защиты данных, цифрового самоопределения и права на забвение. Таким образом, цифровая конституция — закономерный этап эволюции права, требующий адаптации конституционных механизмов для цифровой среды [6, с.64] [5, с.30].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31.
2. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. URL: <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>.
3. Астапенко П. Н. Цифровой суверенитет: понятие и соотношение с государственным // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 7 сентября 2022 г.). Санкт-Петербург: Печатный цех, 2022. С. 321–324. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49504995>.
4. Гончаров В. В., Поярков С. Ю., Савченко М. С. Цифровой конституционализм: эволюция правовых принципов в условиях цифровизации современного общества // Проблемы экономики и права. 2025. № 8. С. 203–215. URL: <https://doi.org/10.24158/per.2025.8.25>.
5. Костюков А. Н., Черепанова Т. С. Влияние цифровой трансформации на конституционно-правовые основы Российской Федерации // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 1. С. 25–32. URL: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7\(1\).25-32](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2023.7(1).25-32).
6. Жигарева Ю. С., Смирнова Л. А. Конституционные права человека в цифровом измерении // Законность и правопорядок. 2022. № 2(34). С. 63–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50762748>.
7. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082. URL: <https://doi.org/10.31857/S086958730003185-1>.
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 08.12.2020.
10. Указ Президента РФ от 20.10.2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре — ноябре 2021 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 22.10.2021.

Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях

Попова Наталья Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье анализируются актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях, в контексте изменений уголовного законодательства, внесенных Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ. Исследуются доктринальные и правоприменительные проблемы, связанные с определением содержания понятия «публичная демонстрация» и его отграничением от смежных категорий. Особое внимание уделяется анализу противоречий в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и судебной практике по вопросам разграничения публичной демонстрации и распространения материалов. Рассматриваются проблемы квалификации соучастия, установления субъективной стороны преступления и определения момента его окончания. Автором выявляются сложности установления причинно-следственной связи между публичной демонстрацией и наступившими общественно опасными последствиями. Обосновывается необходимость выработки единообразных подходов к применению новых уголовно-правовых норм и внесения дополнительных разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: публичная демонстрация преступлений, информационно-телекоммуникационные сети, квалификация преступлений, треш-стримы, киберпреступность, уголовное право, соучастие в преступлении, судебная практика, цифровые технологии, интернет-преступления.

Problems of qualifying crimes committed with public demonstration in information and telecommunication networks

The article analyzes current problems in qualifying crimes committed with public demonstration in information and telecommunication networks in the context of changes to criminal legislation introduced by Federal Law No. 218-FZ of August 8, 2024. The study examines doctrinal and law enforcement problems related to defining the content of the concept of «public demonstration» and its distinction from related categories. Special attention is paid to analyzing contradictions in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and judicial practice on distinguishing between public demonstration and distribution of materials. The article considers problems of qualifying complicity, establishing the subjective side of the crime, and determining the moment of its completion. The author identifies difficulties in establishing a causal relationship between public demonstration and resulting socially dangerous consequences. The necessity of developing uniform approaches to applying new criminal law norms and introducing additional clarifications to the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: public demonstration of crimes, information and telecommunication networks, crime qualification, trash streams, cybercrime, criminal law, complicity in crime, judicial practice, digital technologies, internet crimes.

Современное развитие цифровых технологий и широкое распространение информационно-телекоммуникационных сетей привели к появлению новых форм преступной деятельности, требующих адекватной правовой оценки. Одним из наиболее опасных проявлений такой деятельности стала публичная демонстрация совершения преступлений через различные интернет-платформы, социальные сети и стриминговые сервисы. Данное явление приобрело особую актуальность в связи с ростом популярности так называемых «треш-стримов», когда преступники намеренно транслируют свои противоправные действия широкой аудитории [1].

Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ внес существенные изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, установив повышенную ответственность за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией. Законодатель включил данный признак как в каче-

ствеотягчающего обстоятельства в статью 63 УК РФ, так и в виде квалифицирующего признака в целый ряд составов преступлений против личности. Такой подход отражает понимание законодателем особой общественной опасности подобных деяний, которые причиняют вред не только непосредственным жертвам, но и негативно воздействуют на неопределенный круг лиц, способствуя распространению агрессии и насилия в обществе.

Однако практическое применение новых норм сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с определением содержания понятия «публичная демонстрация» и его отграничением от смежных категорий. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 декабря 2022 года № 37 предпринял попытку разграничить публичную демонстрацию и распространение материалов, указав, что ключевым критерием является возможность самостоятельного использования получа-

телями информации размещенных материалов [2]. Согласно данному подходу, публичная демонстрация предполагает открытый показ материалов без возможности их сохранения на компьютерных устройствах или размещения на интернет-страницах от имени получателей информации.

Вместе с тем анализ судебной практики показывает непоследовательность в применении данного критерия. В частности, в кассационном определении по делу Н. Верховный Суд фактически отождествил понятия распространения и демонстрации информации, указав, что для квалификации действий как распространения достаточно предоставления неопределенному кругу лиц возможности просмотра материалов, даже без их фактического просмотра [3]. Такой подход создает терминологическую коллизию и затрудняет правильную квалификацию действий виновных лиц.

Особую сложность представляет квалификация действий соучастников при совершении преступлений с публичной демонстрацией. Зачастую лицо, обеспечивающее техническую сторону трансляции преступления, не принимает непосредственного участия в совершении основного преступного деяния, однако его действия существенно повышают общественную опасность содеянного. Действующие нормы о соучастии не в полной мере учитывают специфику подобных ситуаций, что приводит к проблемам в правоприменительной практике. Необходимо четко определить критерии, по которым такие лица могут быть признаны пособниками или иными соучастниками преступления.

Не менее проблематичным является установление субъективной стороны преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией. Для правильной квалификации необходимо доказать, что виновное лицо осознавало публичный характер своих действий и желало или сознательно допускало их демонстрацию неопределенному кругу лиц. Однако на практике установление такого умысла вызывает значительные затруднения, особенно в случаях, когда преступление совершается с использованием сложных технических средств или через посредников.

Проблемы возникают и при определении момента окончания преступления. В случае публичной демонстрации в режиме реального времени преступление следует считать оконченным с момента начала трансляции, когда у зрителей появляется возможность наблюдать за происходящим. Однако при размещении записей преступлений в сети интернет момент окончания может определяться по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Необходимо выработать единообразные подходы к решению данного вопроса.

Особого внимания заслуживает проблема установления причинно-следственной связи между публичной демонстрацией и наступившими общественно опасными последствиями. Публичная демонстрация преступлений может способствовать формированию у зрителей, особенно несовершеннолетних, искаженных представ-

лений о допустимости насилия и агрессии, однако установить прямую связь между просмотром конкретной трансляции и последующими преступными действиями зрителей крайне затруднительно. Это создает сложности при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении справедливого наказания.

Дополнительные проблемы создает трансграничный характер многих преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях. Зачастую сервер, на котором размещается преступный контент, находится на территории одного государства, сам преступник действует с территории другого, а зрители могут находиться в различных юрисдикциях. Это затрудняет определение применимого права и создает препятствия для эффективного расследования таких преступлений.

Необходимо также учитывать технические особенности функционирования современных интернет-платформ. Многие социальные сети и мессенджеры используют сложные алгоритмы распространения контента, автоматическое сжатие и обработку загружаемых материалов, что может влиять на квалификацию действий пользователей. Кроме того, развитие технологий искусственного интеллекта и *deepfake* создает новые возможности для фальсификации контента, что требует дополнительного изучения и правовой оценки.

Серьезной проблемой является отсутствие единообразия в формулировках квалифицирующего признака публичной демонстрации в различных статьях Уголовного кодекса. Хотя в большинстве случаев используется стандартная формулировка «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях», в некоторых составах имеются дополнительные уточнения, что может привести к различному толкованию и применению данного признака [4].

Анализ зарубежного опыта показывает, что проблемы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией в цифровой среде, носят универсальный характер. Многие страны столкнулись с необходимостью адаптации своего уголовного законодательства к новым реалиям цифрового мира. Изучение международной практики может способствовать выработке более эффективных подходов к решению рассматриваемых проблем.

Важным аспектом является соблюдение баланса между необходимостью противодействия общественно опасным деяниям и защитой конституционных прав граждан на свободу информации и выражения мнений. Расширение уголовной ответственности за действия в информационно-телекоммуникационных сетях не должно приводить к неоправданным ограничениям свободы слова и доступа к информации. Необходимо четко определить границы применения новых норм, чтобы избежать их злоупотребления.

Для решения выявленных проблем представляется необходимым внесение дополнительных разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда, направленных

на унификацию понимания публичной демонстрации во всех составах преступлений. Целесообразно также дополнить Уголовно-процессуальный кодекс специальными нормами, регулирующими особенности расследования преступлений данной категории, включая вопросы международного сотрудничества и использования специальных технических средств [5].

Особое внимание следует уделить подготовке практических работников правоохранительных органов к работе с новыми составами преступлений. Необходимо разработать методические рекомендации для следователей и судей, содержащие алгоритмы квалификации преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией, и критерии оценки доказательств по таким делам.

В заключение следует отметить, что введение уголовной ответственности за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях, является своевременной и обоснованной мерой, отвечающей современным вызовам цифровой эпохи. Однако для эффективного применения новых норм необходимо решить комплекс доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с определением содержания публичной демонстрации, квалификацией соучастия, установлением субъективной стороны и момента окончания преступления. Системный подход к решению этих вопросов позволит обеспечить единообразную судебную практику и эффективную защиту общественных отношений от новых форм преступных посягательств.

Литература:

1. Шикула, И. Р. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях [Текст] / И. Р. Шикула, М. В. Афанасьев, С. В. Яньшина // Образование и право. — 2024. — № 9. — С. 330–334.
2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Российская газета. — 2022. — 23 декабря.
3. Яни, П. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях [Текст] / П. Яни // Законность. — 2025. — № 1. — С. 30–34.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ // Российская газета. — 2024. — 12 августа.
5. Арзамасцев, М. В. Конституционные основы ответственности за преступления, совершаемые с использованием сети «Интернет» [Текст] / М. В. Арзамасцев // Криминалистика. — 2024. — № 2(47). — С. 10–18.

Правовые основы государственной политики в сфере заработной платы и социальных отчислений

Предеина Виктория Игоревна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются правовые основы государственной политики в сфере заработной платы и социальных отчислений. Анализируются ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие отношения в данной области, а также принципы и механизмы реализации государственной политики, направленной на обеспечение достойного уровня заработной платы и социальной защиты работников. Особое внимание уделяется вопросам минимальной заработной платы, индексации доходов населения, а также системе обязательного социального страхования и пенсионного обеспечения.

Ключевые слова: заработная плата, социальные отчисления, государственная политика, правовое регулирование, трудовое право, социальное страхование, пенсионное обеспечение, минимальная заработная плата, индексация доходов.

Согласно Конституции Российской Федерации одной из основных категорий гражданских прав и свобод является право на вознаграждение за выполненный труд. Это право пресекает любой вид дискриминации, а также устанавливает положение, что это вознаграждение не должно быть ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ), который устанавливается федеральным зако-

нодательством. Это конституционное право реализуется посредством закрепленного в Трудовом Кодексе РФ механизма, который базируется на основных понятиях и определениях оплаты труда.

Каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты

труда. Указанные положения Конституции получили реальное воплощение в Трудовом кодексе РФ, в котором правовому регулированию заработной платы посвящен специальный раздел «Оплата и нормирование труда».

Сложившаяся в России экономическая ситуация характеризуется большой загрузкой мощностей предприятий и высокой потребностью в рабочей силе. Для ряда отраслей экономики становится нормой введение вакансий с ненормированным рабочим днем. Одной из актуальных проблем правового регулирования рабочего времени в РФ является то, что указанный режим работы должным образом не урегулирован трудовым законом.

Часто получается так, что работодатели выдают сверхурочную работу за ненормированный рабочий день, чтобы не нести дополнительные расходы. Работник из-за этого не получает справедливую оплату труда. При этом суды, как правило, встают на сторону работодателя, считая, что за ненормированный рабочий день сотруднику положен дополнительный оплачиваемый отпуск, а другие выплаты не предполагаются. Также работникам сложно доказать в суде сколько часов он фактически отработал за пределом установленной законом нормы часов в день и неделю.

Работодателю в связи с указанным пробелом в праве предоставлена возможность самостоятельно решать, когда начинается и заканчивается рабочий день, какое число часов положено отработать сотруднику. Это приводит к ситуации, когда ненормированный рабочий день выгоден работодателю, права же работника, в том числе на отдых, могут систематически нарушаться.

Важной проблемой правового регулирования ненормированного рабочего дня выступает отсутствие разграничения сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня. Закон не содержит четких критериев последнего.

Статья 99 ТК РФ дает нам определение сверхурочной работы. Это работа, которую сотрудник выполняет по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени.

Согласно 101 статье Трудового кодекса РФ, понимают особый режим работы, в соответствии с которым отдельные работники по распоряжению работодателя при необходимости эпизодически могут быть привлечены к выполнению своих трудовых функций за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени.

Перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем можно установить коллективным договором, соглашением или локальным нормативным актом, принимаемым организацией с учетом мнения представительного органа работников.

Работающему по трудовому договору с условием неполного рабочего времени, ненормированный рабочий день можно установить, только если соглашением сторон трудового договора установлена неполная рабочая неделя, но с полным рабочим днем.

Сверхурочную работу от ненормированного рабочего дня отличает то, что при ней работник может при-

влекаться к выполнению обязанностей эпизодически. «Эпизодичность» в данном случае является оценочной категорией. Предполагается, что руководитель должен по-настоящему нуждаться в этом. При этом законодатель закрепил правило, касательно сверхурочной работы. Ее максимальная продолжительность ограничена 4 часами в течение двух дней подряд и 120 часами в год для каждого работника.

Кроме того, при сверхурочной работе работодатель обязан брать письменное согласие своих сотрудников на выполнение их трудовой функции за пределом их нормального графика, а сведения о привлечении кадров к ней направляются в Роструд. Такой обязанности нет, когда для работника установлен ненормированный рабочий день. Для распоряжения о привлечении к работе при ненормированном рабочем дне в законе не установлена обязательная форма. Работодатель может дать его как в письменном, так и в устном виде.

Для сверхурочной работы законом предусмотрена дополнительная оплата. Работодатель обязан оплачивать её не менее чем в полуторном размере за первые два часа, и не менее чем в двойном размере за часы последующие. Работа при ненормированном дне по общему правилу компенсационных выплат не предполагает, работник может получить лишь на дополнительный оплачиваемый отпуск.

Также в законе существует неопределенность касательно выплат за труд в ночное время при ненормированном рабочем дне. Ст. 164 Трудового кодекса устанавливает компенсационные выплаты за каждый час ночного времени, однако по общему правилу режим ненормированного рабочего дня исключает все компенсационные выплаты, кроме дополнительного оплачиваемого отпуска. Судебная практика носит противоречивый характер, например определение Краснодарского краевого суда от 08.10.2023 № 13а-32911/2023 работнику было отказано в данной компенсации. Суд посчитал, что сотрудник с ненормированным рабочим днем имеет право только на дополнительный оплачиваемый отпуск.

В частности, определить максимальное число часов переработки при ненормированном рабочем дне, ввести запрет на привлечение сотрудников к труду за его пределами.

Предусмотреть обязанность работодателя давать распоряжение о привлечении к работе сотрудника при ненормированном рабочем дне только в письменном виде.

Увеличить количество дней дополнительного отпуска при ненормированном рабочем дне в зависимости от количества фактически отработанных часов. Дополнительный трехдневный отпуск, предусмотренный действующей редакцией ТК РФ не может в полной мере обеспечить право сотрудника на отдых.

Ввести изменения в ст.154 ТК РФ, устранить неопределенности касательно оплаты ночной работы при ненормированном рабочем дне, обязав оплачивать ее по общему правилу.

Таким образом, для защиты прав работников и устранения правовой неопределенности требуется внести изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации.

Как показывает практика, в настоящее время в оплате труда и ее организации накопилось много острых проблем и недостатков, в значительной мере снижающих ее результативность в решении социальных задач. Более того, без их устранения невозможно эффективное проведение ключевых социально-экономических преобразований — пенсионной реформы, модернизации жилищно-коммунального хозяйства, налоговой системы и т. д.

Наиболее крупными и острыми проблемами в области оплаты труда, которые могут быть источниками и причинами других негативных последствий и недостатков, являются:

- задержки с выплатой заработной платы (от одного месяца до нескольких месяцев);
- низкая воспроизводственная функция оплаты труда (в настоящее время минимальная заработная плата, установленная государством, составляет немногим более 30 % от уровня физиологического прожиточного минимума);
- резкое падение стимулирующей роли оплаты труда в развитии экономики страны, объемов производства на предприятиях, реализации физических и интеллектуальных способностей работников (размеры заработной платы почти не зависят от их квалификации, качества труда, результативности производства и динамики макроэкономических показателей; в материальном стимулировании господствует уравниловка, вознаграждения за труд распределяются по принципу «всем сестрам по серьгам»);
- сокращение доли трудовой части в совокупном доходе работника, что сигнализирует об усилении апатии к труду, снижении его престижности со всеми вытекающими последствиями для общества;
- чрезмерная, необоснованно завышенная дифференциация в оплате труда (разрыв в оплате труда только по официальной статистике составляет сейчас 1:26). Причем эта разница в размерах заработков работников определяется не отличиями в их квалификации, профессионализме, результативности труда, а зависит от формы собственности предприятия — частное, унитарное, государственное, совместное предприятие, и финансово-промышленная группа и т. п.

При регулировании заработной платы надо уметь использовать объективное единство и противоположность ее функций, своевременно усиливать одни или ослаблять другие, чтобы организация заработной платы отвечала ее объективному содержанию и особенностям развития общества.

На современном этапе развития общества наиболее приоритетными функциями оплаты труда, которые следует усиливать и активизировать, являются воспроизводственная и стимулирующая функции заработной платы.

Воспроизводственная функция заключается в способности заработной платы компенсировать затраты труда, которые имели место в процессе трудовой деятельности че-

ловека. Если она недостаточна по своему уровню даже для простого воспроизводства рабочей силы, то в данном случае заработная плата не выполняет свою воспроизводственную функцию, то есть степень реализации воспроизводственной функции можно оценивать по отношению получаемой работником заработной платы (или МРОТ) к уровню прожиточного минимума (физиологического и др.).

Другую природу и иное содержание имеет стимулирующая функция заработной платы. Если для реализации воспроизводственной функции оплаты труда главным (и почти единственным) условием является ее размер, то стимулирующая функция определяется совершенно другими механизмами и зависимостями. Высказывания типа: «Больше плати — больше будет мотиваций для работника» — не совсем точны и обоснованы.

Поскольку именно заработная плата пропорционально связана с непосредственно затраченным трудом, ее стимулирующее воздействие на развитие общественного производства является определяющим. Умелое использование этой функции превращает заработную плату в один из важнейших

Необходимость исследования эффективности заработной платы обусловлена развитием и расширением предпринимательства и рыночных отношений. Формулу эффективности оплаты труда можно представить как отношение созданного продукта (результата, эффекта) к выплаченной на его производство заработной плате, т. е. как зарплатоотдачу. Такой подход к определению эффективности позволяет раскрыть степень рациональности в расходовании фонда оплаты труда при создании общественного продукта и оценить ее стимулирующую роль. Повышение эффективности заключается в том, чтобы увеличение заработной платы сопровождалось опережающим улучшением производственных показателей¹.

В настоящее время из-за низкой стимулирующей функции оплаты труда в рассмотренном ее понимании более 50 % работников реального сектора экономики, социальной сферы и государственной службы далеко не в полной мере реализуют свой физический и интеллектуальный потенциал в процессе трудовой деятельности, что является одним из существенных резервов экономического роста и повышения уровня жизни населения России.

Проблемы правового регулирования заработной платы в России есть нарушение принципа на обеспечение достойного человека существования для самого работника и членов его семьи, в том числе, по причине отсутствия связи минимальной заработной платы с прожиточным минимумом и с окладом (тарифной ставкой), и нарушение принципа справедливости заработной платы, в частности, из-за отсутствия ограничения максимального размера заработной платы руководителя по сравнению с оплатой труда каждого из работников в пределах одного работодателя, а так же противоречивость понятия заработной платы и несправедливость отнесения командировочных и иных аналогичных компенсационных выплат к доходам (зарботной плате) работника.

Проблемой оплаты труда на локальном уровне является нарушение работодателями трудовых прав работников на своевременную оплату.

В первую очередь, данная проблема имеет место в случаях, когда трудовые отношения не оформляются должным образом (согласно статье 67 ТК РФ оформление трудового договора с работником является обязанностью работодателя).

Таким образом, работодатель впоследствии отказывается от устно взятых на себя обязанностей по выплате заработной платы работнику.

Основными проблемами правоприменительной практики, снижающими эффективность правового механизма защиты заработной платы сегодня в РФ являются низкий уровень МРОТ, сильная дифференциация заработной платы по профессиям и территориям, низкая правовая дисциплина трудовых правоотношений, высокая доля теневых выплат, несоблюдение прав работников по срокам и составу выплат заработной платы, выплатам социальных гарантий, низкая эффективность деятельности надзорных органов.

На практике также можно выделить следующие проблемы правового регулирования оплаты труда в 2024 году:

1) Дифференциация в оплате труда по регионам. Искривления законодательных норм, ошибки и неточности приводят к существенным различиям в оплате труда, что вызывает недовольство работников.

2) Игнорирование федеральными органами власти положений Трудового кодекса РФ. Например, в ряде субъектов РФ условия оплаты труда учителей, преподавателей, воспитателей необоснованно формируются не на основе нормы часов педагогической работы в неделю (в год).

3) Отставание темпов роста заработной платы бюджетников от внебюджетного сектора. Это создаёт условия для необоснованного неравенства оплаты труда при одинаковой нагрузке, демотивирует работников, повышает риски коррупции и неэффективного использования бюджетных средств.

4) Отсутствие законодательно установленных критериев, сроков и периодов индексации заработной платы. Без этого основная государственная гарантия по оплате труда может превратиться в фикцию.

Для решения этих проблем необходимо, например, установить единые принципы систем оплаты труда в государственном и частном секторе экономики, которые бы обеспечивали конкурентную заработную плату и приток квалифицированных кадров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30дек.2008г. № 6-ФКЗ, от 30дек. 2008г. № 7-ФКЗ, от 5февр. 2014 г., от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. — № 144.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
3. Бондарева, Э. С. Публично-правовое регулирование механизма индексации заработной платы: проблемы и возможные направления совершенствования / Э. С. Бондарева // Наука. Общество. Государство. — 2024. — Т. 12, № 3(47). — С. 12–24
4. Коваленко, Е. Ю. Актуальные вопросы правового и экономического регулирования заработной платы спортсменов в России и зарубежных странах* / Е. Ю. Коваленко, О. А. Шавандина // Российско-азиатский правовой журнал. — 2020. — № 4. — С. 50–55.
5. Коновалова, Е. А. Международно-правовое регулирование труда / Е. А. Коновалова // Modern Science. — 2021. — № 6–2. — С. 175–178
6. Косаковская, Елена Ивановна. Системы оплаты труда и национальная система квалификаций: правовая сущность и регулирование: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.05 / Косаковская Елена Ивановна; [Место защиты: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова]. — Москва, 2019. — 185 с
7. Матякубова, Азиза Атабековна. Институт оплаты труда: оптимизация межотраслевых связей: автореферат диссертации кандидата юридических наук: 12.00.05 / Матякубова Азиза Атабековна; [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)]. — Ярославль, 2020. — 33 с
8. Петров, Алексей Яковлевич. Заработная плата в России: история, теория, право: монография / А. Я. Петров. — Москва: Проспект, 2024. — 397, [1] с.; 22 см
9. Саакян, Г. Н. Правовое регулирование оплаты труда медицинских работников: до и после COVID-19 / Г. Н. Саакян, К. В. Чуракова, Е. Ф. Ким // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 6–1. — С. 292–299
10. Самсонов, В. А. Анализ проблем правового регулирования заработной платы в России / В. А. Самсонов // Матрица научного познания. — 2024. — № 5–1. — С. 445–454.
11. Фатеева, Т. Н. Нормативно-правовое регулирование и основы бухгалтерского учета расчетов с персоналом по оплате труда в Российской Федерации / Т. Н. Фатеева, И. В. Жуков, В. И. Обыденнова // Самоуправление. — 2023. — № 4(137). — С. 270–273

Защита прав предпринимателей при государственной поддержке малого и среднего бизнеса

Пушкина Жанна Владиславовна, студент

Научный руководитель: Федорященко Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются современные проблемы обеспечения гарантий и защиты прав предпринимателей при предоставлении государственной поддержки малому и среднему бизнесу в Российской Федерации. Проанализированы актуальные статистические данные по числу жалоб предпринимателей и причинам отказов в поддержке, выявлены основные правовые и организационные препятствия реализации существующих гарантий. Особое внимание уделено вопросам прозрачности процедур, доступности информации и эффективности цифровых платформ. По итогам исследования предложены направления совершенствования механизмов правовой и консультационной поддержки, а также повышения квалификации государственных служащих.

Ключевые слова: государственная поддержка, малый бизнес, средний бизнес, предпринимательские права, гарантии, защита, административные барьеры, правовое регулирование, цифровые платформы, жалобы предпринимателей, судебная практика, Российская Федерация.

Protection of Entrepreneurs' Rights in State Support of Small and Medium-Sized Businesses

The article examines current issues related to guaranteeing and protecting the rights of entrepreneurs in the provision of state support for small and medium-sized businesses in the Russian Federation. Relevant statistical data on the number of complaints from entrepreneurs and the reasons for refusals of support are analyzed, and the main legal and organizational obstacles to the implementation of existing guarantees are identified. Special attention is paid to the transparency of procedures, accessibility of information, and the effectiveness of digital platforms. Based on the results of the study, directions for improving the mechanisms of legal and consulting support, as well as for raising the qualification of civil servants, are proposed.

Keywords: state support, small business, medium-sized business, entrepreneurial rights, guarantees, protection, administrative barriers, legal regulation, digital platforms, complaints of entrepreneurs, judicial practice, Russian Federation.

Введение

Современные условия развития экономики Российской Федерации определяют особую значимость института государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. По данным Министерства экономического развития, в 2024 году в малом и среднем бизнесе было занято около 19 миллионов человек, а его вклад в валовой внутренний продукт страны превысил 20 %. Малый и средний бизнес способствует созданию новых рабочих мест и повышению конкурентоспособности национальной экономики, однако несмотря на реализуемые государством меры по поддержке предпринимательской активности, сохраняется немало проблем, связанных с гарантиями и защитой прав предпринимателей, особенно в процессе получения и реализации различных форм государственной поддержки.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа действующего законодательства, выявления существующих механизмов и их эффективности, а также разработки рекомендаций по устранению недочетов в обеспечении защиты прав субъектов малого и среднего предпринимательства.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении системы гарантий и механизмов защиты прав предпринимателей при реализации государственной поддержки, оценке их эффективности и формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных выводов в процессе дальнейшего реформирования системы государственной поддержки предпринимательства и повышения защищенности субъектов рынка.

На современном этапе малое и среднее предпринимательство является одной из наиболее уязвимых категорий хозяйствующих субъектов, что обусловлено множеством факторов, а к числу определяющих факторов относится высокая степень административной нагрузки, ограниченный доступ к финансовым ресурсам, недостаточная информативность о действующих мерах государственной поддержки, а также наличие рисков, связанных с изменением законодательства и нормативных актов в части регулирования предпринимательской деятельности. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» служит ос-

новополагающей правовой базой, определяющей понятия субъектов малого и среднего предпринимательства, цели, принципы и основные направления государственной политики по их поддержке.

Закон закрепляет ключевые формы такой поддержки, включая финансовую, имущественную, информационную и консультационную помощь, а также регулирует деятельность инфраструктуры поддержки. Важнейшим аспектом данного закона является установление гарантий для предпринимателей, в том числе предусматривающее ограничение проверок и особый порядок приватизации государственного и муниципального имущества.

Таким образом, ФЗ № 209-ФЗ формирует системный правовой фундамент для реализации мер поддержки, однако его эффективность напрямую зависит от качества подзаконного регулирования и административного правоприменения, о проблемах которых пойдет речь далее. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса реализуется через предоставление финансовых субсидий, налоговых льгот, доступ к инфраструктуре, а также образовательные и консультационные услуги [1].

В последние годы наблюдается рост числа обращений предпринимателей, связанных с отказами в предоставлении мер поддержки, затягиванием процедур рассмотрения заявок, непрозрачностью механизмов распределения субсидий и недостаточной обоснованностью принимаемых решений органами власти. Так, по официальным данным, в 2024 году количество случаев отказа в предоставлении поддержки составило 18 700 случаев по всей стране, что на 12 % выше по сравнению с 2023 годом. Анализ судебной практики показывает, что зачастую предприниматели сталкиваются с нарушением их прав при реализации государственных программ поддержки, причем восстановление справедливости требует значительных временных и материальных затрат, но несмотря на формальное наличие гарантий защиты, закрепленных в нормативных актах, основным препятствием для их эффективной реализации выступают несовершенство процедур правоприменения и отсутствие единых стандартов проведения контрольных мероприятий (рис. 1).

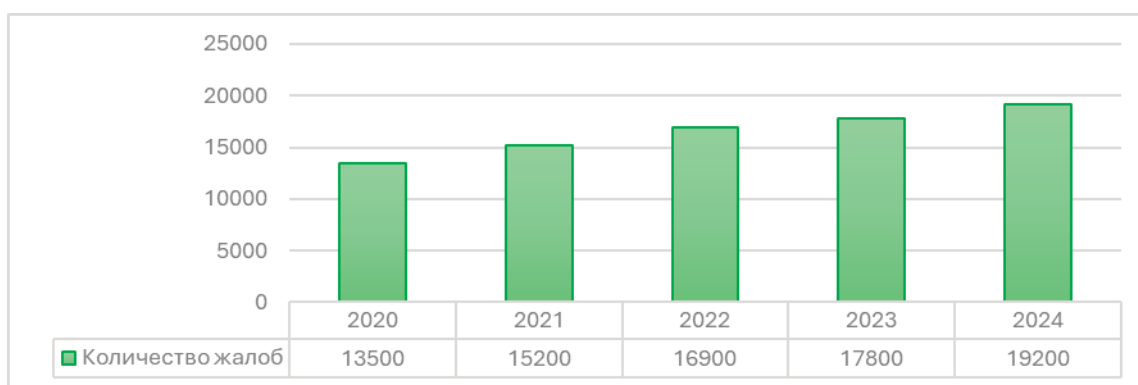

Рис. 1. Динамика количества жалоб на нарушение прав предпринимателей [2]

Во многом перераспределение предоставляемых государством ресурсов осуществляется в условиях высокой конкуренции между субъектами малого и среднего предпринимательства, что ставит в неравное положение их участников, а отдельной проблемой становится исчерпывающая информированность самих предпринимателей о возможностях защиты своих прав и доступных механизмах обжалования неправомерных решений и действий государственных органов (рис. 2).

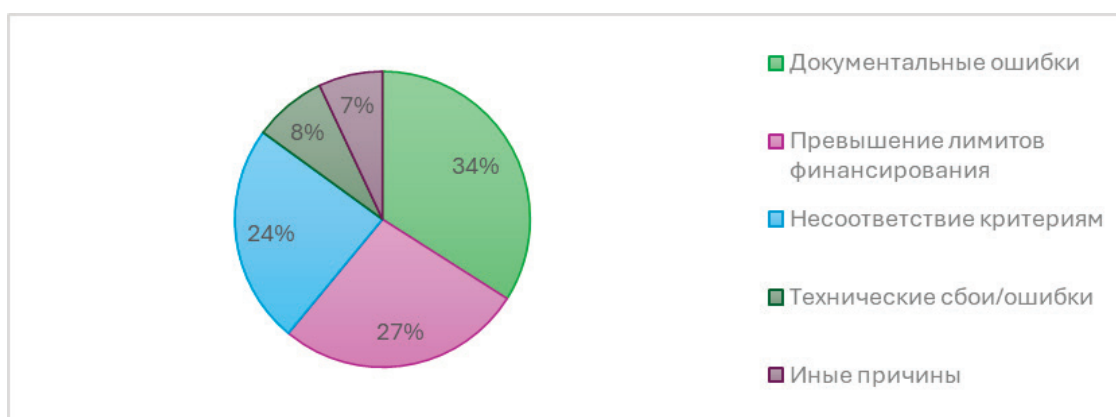

Рис. 2. Основные причины отказа в предоставлении государственной поддержки в 2024 году

При этом важную роль играют не только правовые, но и организационные механизмы защиты, включая деятельность институтов Уполномоченного по защите прав предпринимателей, профильных общественных объединений, а также взаимодействие с органами прокуратуры и судебными органам

Тенденции 2024–2025 годов характеризуются усилением внимания к развитию цифровых платформ государственных услуг для предпринимателей, внедрением электронных методов взаимодействия с государственными структурами и созданием единого реестра мер поддержки. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства — получателей поддержки содержит сведения о субъектах малого и среднего предпринимательства и физических лицах, не являющихся индивидуальными предпринимателями и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», которым оказана поддержка федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, корпорацией развития малого и среднего предпринимательства, ее дочерними обществами, организациями, образующими инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, и об оказанной таким субъектам малого и среднего предпринимательства и физическим лицам поддержке [4]. Тем не менее отмечается сохранение существенных проблем, связанных с техническими сбоями, недостаточной адаптацией законодательных процедур под цифровые инструменты и сложностями интеграции различных информационных систем [3].

Юридические гарантии прав субъектов предпринимательства предусматривают обязательность публичности и предсказуемости принимаемых государством решений в отношении распределения мер поддержки, прозрачность критериев оценки заявок, возможность обжалования действий и решений органов государственной власти в административном и судебном порядке, но на практике отмечается нехватка качественной координации между уровнями исполнительной власти, а также определенная закрытость процедур, что снижает реальную доступность существующих гарантий для предпринимателей.

Стоит отметить, что важным аспектом в защите прав предпринимателей при получении государственной поддержки является обеспечение объективности рассмотрения заявок, предотвращение коррупционных проявлений, а также обеспечение равных условий участия для всех претендентов.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии существенного разрыва между декларируемыми юридическими гарантиями прав предпринимателей при реализации государственной поддержки и фактической практикой их применения. Основными выявленными проблемами остаются формальность в подходах к рассмотрению заявок, недостаточная информированность предпринимателей о доступных механизмах защиты, а также сложность процедуры обжалования решений государственных структур. Практика разрешения споров по вопросам предоставления поддержки демонстрирует значительную нагрузку на судебную систему и ограниченную эффективность внесудебных способов восстановления нарушенных прав. Вместе с тем выявлены успешные примеры реализации лучших практик в отдельных субъектах Российской Федерации, что подтверждает возможность эффективного построения системы взаимодействия между государством и бизнесом.

Установлено, что наилучшие результаты достигаются при наличии процедур распределения поддержки, активном использовании цифровых платформ государственных услуг, развитии институтов общественного контроля и правового просвещения предпринимателей. Однако важным условием формирования эффективной системы гарантий и защиты остается совершенствование законодательных процедур, повышение квалификации государственных служащих и расширение доступности консультационной и правовой помощи для субъектов предпринимательства.

Таким образом, в условиях современной экономики обеспечение действенных гарантий и эффективной защиты прав предпринимателей при реализации государственной поддержки малого и среднего бизнеса приобретает ключевое значение для устойчивого развития страны, повышения инвестиционной привлекательности и создания благоприятного делового климата. Проведенное исследование подтвердило наличие острых проблем, связанных как с нормативным регулированием, так и с административной практикой предоставления мер поддержки, что требует дальнейшей работы по комплексной модернизации существующих механизмов и процедур.

Литература:

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
2. Правительство определило роль МСП в достижении национальных целей до 2030 года. Электронный доступ: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_opredelilo_rol_msp_v_dostizhenii_nacionalnyh_celey_do_2030_goda.html (дата обращения: 16.12.2025)
3. Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации. Электронный доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/> (дата обращения: 16.12.2025)
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/about.html>

Преступность несовершеннолетних: причины и последствия

Пушкина Жанна Владиславовна, студент

Научный руководитель: Алейникова Валерия Андреевна, ассистент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена изучению причин подростковой преступности в современном обществе. Актуальность исследования объясняется устойчивым ухудшением ситуации в преступлениях более раннего возраста и возрастающей угрозой для общества. Основная цель работы — выявить и упорядочить главные факторы и обстоятельства, которые способствуют вовлечению несовершеннолетних в противозаконную деятельность. Автор анализирует, как именно сочетание этих причин создает предпосылки для совершения правонарушений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, причины, преступность, рост, последствия

Juvenile delinquency: causes and consequences

Pushkina Zhanna Vladislavovna, student

Scientific advisor: Aleynikova Valeriya Andreevna, assistant

Belgorod State National Research University

The article is devoted to the study of the causes of juvenile delinquency in modern society. The relevance of the study is explained by the steady deterioration of the situation in crimes at an earlier age and the increasing threat to society. The main purpose of the work is to identify and streamline the main factors and circumstances that contribute to the involvement of minors in illegal activities. The author analyzes exactly how the combination of these reasons creates prerequisites for the commission of offenses.

Keywords: minors, causes, crime, growth, consequences

Преступность несовершеннолетних обоснованно признается одной из наиболее актуальных проблем современного социума. Характеристики и ценностные ориентации подрастающего поколения являются ключевым фактором, определяющим не только прогноз их собственного будущего, но и вектор развития общества в целом. Исследование делинквентного поведения подростков, как правило, начинается с анализа дефектов социализации, возникающих в основных воспитательных институтах: семье, формальных образовательных коллективах (детский сад, школа), досуговых группах по месту жительства и специализированных учебно-воспитательных учреждениях.

Современная криминогенная ситуация, связанная с несовершеннолетними, отличается противоречивой динамикой: отмечается увеличение их вовлеченности в определённые категории преступлений на фоне снижения по другим. Данный факт актуализирует дальнейшее исследование.

Преступность несовершеннолетних представляет собой одну из острых социальных проблем в силу особой значимости данной возрастной группы для будущего социума. Тенденция к росту подобных правонарушений наблюдается повсеместно, включая наиболее развитые в политическом и экономическом отношении страны.

Специфика подростковой преступности проявляется в следующих аспектах:

- 1) переходный возраст преступников;
- 2) высокий процент групповых преступлений;
- 3) преступления, совершаемые несовершеннолетними, отличаются значительной латентностью.

Несовершеннолетние считаются группой, проходящей важнейший этап социализации, характеризующийся динамической связью между физическим созреванием, психологическим развитием и интеграцией в обществе. Направление и содержание этого развития определяются конкретными социальными взаимодействиями, при этом решающую роль играют целенаправленные образовательные и воспитательные усилия.

Преступность несовершеннолетних — исторически обусловленное, негативное, общественно опасное, относительно массовое, устойчивое, социальное и правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных лицами, не достигшими совершеннолетия, на определённой территории в течение определённого периода времени [3, 72].

В криминологической науке принято дифференцировать несовершеннолетних, совершивших преступления, по возрастному критерию на две основные группы:

- 1) лица раннего подросткового возраста — 14–15 лет;
- 2) лица позднего подросткового возраста — 16–17 лет.

Криминологический анализ поведения несовершеннолетних (14–17 лет) выявляет сложный набор способствующих факторов. Среди этих факторов, помимо семейных обстоятельств, которые могут предшествовать совершению правонарушений, значительную роль играет влияние так называемой «молодёжи». В эту группу входят лица, которые в силу своего недавнего правового статуса сами были несовершеннолетними. Осознавая свою вновь обретенную правоспособность и связанные с ней обязанности, эти лица часто используют своё влияние среди

младших подростков. Они организуют или подстрекают к преступлениям ради личной выгоды, оставаясь при этом в тени.

Когда речь идёт об анализе преступлений, совершённых подростками, особенно важно изучить личность несовершеннолетнего нарушителя. Особенность таких деяний напрямую связана с возрастными характеристиками человека, который переживает множество биологических, психологических и социальных изменений в период своего становления. Эти трансформации могут порождать сильный внутренний конфликт, который в неблагоприятных условиях и при недостаточном профилактическом внимании со стороны общества и правоохранительных органов способен проявиться в преступном поведении.

Несовершеннолетние правонарушители формируют криминогенный резерв, обеспечивающий преемственность и восполнение взрослой преступности. Качественная специфика подростковой делинквентности, выраженная в крайностях поведения, деформации ценностных ориентаций и высокой латентности (фактический уровень, по различным данным, в 2–4 раза выше регистрируемого), определяет особую остроту данной проблемы.

Статистические данные свидетельствуют о совершении несовершеннолетними более 40 тысяч преступлений ежегодно, большинство из которых носят умышленный характер, с фиксацией тенденции к увеличению в последний период времени.

Характерной чертой молодёжной преступности является её ярко выраженный групповой аспект — более половины всех преступлений совершаются совместно с другими людьми. Эта закономерность часто вытекает из психологии подростков, которая предполагает сильную потребность в групповой идентичности и взаимодействии со сверстниками. Это также часто отражает попытку восполнить недостаток социальных связей и поддержки, которых они не получали от своих ближайших родственников.

Социально-демографический профиль несовершеннолетних правонарушителей характеризуется рядом устойчивых признаков. Значительная их часть воспитывалась в неполных семьях, что указывает на связь делинквентного поведения с нарушениями процесса первичной социализации. Также в этой среде высок удельный вес лиц с криминальным опытом (рецидив). Примечательно, что на момент совершения преступления около 25 % из них находились в состоянии социальной исключённости — не были заняты ни учёбой, ни трудовой деятельностью.

Рост числа преступлений такого рода влечёт за собой ряд негативных социальных последствий. Во-первых, это непосредственно способствует общему росту преступности, учитывая, что, согласно имеющимся данным, более 90 % несовершеннолетних правонарушителей продолжают свою преступную деятельность во взрослом возрасте, тем самым увековечивая преступное сообщество.

Во-вторых, рост подростковой преступности выступает в качестве дестабилизирующего фактора, негативно влияющего на социальный и политический климат в стране, подрывающего общественную безопасность и доверие к государственным институтам.

Авдийский В. И. считает, что «в ряду социальных последствий подростковой преступности особое значение имеют:

- материальные последствия (имущественный физический ущерб потерпевшему);
- криминогенные последствия (стимулирование общей преступности, повторение преступной деятельности самих несовершеннолетних);
- социально-психологические последствия (страх населения перед преступностью, ухудшение качества «человеческого потенциала» за счёт распространения криминального образа мыслей и способа поведения в «здоровой» подростковой среде и её «криминального заражения»);
- личностные последствия (отчуждение, стигматизация и в целом социальная, нравственная, личностная деградация самого несовершеннолетнего, совершившего преступление)» [1, 237].

Криминогенные детерминанты преступности несовершеннолетних имеют выраженную психологическую причину. С позиции возрастной психологии и криминологии данный контингент характеризуется лабильностью психики, повышенной эффективностью и импульсивностью поведения. Для подросткового возраста типичны неконтролируемые эффективные реакции (вспышки гнева, вербальная и физическая агрессия), а также гипертрофированная потребность в самоутверждении — достижении признания в референтной группе сверстников и демонстрации мнимого превосходства.

По мере психологического развития, подростки стремятся к независимости, что часто проявляется в виде протестного поведения. Так они пытаются доказать свою самостоятельность и то, что они уже «взрослые». Такое отношение может привести к снижению уважения закону, игнорированию социальных норм и, как следствие, к нежелательному или даже противоправному поведению. Эти особенности возраста и личности делают несовершеннолетних более восприимчивыми к влиянию со стороны, повышая риск их вовлечения в преступность со стороны более опытных нарушителей.

К причинам, влияющим на рост преступности среди несовершеннолетних, стоит отнести и такие: психические отклонения (которые могут стать причиной совершения несовершеннолетним насильственных преступлений); низкий уровень правовой культуры (отсутствие понимания важности соблюдения законов); распространение употребления алкоголя и наркотиков (то есть совершение преступлений в состоянии опьянения); более редкой причиной является неустроенность досуга (совершение мелких преступлений от безделья или «на спор») [4, 48].

Заставская К. А. в своей работе считает, что «Причины совершения преступлений, связанные с семьёй несовер-

шеннолетнего характеризуются различного рода обстоятельствами. Так, например, несовершеннолетний может быть из неблагополучной семьи, в которой никто не занимается его воспитанием и обучением, или, наоборот, он может находиться под очень сильной родительской опекой, при которой он не способен принимать решение самостоятельно. Во втором случае подросток начинает совершать преступления «назло» своим родителям, с целью показать, что они не имеют над ним влияния. Подросток может расти в отсутствие нормальных условий существования, нуждаться в самых элементарных вещах, что побуждает его к воровству» [2, 1996].

Однако, нельзя утверждать, что хорошее материальное положение семьи полностью защищает от отклоняющегося поведения. Среди несовершеннолетних правонарушителей встречаются и подростки из внешне благополучных, полных семей. Это говорит о том, что причины подростковой преступности многообразны и сложны. К ним относятся, например: эмоциональная отстранённость в семье, которая заставляет искать признание в асоциальных компаниях; недостаточная адаптация в обществе; а также несформированное или искажённое понимание моральных норм, которое усваивается в семейном кругу.

Отсутствие организованного досуга и увлечений приводит к тому, что подростки не занимаются в секциях и кружках. В результате они проводят большую часть свободного времени в уличных компаниях, что повышает вероятность вовлечения в преступную деятельность.

Одной из важных причин преступности становится формирующееся у подростков ощущение безнаказанности. Это особенно заметно у тех, кто ещё не достиг возраста уголовной ответственности, так как они часто понимают, что их нельзя привлечь к ответственности.

Ещё один фактор — повышенная внушаемость несовершеннолетних, что создаёт благоприятные условия для манипуляций со стороны взрослых преступников. Они используют подростков для совершения задуманных ими преступлений, при этом сами остаются вне досягаемости закона.

Одним из системных факторов является дефицит кадрового обеспечения в лице квалифицированных педагогов-психологов и специалистов органов опеки и попечительства. Усугубляет ситуацию отсутствие отработанных превентивных инструментов для раннего выявления семей социального риска, где существует высокая вероятность девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних. Кроме того, недостаточный уровень институционализации специализированных служб социального надзора ограничивает возможности мониторинга соблюдения законодательства в сфере воспитания и защиты прав подростков.

Литература:

1. Авдийский В. И. Криминология: учебник для вузов / В. И. Авдийский, Л. А. Букалерева. — М.: Юрайт, 2025. — 339 с.

Основной целью социальной политики является создание эффективной системы профилактики, реализуемой специализированными учреждениями. Эта система должна основываться на сочетании образовательных, правовых и административных мер. Эти меры направлены на выявление и установление факторов, способствующих преступному поведению среди несовершеннолетних. Необходимость такого подхода обусловлена, в частности, возрастными особенностями несовершеннолетних. Молодые люди часто ещё не в полной мере развили в себе способность по-настоящему осознавать общественный вред своих действий, их потенциальные последствия или уверенность в неотвратимости уголовной ответственности.

Средства массовой информации, освещающие преступное поведение оказывают существенное влияние на систему ценностей молодёжи. Когда молодые люди смотрят фильмы и сериалы, которые приукрашивают и нормализуют преступный образ жизни, особенно когда главные герои регулярно участвуют в незаконных действиях, таких как вымогательство, грабёж и насилие, это формирует ошибочные социальные убеждения. Это может привести к тому, что такое негативное поведение будет рассматриваться как приемлемое и потенциально интегрируется в поведенческие модели подростков.

Одним из ключевых факторов, ведущих к увеличению преступности среди несовершеннолетних, выступает безнадзорность. Под этим понимается отсутствие необходимого контроля со стороны семьи и школы за поведением, кругом общения и времяпрепровождением подростка. Причины такой безнадзорности могут быть как субъективными — неготовность или нежелание родителей заниматься воспитанием, так и объективными, например, проблемы со здоровьем.

Профилактика правонарушений среди подростков требует комплексного подхода, нацеленного на ключевые сферы социализации: личность, семью и школу. Этот подход, в частности, должен включать управление информационными потоками, чтобы свести к минимуму их негативные последствия. Успех этих усилий зависит от развития у подростков адаптационных навыков — способности критически обрабатывать разнообразную информацию и разбираться в различных областях. Важно уделять приоритетное внимание развитию навыков критического анализа СМИ и новостных источников, поскольку их содержание напрямую формирует мировоззрение человека и формирует основу для гражданской активности.

Таким образом, проблема роста подростковой преступности нуждается в глубоком научном осмыслении, что позволит выявить и систематизировать весь комплекс причин, лежащих в её основе.

2. Заставская К. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних на современном этапе / Заставская К. А. // Инновация. Наука. Образование. — 2021. — № 35. — С. 1995–1998.
3. Константинова В. М. Понятие и виды преступности несовершеннолетних / Константинова В. М. // Юридическая гносеология. — 2023. — № 3. — С. 71–75.
4. Полуничев, А. И. Рост преступности несовершеннолетних: причины, последствия, меры противодействия / А. И. Полуничев // Новый юридический вестник. — 2021. — № 9 (33). — С. 47–49.

Проблемы применения административной ответственности за нарушение норм трудового законодательства: анализ практики и пути совершенствования

Рамазанова Диана Альбертовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрена практика назначения административного наказания за нарушения норм трудового законодательства в Российской Федерации. Проанализированы: статьи 5.27–5.27.1 КоАП РФ, причины допущения нарушений норм трудового законодательства, предложены направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: административная ответственность, статьи 5.27–5.27.1 КоАП РФ, трудовое законодательство.

В современном обществе трудовые отношения занимают важное место в обеспечении социально-экономической стабильности и развития государства. В связи с этим вопросы соблюдения трудового законодательства и ответственности за его нарушения всегда имеют особую актуальность.

Административная ответственность за нарушения норм трудового законодательства представляет собой важный инструмент обеспечения правопорядка в сфере труда, однако на практике её применения возникают существенные проблемы, связанные с недостаточной эффективностью, противоречиями в нормативных актах и субъективизмом при вынесении решений. В связи с этим возникает необходимость всестороннего анализа особенностей и проблем применения административной ответственности в данной сфере, а также поиска путей их решения.

Одним из ключевых нормативных актов, регулирующих порядок соблюдения трудового законодательства, является Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ), который содержит основные положения о трудовых отношениях, правах и обязанностях работников и работодателей, а также ответственности за нарушение трудового законодательства. В части административной ответственности за правонарушения норм трудового законодательства, важное значение имеют отдельные федеральные законы и нормативные акты, регулирующие именно административные меры воздействия.

Согласно ст. 1 ТК РФ целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей.

Основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для до-

стижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. [1]

Неоднозначность и нечеткость нормативных актов, регулирующих сферу трудовых отношений зачастую приводит к разночтениям в их толковании и применении, что в свою очередь негативно сказывается на эффективности правоприменительной практики и создает дополнительные сложности для субъектов трудовых отношений, в том числе для работодателей, работников и контролирующих органов.

Кроме того, нормативные акты нередко содержат общие формулировки, которые требуют дальнейшего разъяснения или конкретизации. В таких случаях органы контроля и суды вынуждены прибегать к толкованию нормативных положений, что вызывает разногласия и неоднозначность в практике применения закона. Это особенно актуально в условиях постоянно меняющегося трудового законодательства, когда новые нормы вводятся без достаточного разъяснения или конкретизации, что способствует возникновению правовых пробелов.

Еще одной проблемой является отсутствие четких инструкций по оформлению документов, порядка проведения определенных процедур, предусмотренных ТК РФ, в связи с чем возникает возможность для субъективных толкований и допущения ошибок. В результате чего органы государственной власти могут применять санкции на основании формальных нарушений, которые в конкретной ситуации могут быть незначительными или не иметь существенного значения для защиты прав работников.

Важным аспектом также является недостаточная унификация нормативных актов, регулирующих админи-

стративную ответственность в сфере трудовых прав. Различные ведомства и организации могут издавать стандарты и инструкции, например, Минтруд, Роструд и другие органы, которые могут иметь разную трактовку одних и тех же понятий, что вызывает путаницу и разногласия у работников и работодателей.

Также важным является вопрос о правовой определенности и предсказуемости правовых последствий. В условиях нечеткости нормативных актов граждане и юридические лица не всегда могут точно предсказать, какие действия или бездействия повлекут за собой административную ответственность. В результате чего субъекты трудовых отношений могут избегать выполнения требований законодательства или, наоборот, опасаться нарушения правил, что негативно сказывается на обеспечении безопасных условий труда и соблюдении прав работников.

В соответствии со ст. 419 ТК РФ, лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном настоящим Кодексом и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами. [1]

Одним из важнейших нормативных актов, в части административной ответственности, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). В нем содержится раздел, посвященный административной ответственности за нарушения норм трудового законодательства. В частности, статьи 5.27–5.27.1 КоАП РФ устанавливают ответственность за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права и нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации. В этих статьях подробно прописаны составы правонарушений, санкции в виде предупреждений и штрафов, а также порядок их применения и процедуры рассмотрения дел.

Административная ответственность в сфере труда представляет собой одну из форм юридической ответственности, которая применяется как к юридическим, так и должностным лицам, нарушающим нормы трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, регулирующих трудовые отношения. Основная цель административной ответственности является обеспечение соблюдения трудовых прав и гарантий работников, а также поддержание правового порядка в сфере труда.

Виды административных правонарушений в сфере труда разнообразны и охватывают широкий спектр нарушений. Согласно информации с сайта Роструда о результатах проверок государственной инспекции труда за 2024 год к наиболее распространенным относятся, нарушения в части невыплаты или неполной выплаты в установленный срок заработной платы, нарушения требо-

ваний охраны труда, уклонения от оформления трудового договора.

Так, например, за нарушения трудового законодательства в части невыплаты или неполной выплаты заработной платы если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо воспрепятствование работодателем осуществлению работником права на замену кредитной организации, в которую должна быть переведена заработная плата, либо установление заработной платы в размере менее размера, предусмотренного трудовым законодательством предусмотрено административное наказание в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, что предусмотрено частью 6 ст. 5.27 КоАП РФ. [2]

В соответствии с ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного частью 6 настоящей статьи, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей. [2]

Рассмотрение вопросов о привлечении виновных лиц к административной ответственности по части 7 ст. 5.27 КоАП РФ отнесены к исключительной компетенции судов.

Уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц — от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей, что предусмотрено частью 4 ст. 5.27 КоАП РФ. [2]

За нарушения требований охраны труда санкции административной ответственности предусмотрены статьёй 5.27.1 КоАП РФ. Так, например, за нарушение работодателем установленного порядка проведения специальной оценки условий труда на рабочих местах или ее непроведение предусмотрена административная ответственность в виде предупреждения или наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юриди-

ческого лица, — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц от шестидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей, что предусмотрено частью 1 ст. 5.27.1 КоАП РФ. [2]

Однако статьей 4.1.1. КоАП РФ за впервые совершенное административное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в случаях, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотрена замена административного наказания в виде административного штрафа на предупреждение при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 2 статьи 3.4 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи. [2]

Согласно ст. 4.1.2. КоАП РФ при назначении административного наказания в виде административного штрафа социально ориентированным некоммерческим организациям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки, а также являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, включенным по состоянию на момент совершения административного правонарушения в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, административный штраф назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи (части статьи) раздела II настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. [2]

В соответствии со статьей 32.2. часть 1.3–3. КоАП РФ не позднее двадцати дней со дня вынесения постановления о наложении административного штрафа административный штраф может быть уплачен в размере поло-

вины суммы наложенного административного штрафа. В случае, если копия постановления о назначении административного штрафа, направленная лицу, привлеченному к административной ответственности, по почте заказным почтовым отправлением, поступила в его адрес после истечения двадцати дней со дня вынесения такого постановления, указанный срок подлежит восстановлению судьей, органом, должностным лицом, вынесшими такое постановление, по ходатайству лица, привлеченного к административной ответственности. [2]

Целью назначения административного наказания за нарушения норм трудового законодательства является не только наказание нарушителей, но и профилактика правонарушений.

Однако в связи с указанными выше статьями КоАП РФ, условия, смягчающие административное наказание за нарушения норм трудового законодательства, в дальнейшем приводят к снижению уровня ответственности за совершенный проступок у привлекаемых лиц, что влечет за собой повторное совершение аналогичного административного правонарушения.

Высокая динамика роста совершения работодателями повторных нарушений трудового законодательства, ставит под вопрос эффективность применения мер административной ответственности, предусмотренных санкциями ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ

Для устранения указанных проблем необходимо усилить контроль деятельности работодателей, ужесточить меры административного наказания за нарушения норм трудового законодательства, проводить систематическую работу по совершенствованию нормативных актов, их конкретизации и унификации, создание единых методических рекомендаций и разъяснений, которые бы помогали субъектам трудовых отношений правильно интерпретировать нормы закона и применять их на практике.

Только при наличии четких, понятных и конкретных нормативных актов можно обеспечить справедливое и эффективное правоприменение, защиту прав работников и создание условий для безопасных и достойных трудовых отношений.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025);
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 15.12.2025);

Искусственный интеллект в государственном и муниципальном управлении: правовые требования к алгоритмической прозрачности и подотчетности

Ручий Олег Русланович, студент магистратуры

Научный руководитель: Зорькина Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Сургутский государственный университет

В статье автор исследует действующее и формирующееся законодательство, выявляет системные правовые риски и пробелы, а также формулирует рекомендации по созданию эффективного правового механизма, гарантирующего соблюдение прав граждан при использовании искусственного интеллекта (далее — ИИ) в публично-правовой сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственное управление, муниципальное управление, алгоритмическая прозрачность, подотчетность, цифровое государство, автоматизированное принятие решений.

Цифровизация государственного управления является глобальным трендом, а технологии искусственного интеллекта становятся ключевым инструментом для повышения эффективности, снижения бюрократических издержек и оптимизации предоставления публичных услуг. Однако использование «черных ящиков» — сложных, непрозрачных алгоритмов — органами публичной власти порождает уникальные правовые и этические вызовы. На кону стоит не просто эффективность, но фундаментальные принципы правового государства: верховенство права, гарантии прав и свобод человека, принцип гласности и подконтрольности власти обществу.

Проблема алгоритмической прозрачности и подотчетности выходит на первый план именно в публично-правовой сфере, где решения, принимаемые с помощью ИИ, напрямую влияют на правовой статус, имущественные и личные неимущественные права граждан и организаций (например, при назначении социальных выплат, проверке налоговых деклараций, распределении бюджетных средств, оценке рисков при контрольно-надзорной деятельности).

Целью данной статьи является комплексный анализ существующих и формирующихся правовых требований к прозрачности и подотчетности систем ИИ, используемых в государственном и муниципальном управлении в Российской Федерации. Для достижения цели поставлены задачи: определить понятийный аппарат, изучить нормативную базу, выявить практические проблемы правоприменения и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Концептуальные основы и нормативная база: от общих принципов к специальным требованиям. Использование ИИ в государственном управлении в России регулируется как общими нормами о цифровизации, так и нарождающимся специальным законодательством об ИИ. Фундаментальной основой являются принципы, закрепленные в Конституции РФ: законность, открытость деятельности государственных органов, гарантии прав и свобод человека (ст. 2, 15, 18). Эти принципы получают развитие в Федеральном законе от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»,

который обязывает власти предоставлять информацию о своей деятельности, в том числе о принятых решениях.

Стратегические ориентиры задает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года (утв. Указом Президента № 490 от 10.10.2019), прямо указывающая на необходимость использования ИИ в государственном управлении и одновременно — на важность обеспечения его прозрачности и подотчетности.

В отсутствие единого базового закона специальные требования к ИИ в госуправлении формируются на стыке действующего законодательства, стратегических документов и норм законопроекта, находящегося в стадии разработки. Ключевыми документами, задающими вектор регулирования, являются:

— **Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций».** Он предоставляет правовую основу для тестирования систем ИИ в публичном секторе в рамках «регуляторных песочниц», позволяя временно отступать от иных норм для апробации новых подходов, в том числе и к обеспечению прозрачности.

— **Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2026 года** (утверждена Минэкономразвития России). Этот документ, хотя и не является нормативным актом прямого действия, служит основополагающим источником принципов регулирования ИИ. В нем прямо закреплены принципы, которые впоследствии планируется перенести в законодательство: **безопасность, прозрачность и объяснимость, технологический нейтралитет, приоритет прав человека.** Именно Концепция детализирует, что принцип прозрачности подразумевает возможность получения пользователем информации о факте использования ИИ, его целях и основных параметрах.

— **Проект Федерального закона «Об искусственном интеллекте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»** (внесен Правительством РФ, прошел первое чтение в Государственной Думе). Публично доступные редакции данного законопроекта отражают консенсус законодателя по ключевым вопросам и позволяют прогнозировать будущие обязательные требования. Согласно логике проекта:

— Государственные и муниципальные органы, применяющие ИИ в социально значимых сферах (безопасность, правосудие, здравоохранение и т. д.), будут отнесены к категории **операторов высокорисковых систем ИИ**.

— На таких операторов будут возложены повышенные обязанности, включающие **обязательную оценку соответствия** системы перед вводом в эксплуатацию, **регистрацию** данных о системе в специальном реестре, внедрение системы управления рисками.

— Важнейшей гарантией для сферы госуправления является закрепляемый проектом принцип **«человеческого контроля»**, требующий, чтобы окончательное решение, существенно затрагивающее права и свободы граждан, принималось человеком с возможностью отклонения рекомендации, сформированной ИИ.

Таким образом, хотя прямое императивное регулирование алгоритмической прозрачности в виде федерального закона еще не принято, его концептуальные основы и будущие контуры уже четко обозначены в документах, формирующих государственную политику в данной области. Текущий этап можно охарактеризовать как переход от декларации принципов к созданию конкретных правовых механизмов их обеспечения.

Требования к автоматизированным процессам также содержатся в:

— **Федеральном законе от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»** (требования к процедурам).

— **Регламентах предоставления конкретных услуг**, которые должны описывать логику автоматических решений.

— **Нормы о персональных данных (Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ)** накладывают дополнительные ограничения на обработку информации системами ИИ.

Таким образом, нормативная база движется от общих деклараций к конкретным императивным требованиям, возлагающим на государственных операторов ИИ повышенные обязанности.

Несмотря на формирующуюся законодательную базу, на практике реализация принципов прозрачности и подотчетности сталкивается с серьезными препятствиями.

Коллизия между «объяснимостью» и «коммерческой/государственной тайной». Проект закона «Об ИИ» требует объяснимости, однако логика сложных алгоритмов (особенно глубокого обучения) часто не поддается простой интерпретации даже разработчиками. Более того, поставщик технологий может ссылаться на **коммерческую тайну** (ст. 1465 ГК РФ), отказываясь раскрывать исходный код и архитектуру модели. Когда заказчиком выступает государство, на первый план может выйти и **государственная тайна**. Неразработанность правовых механизмов преодоления этой коллизии создает риск формального соблюдения требований.

Проблема содержания «объяснения». Законопроект не раскрывает, что доставляет достаточное объяснение.

Будет ли им техническое описание алгоритма, недоступное для понимания обычного гражданина, или простой вывод фактов, на которых основано решение? Для истинной подотчетности объяснение должно быть **содержательным, своевременным и адаптированным для адресата** (гражданина, суда, надзорного органа). Отсутствие стандартов объяснимости — значительный правовой пробел.

Сложность распределения ответственности. Кто несет ответственность за вредоносное или дискриминационное решение, принятое государственным органом на основе рекомендации системы ИИ: орган-оператор, разработчик (внешний подрядчик) или оба солидарно? Действующий **Закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан»** и **нормы о судебном обжаловании действий органов власти (гл. 22 КАС РФ, гл. 24 АПК РФ)** не адаптированы для ситуаций, где ключевую роль сыграл алгоритм. Требуется четкое закрепление в законодательстве, что **оператор (госорган) несет полную ответственность перед гражданином** за любое решение, вынесенное с использованием ИИ, с последующим регрессным требованием к разработчику при наличии вины.

Обеспечение человеческого контроля. Хотя законопроект упоминает главенство человека над ИИ, он не определяет четко, в каких именно случаях, затрагивающих права граждан, окончательное решение **обязательно** должен принимать человек, а ИИ может выступать лишь в роли советующего инструмента. Это оставляет пространство для злоупотреблений и полной автоматизации социально-значимых решений, что недопустимо в правовом государстве.

Внедрение искусственного интеллекта в государственное и муниципальное управление — неизбежный и потенциально полезный процесс. Однако его правовое сопровождение должно быть сфокусировано не только на эффективности, но в первую очередь на защите основ конституционного строя и прав граждан.

Анализ показывает, что российский законодатель осознает важность проблем алгоритмической прозрачности и подотчетности, что отражается в проекте базового закона об ИИ. Закрепление принципа объяснимости, обязанностей для операторов высокого риска и создания госреестра ИИ — это важные шаги в правильном направлении.

Тем не менее, действующие и проектируемые нормы носят рамочный характер и требуют серьезной детализации. Для формирования полноценного правового режима необходимо:

1. Детализировать в подзаконных актах стандарты объяснимости для систем ИИ, используемых в госуправлении, установив требования к форме, содержанию и доступности объяснений для разных категорий пользователей.

2. Четко законодательно разграничить сферы, где допустимо полностью автоматическое решение, а где обязателен человеческий контроль с правом вето на алгоритмическую рекомендацию.

3. Ввести обязанность проведения обязательного независимого аудита (оценки воздействия) алгоритмов на предмет дискриминации и соблюдения прав человека до их внедрения в публичные процессы.

4. Установить ясные процедуры обжалования алгоритмических решений в административном и судебном порядке, с возложением бремени доказывания корректности работы системы на государственный орган-оператор.

5. Создать эффективный механизм разрешения конфликта между требованием прозрачности и режимом коммерческой/государственной тайны, возможно, через институт доверенных третьих сторон или специальные процедуры проверки кода для уполномоченных органов.

Только комплексный подход, ставящий во главу угла права человека и публичный интерес, позволит превратить искусственный интеллект в инструмент не просто «умного», но справедливого и подотчетного государства.

Литература:

1. Федеральный закон Российской Федерации «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации
2. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // часть четвертая. — 2006.
4. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 02.07.2021 № 331-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.
5. Федеральный закон Российской Федерации «О персональных данных» от 14.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.

История развития законодательства об ответственности за бандитизм

Сагадеев Максим Борисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребенкин Федор Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья посвящена истории развития законодательства об ответственности за бандитизм. В работе проанализированы природа преступления, основные нормативные акты и судебные разъяснения, показано, как изменялись признаки, квалификация и меры ответственности за бандитизм.

Ключевые слова: бандитизм, уголовно-правовая характеристика, исторические этапы развития.

History of the development of legislation on liability for banditry

Sagadeev Maksim Borisovich, master's student

Scientific advisor: Grebenkin Fedor Borisovich, phd in law, associate professor
Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Kirov)

The article is devoted to the history of the development of legislation on liability for banditry. The work analyzes the nature of the crime, the main legal acts and judicial interpretations, and shows how the signs, qualifications, and measures of liability for banditry have changed.

Keywords: banditry, criminal legal characteristics, and historical stages of development.

Уголовно-правовую характеристику любого преступления следует рассматривать как процесс, имеющий своё происхождение и эволюцию; исходя из этого, исследование состава преступления под названием «бандитизм» целесообразно начинать с историко-правового анализа его становления и трансформаций.

На протяжении всей истории бандитизм воспринимался как преступление, носящее государственный характер, то есть как особо опасное посягательство на основы государственного устройства и общественной безопасности. Уже в древнерусской правовой традиции находились нормы, направленные на пресечение подобных

проявлений: в «Русской Правде» (ст. 41–43) содержатся положения, предписывавшие солидарное взыскание материального вреда при совершении кражи группой лиц.

Формирование первых организованных преступных сообществ на территории России приходится на конец XV — начало XVI века, что коррелировало с начальной стадией капиталистических накоплений. В связи с этим в Соборном Уложении 1649 года потребовалось уточнение института соучастия, в результате чего в правовой речи появилось и закрепилось понятие «скопа» [13, с. 229].

Наиболее активно групповые преступления начали проявляться в эпоху правления Петра I. Массовое бегство крестьян и их интеграция в криминальную среду привели к возникновению «воровских шаек», которые нередко трансформировались в более устойчивые банды. Их основная мотивация была прагматической: нападения на организации и частных лиц с целью хищения имущества; иные идеологические или политические цели встречались значительно реже.

Ключевым нормативным актом в области уголовного права на рубеже XIX–XX веков стало Уголовное уложение, утверждённое императором Николаем II в марте 1903 года, ставшее последним таким документом Российской империи. Оно фиксировало подходы к квалификации преступлений того времени, но не исчерпывало всех вопросов, связанных с организованной преступностью.

Первая мировая война и последовавшие за ней события, включая февральскую революцию 1917 года, обусловили резкий рост организованной преступности на фоне экономического упадка и социальных потрясений. Дополнительным фактором, усилившим этот взлёт, стала всеобщая амнистия, провозглашённая Указом Временного правительства от 18 марта 1917 года: освобождённые лица в ряде случаев вновь вливались в преступную среду и способствовали её распространению.

После Октябрьской революции 1917 года уровень преступности достиг критических показателей; для его подавления в законодательстве вводились новые меры. Примером служит Инструкция о революционном трибунале, в которой были закреплены жёсткие санкции, включая смертную казнь, по отношению к лицам, совершавшим особо опасные преступления, в том числе связанные с бандитизмом.

До революции в юридической практике не использовался термин «банда» в современном смысле; правоприменительная лексика ограничивалась понятиями «шайки», «злонамеренные шайки», «шайки, сложившиеся для учинения множества тяжких преступлений». С установлением советской власти произошли существенные изменения в терминологии и правовой квалификации: вооружённые преступные формирования стали обозначаться как «банды», тогда как «шайка» сохранила применение в отношении преимущественно ненасильственных или менее тяжких составов.

Советский период ознаменовался рядом важнейших новаций. Впервые, в системе уголовного права закре-

пился приоритет обозначения вооружённой преступной группы как «банды». Вовторых, формировался сам состав бандитизма и выделялисьотягчающие обстоятельства, усиливающие общественную опасность деяния. В-третьих, декретами Советской власти, в частности Декретом СНК РСФСР и ВЦИК «О борьбе с дезертирством» [4], вооружённость была выделена в качестве ключевого признака банд. В-четвёртых, законодатель подчёркивал, что основная цель создания банд — совершение нападений на физических лиц, предприятия и учреждения с целью хищения или запугивания.

Термин «бандитизм» впервые встретился в Декрете СНК РСФСР 1918 года «О суде» [2], а его официальная трактовка была дана в Декрете ВЦИК 1919 года «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» [3], где под бандитизмом понималось участие в шайке, созданной для убийств, разбоя и грабежей, а также пособничество и укрывание такой шайки.

Для бандитизма важным рубежом является 1922 год, после которого бандитизм рассматривается как одно из наиболее опасных преступлений [6]. В УК РСФСР 1926 г. статья о бандитизме размещена в главе «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления», что подчёркивало государственно-охранительную природу запрета и высокий уровень общественной опасности [7].

В УК РСФСР 1960 г. ответственность за бандитизм закреплялась в ст. 77 [15]. Приведённая дефиниция строилась вокруг трёх взаимосвязанных форм: организация вооружённых банд с целью нападений; участие в банде; участие в нападениях, совершаемых бандой. Практическое толкование признаков бандитизма дополнялось разъяснениями: в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 17 июня 1960 г. банда характеризовалась как устойчивая вооружённая группа из двух и более лиц, предварительно организовавшихся для нападений на учреждения либо на отдельных лиц.

Произошли изменения в законодательной конструкции: исключение из диспозиции отдельных способов (например, связанных с остановкой поездов и разрушением путей), корректировка санкций и введение дополнительной меры наказания в виде ссылки на срок от двух до пяти лет по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г. [16].

Существенный пласт ответственности за бандитизм проявился не только в тексте закона, но и в судебной практике квалификации последствий нападений. Позиция Верховного Суда СССР в конце 1950-х — 1970-х годов исходила из «поглощения» отдельных последствий составом бандитизма: в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 октября 1959 г. «О судебной практике по делам о бандитизме» [11] указывалось, что при совершении в ходе нападения убийства, изнасилования или грабежа содеянное квалифицируется как бандитизм без дополнительной ссылки на статьи о преступлениях против личности и собственности; аналогичный

подход подтверждён в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» [12]. Позднее данный подход был скорректирован: 22 декабря 1992 г. Пленум Верховного Суда РФ предложил квалифицировать умышленное убийство, совершённое участниками банды при нападении, по совокупности преступлений [9].

На позднесоветском и постсоветском этапе на фоне роста организованной преступности оформляются современные её составы. До середины 1980-х в науке бандитизм чаще рассматривали в историческом ключе и как отдельные случаи; с появлением коммерческих структур и накоплением частного капитала возросли корыстно-насильственные преступления (включая рэкёт), а распад СССР сопровождался усилением бандитских группировок [5].

Практические потребности в правоприменении привели к развитию разъяснений судов:

— постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 9 «О судебной практике по делам о бан-

дитизме», в котором предложено дополнительно квалифицировать самостоятельные тяжкие последствия бандитских нападений (со ссылкой на ст. 7 УК РСФСР) [8];

— постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», где рекомендована квалификация по совокупности при хищениях наркотических средств, совершённых бандой [10].

Подводя историкоправовую ретроспективу, можно отметить: на протяжении длительного существования российского государства бандитизм всегда рассматривался как особо опасное преступление, угрожающее общественной и государственной безопасности. Понятие и состав этого преступления эволюционировали вместе с политикоэкономическими изменениями: менялись квалифицирующие признаки, совершенствовались меры уголовной ответственности и подходы к их применению. Современный полный комплекс признаков для квалификации бандитизма зафиксирован в Уголовном кодексе РФ 1996 года [1].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420 (утратил силу).
3. Декрет ВЦИК от 20.06.1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» // СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301 (утратил силу).
4. Декрет СНК РСФСР, ВЦИК от 02.02.1921 «О борьбе с дезертирством» // СУ РСФСР. 1921. № 9. Ст. 61 (утратил силу).
5. Максимов, П. В. Организационно-правовые основы борьбы с бандитизмом в начальный период советского государства: учебное пособие / П. В. Максимов. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. 51 с.
6. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф.С.Р». (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153 (утратило силу).
7. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р. С. Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р. С. Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600 (утратило силу).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.1993 г. № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме» // БВС РФ. 1994. № 3 (утратило силу).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 г. № 15 «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» // БВС РФ. 1993. № 2 (утратило силу).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.1993 г. № 2 (ред. от 21.12.1993 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // БВС РФ. 1993. № 7 (утратило силу).
11. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 25.10.1959 г. «О судебной практике по делам о бандитизме» // СПС «КонсультантПлюс» (утратило силу).
12. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 г. № 4 (ред. от 22.09.1989 г.) «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» // БВС СССР. 1975. № 4 (утратило силу).
13. Соболев, В. А. История развития российского законодательства об ответственности за бандитизм / В. А. Соболев // Академическая публицистика. 2024. № 1–2. С. 227–232.
14. Сырых, В. М. История государства и права России: учебник: в 2 томах. Том 2 / В. М. Сырых; под общ. ред. В. М. Сырых. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 400 с.
15. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // БВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591 (утратил силу).
16. Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1961 г. (ред. от 02.07.1991 г.) «О внесении дополнений и изменений в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и в Основы уголовного законодательства» // БВС СССР. 1961. № 21. Ст. 222 (утратил силу).

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, как международная проблема

Самаров Кантемир Олегович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, рассматривается как международная проблема. Проводится анализ становления системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в условиях теневой экономики до создания эффективной национальной системы во главе с Росфинмониторингом. Особое внимание уделено мерам, направленным на борьбу с легализацией преступных доходов, на международном уровне.

Ключевые слова: легализация, отмывание денежных средств, международная проблема, финансирование терроризма.

Legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means as an international problem

The article examines the legalization (laundering) of funds or other property acquired through criminal means as an international problem. An analysis is conducted of the development of a system for combating money laundering and terrorist financing in the context of the shadow economy, prior to the creation of an effective national system headed by Rosfinmonitoring. Particular attention is paid to measures aimed at combating money laundering at the international level.

Keywords: legalization, money laundering, international problem, terrorist financing.

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, носит международный характер, и исторические предпосылки его криминализации также международные, начавшиеся с борьбы против наркоторговли в 1970-х, расширившиеся на другие преступления к 1990-м, а затем включившие финансирование терроризма.

Для легализации криминальной прибыли преступники обычно выбирают те страны, которые имеют строгую банковскую тайну со слабым контролем со стороны правоохранительных органов за банковской деятельностью, чтобы «отмывать» преступно нажитые деньги, превращая их в легальные доходы. Как правило, правительства этих государств, стремясь привлечь иностранные инвестиции для роста экономики своей страны, часто закрывают глаза на происхождение средств, создавая благоприятную среду для привлечения в национальную финансовую систему «грязного» капитала. Это создает проблемы для мировой финансовой стабильности и безопасности, способствуя финансированию преступности и терроризма.

В этой связи вывод К. Н. Алешина о том, что в результате легализации преступных доходов «происходит неконтролируемое перераспределение финансовых потоков, приводящих к понижению рентабельности, а значит, и привлекательности легального бизнеса, то есть происходит не только процесс криминализации экономики за счет вливания преступных денег, но и процесс «криминализации» сознания субъектов экономической деятельности, толкая последних на получение преступных сверхприбылей» [1] достаточно обоснован и справедлив.

Рост организованной преступности, наркоторговли и коррупции в мире привел к необходимости междуна-

родного признания легализации (отмывания) денег уголовно наказуемым деянием и потребовал единого подхода к борьбе с этим явлением.

В результате в период последних двух десятилетий большинством стран введены законы, делающие незаконным любое «придание правомерного вида» имуществу, полученному преступным путем с целью предотвращения легализации преступных доходов и возможности их использования.

Термин «отмывание» денег получил широкое распространение в США в 1980-х годах на фоне роста доходов от наркобизнеса для маскировки их незаконного происхождения, но первые упоминания и практика его применения относятся к 1930-м годам, когда использовались прачечные для легализации доходов от контрабанды алкоголя. Данный термин прижился и описывает сложный процесс запутывания следов преступно нажитых средств, который с тех пор распространился на доходы от всех видов преступной деятельности, а не только от наркоторговли.

Венская Конвенция ООН 1988 года (Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года) [2] заложила основу для международного определения легализации (отмывания) преступных доходов, криминализовав финансовые операции с деньгами, полученными от наркоторговли, и став ключевым документом, повлиявшим на законодательство стран мира, включая западные, в борьбе с отмыванием денег. Конвенция ООН 1988 года впервые потребовала от государств-участников криминализовать операции с имуществом, связанным с незаконным оборотом наркотиков, с целью выявления преступных деяний и для привлечения преступников к юридической ответственности.

Она стала первым договором, установившим общие юридические рамки для противодействия отмыванию денег, что способствовало развитию национальных законодательств во многих странах. Позднее, в 1990-е годы, борьба расширилась, включив доходы от большинства видов преступлений, а затем и финансирование терроризма, но фундамент был заложен именно Венской конвенцией.

Венская конвенция ООН 1988 года сделала криминализацию «отмывания» доходов от наркоторговли обязательной, но со временем, из-за роста преступности, возникла потребность в расширении борьбы и на доходы от других видов преступной деятельности, что привело к появлению новых международных актов, таких как Палермская конвенция (2000 г.), которые охватывают более широкий спектр преступных доходов.

Осознание неэффективности изолированных действий привело к переходу к международному сотрудничеству и созданию глобальных политик, где **государства объединяют усилия под эгидой международных организаций** для разработки и внедрения единых стандартов, что делает борьбу с этим преступным явлением гораздо более эффективной и системной, а не спорадической.

С этой целью в 1989 году была создана Международная организация по борьбе с отмыванием преступных доходов (ФАТФ), членами которой в настоящий момент являются 31 страна, включая и Россию. Ежегодно ФАТФ составляет «черный» список государств, не принимающих «достаточных мер» для противодействия легализации преступных доходов. При работе со странами, которые не соблюдают или неадекватно применяют международные стандарты, ФАТФ призывает финансовые институты, включая банки, проявлять **повышенную осторожность**. Это включает в себя усиление процедур проверки клиентов и ограничение рискованных операций, например, через **отказ в открытии счетов** для банков из этих стран, чтобы предотвратить отмывание денег и финансирование терроризма.

Рекомендации ФАТФ — это международные стандарты, на основе которых страны, включая Россию, разрабатывают национальное законодательство в сфере противодействия легализации доходов и финансированию терроризма, а ФЗ-115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 2001 года [3] стал ключевым российским актом, гармонизированным с этими мировыми требованиями.

Наличие детализированного закона не гарантирует эффективность, так как ФАТФ оценивает реальную работу системы, а методы отмывания постоянно меняются и усложняются, требуя непрерывного совершенствования законодательства и правоприменения, особенно в части создания новых структур и внедрения инновационных

схем. Вот почему так важен постоянный мониторинг действующего законодательства и анализ информации, предоставленной организациями, осуществляющими операции с денежными средствами и иным имуществом.

Страны по-разному формулируют список преступных деяний, доходы от которых подлежат легализации. Например, в России это могут быть хищения, взятки, незаконный оборот наркотиков, а в других юрисдикциях — иные виды мошенничества, терроризм, киберпреступления. В России вопросы легализации стали актуальны с 90-х годов, когда появились частная собственность, предпринимательство и возможность конвертации валюты, чего не было в СССР, где возможности для отмывания были ограничены госконтролем. Несмотря на различия, международные организации, такие как ФАТФ, стремятся к унификации, но каждая страна адаптирует эти стандарты к своей правовой системе, определяя конкретный список «криминальных» доходов и механизмы противодействия. Но при этом стандарты ФАТФ требуют от стран включения широкого спектра преступлений в свои законодательства, чтобы противодействовать глобальным финансовым потокам от криминала.

К важнейшим целям деятельности по легализации преступных доходов можно отнести: — сокрытие следов происхождения доходов, полученных из нелегальных источников; — создание видимости законности получения доходов. Основными проблемами преступников при отмывании денег являются сложность баланса между легализацией доходов и сохранением к ним доступа, когда чрезмерная изоляция средств делает их непригодными или труднодоступными для использования, что подчеркивает необходимость стратегического планирования в преступной деятельности.

Возможна иная ситуация, при которой преступник занимается незаконным обогащением (например, мошенничеством, взятками), но не может «отмыть» деньги, **то есть придать им законный вид, скрывая происхождение, что делает его «прямым кандидатом» на арест, так как сам факт обладания крупной суммой «грязных» денег при очевидной связи с преступной деятельностью является веским доказательством.**

Таким образом, отмывание денег является жизненно важной составляющей любой преступной деятельности, важным звеном криминального экономического цикла. Противодействие отмыванию доходов — это приоритетная задача и огромные объемы легализации подтверждают, что это глобальная проблема, требующая системных усилий на уровне государств и международных организаций, таких как ФАТФ. Поэтому многие государства, особенно это касается развитых стран мира, принимают меры, направленные на борьбу с легализацией преступных доходов.

Литература:

1. Алешин К. Н. Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление международного характера: Дис. Канд. Юр. Наук. СПб., 2004.

2. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М., 1994. С. 133.
3. Федеральный закон от 07.08.2001г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3418.

К вопросу о проблемах предварительного расследования

Серова Наталья Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена изучению предварительного расследования как важной стадии уголовного судопроизводства. Рассматриваются его понятие, основные формы и этапы, а также анализируются существующие проблемы, возникающие на практике, такие как перегруженность органов следствия, недостаточная квалификация кадров, процессуальные злоупотребления и технические ограничения. Особое внимание уделяется путям решения указанных проблем, включая повышение профессиональной подготовки следователей, оптимизацию организационной структуры, совершенствование технической базы и контроль за законностью следственных действий, что подчеркивает значение предварительного расследования для обеспечения полноты и объективности доказательственной базы и справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: предварительное расследование, уголовное судопроизводство, следствие, дознание, этапы расследования, процессуальные действия, доказательства, проблемы расследования, пути совершенствования, правовая защита

На сегодняшний день предварительное расследование является одной из ключевых стадий уголовного судопроизводства, направленной на выявление, закрепление и проверку обстоятельств, имеющих значение для дела. Предварительное расследование представляет собой комплекс процессуальных действий, проводимых уполномоченными органами с целью установления факта совершения преступления, личности подозреваемого и доказательственной базы для дальнейшего уголовного преследования. Значимость предварительного расследования заключается в его роли как фундамента для справедливого и законного судебного разбирательства, так как от качества и полноты этой стадии зависит возможность объективного принятия судебного решения.

Для начала важно обратить внимание на тот факт, что предварительное расследование — это процессуальная деятельность органов дознания и следствия, направленная на сбор доказательств, установление обстоятельств дела и определение лиц, подлежащих уголовному преследованию. В российском уголовно-процессуальном законодательстве предварительное расследование имеет закрепленное правовое регулирование и предполагает реализацию ряда полномочий и обязанностей, включая допросы, обыски, выемки документов, назначение экспертиз и другие следственные действия.

Как отмечает О. М. Магомедов, «понятие „предварительное расследование“ как стадия уголовного судопроизводства не вызывает дискуссий в научной юридической литературе. Большинство специалистов в данной области

приходят к единому мнению относительно его определения. Под предварительным расследованием как стадией уголовного судопроизводства понимается вторая стадия уголовного процесса, направленная на решение общих задач уголовного судопроизводства и частных задач стадии» [3, с. 334].

Главная цель предварительного расследования заключается в обеспечении полноты и объективности доказательственной базы для суда. Оно позволяет не только выявить преступление, но и предотвратить возможные ошибки, исключить незаконные обвинения и обеспечить соблюдение прав участников процесса.

В уголовно-процессуальной практике выделяют несколько форм предварительного расследования:

1. Следствие — наиболее распространенная форма, осуществляемая следователями органов внутренних дел, Следственного комитета РФ или других уполномоченных органов.
2. Дознание — форма предварительного расследования, применяемая для менее сложных и менее тяжких дел.
3. Сокращенное расследование — особая форма, когда уголовное дело может быть рассмотрено в сокращенном порядке, например при признании вины подозреваемым.

В современных условиях, требующих научно обоснованного подхода к организации досудебного производства, возникает необходимость в тщательном теоретическом прояснении понятий, имеющих важнейшее практическое значение. На первом месте в этом списке находится понятие «предварительное расследование», ко-

торое осуществляется в двух формах: предварительного следствия и дознания. На этом этапе должностные лица осуществляют производство процессуальных действий и принимают процессуальные решения в соответствии с законами и подзаконными актами Российской Федерации [5, с. 43]. Несмотря на значимость, практика предварительного расследования сталкивается с рядом проблем: ошибки в проведении следственных действий могут привести к недопустимым доказательствам и нарушению прав участников процесса, а большой объем дел приводит к затягиванию сроков расследования, что сказывается на его качестве и ущемляет права подозреваемых и потерпевших.

Кроме того, расследование современных преступлений (например, киберпреступлений) требует применения специальных методов и технологий, а отсутствие соответствующих инструментов затрудняет раскрытие дел. Неправомерное применение мер пресечения, давление на свидетелей, использование недопустимых доказательств ставят под сомнение справедливость расследования. Многие практики отмечают, что назначение и проведение экспертиз часто затягивается, что замедляет процесс и снижает его эффективность.

Для повышения эффективности предварительного расследования необходимо проведение регулярных курсов повышения квалификации, обучение новым методам расследования, психологии допроса и современным криминалистическим технологиям, распределение дел с учетом сложности, внедрение автоматизированных систем учета и контроля, что позволит ускорить расследование и снизить влияние человеческого фактора. Также требуется оснащение следственных органов современными средствами криминалистики, программным обеспечением для анализа данных, цифровыми инструментами для расследования киберпреступлений.

На сегодняшний день присутствует также ряд правовых пробелов. Так, А. В. Кикоть указывает: «Целесообразно предусмотреть в УПК РФ обязанность следователя, дознавателя принимать меры попечения о детях, об иждивенцах не только подозреваемого или обвиняемого, но и потерпевшего в случае, когда в результате совершения преступления ему требуется стационарная медицинская помощь, причинен вред здоровью, делающий невозможным должную заботу за иждивенцами или детьми, либо в случае наступления его смерти» [2, с. 436].

Следует согласиться с А. В. Кикотем, так как действующее законодательство действительно недостаточно полно регулирует защиту прав и интересов детей и иждивенцев участников уголовного процесса. В ряде случаев отсутствие четкой обязанности следователя или дознавателя принимать меры по обеспечению их интересов может приводить к ситуации, когда несовершеннолетние остаются без надлежащей заботы или поддержки. Введение соответствующей нормы в УПК РФ позволило бы не только повысить социальную ответственность органов расследования, но и обеспечить комплексную защиту потерпевших, учитывая последствия преступления для их семей, что будет соответствовать принципу гуманизма и всесторонней защиты прав участников уголовного судопроизводства и сделает процедуру предварительного расследования более справедливой и эффективной.

Таким образом, можно сказать, что предварительное расследование является фундаментальной стадией уголовного судопроизводства, обеспечивающей законность, полноту и объективность доказательств, и несмотря на существующие проблемы, эффективная система расследования возможна при повышении квалификации кадров, оптимизации организационной структуры, развитии технической базы и контроле за соблюдением процессуальных норм.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
2. Кикоть, А. В. Глава 14. Предварительное расследование / А. В. Кикоть, О. А. Чабукиани // Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. — Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. — С. 418–441.
3. Магомедов, О. М. Понятие «предварительное расследование» и его правовая природа / О. М. Магомедов // Модернизация образования в условиях технологических и цифровых нововведений: теория и практика: материалы XL Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 ноября 2021 года. Том Часть 1. — Ростов-на-Дону : Южный университет (ИУБиП), 2021. — С. 334–338.
4. Малашенкова, Н. О. Актуальные проблемы предварительного расследования: теория и практика / Н. О. Малашенкова // VI Всероссийская ежегодная декабрьская научно-практическая студенческая конференция РосНОУ: Сборник трудов конференции, Москва, 04–20 декабря 2024 года. — Москва : Российский новый университет, 2025. — С. 18–24.
5. Соболева, В. С. Подходы к понятию «предварительное расследование» / В. С. Соболева // Юриспруденция, государство и общество: современные правовые проблемы: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 января 2023 года. — Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 43–45.

Порядок приобретения и прекращения статуса адвоката в Российской Федерации

Ситдииков Рустам Айратович, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся существующего в Российской Федерации порядка приобретения и прекращения статуса адвоката с учетом анализа правовых теоретических положений. Раскрывается понятия адвоката как публично-правового института, присяга адвоката, гарантия его независимости.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, статус адвоката, удостоверение адвоката, присяга адвоката, адвокатская палата, приобретения и прекращения статуса адвоката, совет адвокатской палаты

Адвокатура — важнейший публично-правовой институт. Адвокатское сообщество создано в целях обеспечения на территории Российской Федерации оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» «адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность». Названный в данной правовой норме порядок приобретения статуса адвоката выступает одной из важных гарантий обеспечения квалифицированности оказываемой адвокатом юридической помощи. Это обусловлено тем, что рассматриваемый порядок выступает своеобразным фильтром, призванным ограничить доступ к адвокатуре лицам, не обладающим достаточным уровнем теоретических знаний и практических навыков и, как следствие, не способным в последующем оказать доверителям юридическую помощь, соответствующую высоким профессиональным и этическим стандартам.

В законе об адвокатуре закреплен порядок получения статуса адвоката. Приобрести статус адвоката в праве лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, или лицо обязано иметь ученую степень по юридической специальности.

Стаж работы по юридической специальности должен быть не менее двух лет или же должна иметься пройденная стажировка в сроки, установленные законодательством. Претендент должен быть полностью дееспособным. Лицо, претендующее на получение статуса адвоката, не должно иметь непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления. Если лицо соответствует всем требованиям, которые указаны выше, то имеет право обратиться в квалификационную комиссию адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

Претендент обязан предоставить в квалификационную комиссию все необходимые документы, которые перечислены в ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации». Лицо, сдавшее экзамен, приносит присягу.

Присяга адвоката — это официальное заявление, которое адвокат произносит при вступлении в профессию. Эта присяга подтверждает его обязательства перед законом, клиентами и обществом. Со дня принятия присяги претендент получает статус адвоката и становится членом адвокатской палаты. Содержание присяги может варьироваться в зависимости от страны и местного законодательства, но в целом в ней содержится обязательство защищать права и свободы клиентов, соблюдать закон, поддерживать профессиональную этику и конфиденциальность информации, полученной от клиентов.

Смысл утверждения в том, что тщательное запоминание текста присяги адвоката способствует более глубокому пониманию и соблюдению этических норм профессии. Таким образом, текст присяги служит своеобразным «щитком», который защищает как адвоката от потенциальных нарушений, так и клиентов и общество от недобросовестных практик.

Официальным подтверждением статуса выступает удостоверение адвоката, выдаваемое адвокатской палатой субъекта Российской Федерации. С момента получения данного документа лицо приобретает полномочия на осуществление адвокатской практики на всей территории Российской Федерации без ограничения по юрисдикции. Также на него распространяются предусмотренные законом профессиональные гарантии.

В частности, в статьях 17–18 Федерального закона № 63-ФЗ закреплены положения о неприкосновенности личности адвоката, защите его жилища от произвольного вмешательства, а также охране конфиденциальной информации, связанной с общением с доверителем. Согласно статье 19 вышеуказанного закона, адвокат обязан застраховать риск своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи.

Адвокат должен быть готов точно и неуклонно соблюдать законодательство, использовать предусмотренные законом средства и способы защиты прав и интересов граждан. Чтобы получить статус адвоката нужно пройти довольно большой «ряд испытаний»: получить высшее образование, предоставить в квалификационную комиссию все необходимые документы, сдать экзамен. Но самым главным условием является соблюдение законов, если ад-

вокат будет им противоречить, то с «лёгкостью» может лишиться своего статуса.

Прекращение статуса адвоката влечет серьезные правовые и фактические последствия для адвоката. С момента прекращения статуса адвоката лицо не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, прекращается действие гарантий, предусмотренных законодательством для адвокатов. В связи с этим в Федеральном Законе об адвокатуре специально предусмотрена возможность обжалования в суд решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката.

Территориальный орган юстиции имеет право в установленном порядке добиваться прекращения статуса адвоката в случае, если имеются достаточные основания для прекращения его статуса. Реализуется это право путем направления представления о прекращении статуса адвоката в адвокатскую палату соответствующего субъекта. Причем для направления представления органу юстиции необходимо располагать достаточной информацией о существовании обстоятельств, являющихся основанием для прекращения статуса адвоката.

На основании представления совет адвокатской палаты должен в месячный срок принять с учетом заключения квалификационной комиссии решение о прекращении статуса адвоката либо об отказе в принятии такого решения. В случае если совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации в трехмесячный срок со дня поступления представления территориального органа юстиции не рассмотрел его, указанный орган вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении статуса адвоката. Процедура обращения территориального органа юстиции в суд регулируется общими нормами гражданского процессуального законодательства.

Таким образом, закон предоставил территориальному органу Минюста России полномочия по контролю за соблюдением адвокатами действующего законодательства и обязательств перед доверителями.

На всех этих этапах адвокат имеет право лично присутствовать на заседаниях квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты, представлять свои аргументы и доказательства, отстаивая свою позицию.

Особые гарантии предусмотрены при рассмотрении представлений органов юстиции: если такое представление о прекращении статуса внесено территориальным органом юстиции, оно подлежит обязательному рассмотрению квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты, при этом в возбуждении дисциплинарного производства по таким представлениям не может быть отказано.

К числу дополнительных гарантий относятся: обязанность совета адвокатской палаты вынести мотивированное решение о прекращении статуса с указанием конкретных оснований и обстоятельств дела; обязательное уведомление в десятидневный срок в письменной форме лица, статус адвоката которого прекращён, соответствующего адвокатского образования и территориального органа юстиции о принятом решении; а также возможность адвоката отозвать заявление о прекращении статуса по собственному желанию до момента принятия решения советом адвокатской палаты.

Все эти процедурные гарантии направлены на обеспечение законности и справедливости при рассмотрении вопросов о прекращении статуса адвоката, однако их эффективность в значительной мере зависит от неукоснительного соблюдения процессуальных норм и объективной позиции органов, участвующих в дисциплинарном производстве.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024)
2. Бойков, А. Д. Сущность и правовое содержание статуса адвоката /А. Д. Бойков // Адвокат. — 2021. — № 10. С. 37–44.
3. Чечина, А. Р. Статус адвоката: понятие, порядок приобретения и приостановления статуса / А. Р. Чечина, Д. В. Боев // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 116–13. — С. 45–48.
4. Цечоев, В. К. История органов и учреждений юстиции России: учебник для вузов / В. К. Цечоев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 421 с.

Процедура выражения согласия на совершение третьими лицами юридически значимых действий

Слюнченко Никита Сергеевич, студент магистратуры
Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета

Статья посвящена рассмотрению особенностей процедуры выражения согласия на совершение третьими лицами юридически значимых действий в соответствии с российским законодательством на примере оформления информиро-

ванного добровольного согласия на медицинское вмешательство. По итогу исследования сделан вывод о необходимости дополнения Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: согласие на совершение юридически значимого действия, медицинские услуги, процедура выражения согласия.

В современном российском законодательстве предусмотрено достаточно большое количество юридически значимых действий, на совершение которых требуется получение согласия третьих лиц. В большинстве случаев какая-либо четкая процедура выражения согласия не установлена. Но есть ряд исключений. В связи с ограниченностью объема статьи представляется обоснованным и целесообразным подробнее рассмотреть порядок выражения согласия на медицинское вмешательство, так как процедура его получения и оформления детализирована в нормативных правовых актах.

Необходимость получения указанного вида согласия связана с предоставленными законом правами в сфере медицинского обслуживания. Так, согласно ст. 22 Федерального закона от 21.11.2011 года № 323-ФЗ [3] каждый человек имеет право получить в медицинской организации всю имеющуюся у них информацию относительно состояния здоровья обратившегося. В силу требований ст. 8 Закона РФ от 07.02.1992 года № 2300-1 [1] потребитель имеет право на получение достоверной и необходимой информации о лице, оказывающем те или иные услуги, и о перечне оказываемых им услуг.

Медицинские манипуляции и вмешательство очень чувствительны для каждого человека. Ведь постороннее лицо, которого пациент зачастую видит впервые, вторгается в интимную часть жизни лица, в сферу его нематериальных благ. Вследствие этого разумно требовать, чтобы перед оказанием медицинской помощи человек мог получить информацию о том, что с ним планируется делать и какие могут наступить вследствие этого последствия.

По смыслу ст. 20 Закона об основах охраны здоровья граждан предварительным условием выдачи пациентом согласия на медицинское вмешательство является получение им полной информации о планируемых услугах. Законодательная конструкция наименования этого вида согласия предполагает обязательный атрибут в виде информированности пациента. Без получения данного согласия любое последующее медицинское вмешательство будет являться незаконным. Важность получения такого согласия несомненна, так как оно способствует выстраиванию гармоничных отношений между врачом и пациентом, позволяет не допускать возникновения конфликтов. В соответствии с требованиями закона в обязанности медицинского работника до начала оказания медицинской помощи входит доведение до пациента следующей информации:

1. Какова цель планируемого медицинского вмешательства.
2. Методы оказания медицинской помощи.
3. Какие существуют риски вследствие медицинского вмешательства.

4. Существуют ли альтернативные способы достижения цели.

5. К каким последствиям приведет медицинское вмешательство.

6. Планируемые итоговые результаты медицинских манипуляций.

Помимо Закона об основах охраны здоровья граждан обязательное получение согласия от пациента указана в других нормативных документах. Согласно Закону РФ от 02.07.1992 года № 3185-1 [2] требуется добровольное согласие на психиатрическое лечение, причем в данном законе содержится ссылка на законодательство об охране здоровья относительно применимой процедуры получения такого согласия. Причем согласие по смыслу закона можно получить от человека, страдающего психическим расстройством. В следующих случаях медицинская психиатрическая помощь может быть оказана без согласия пациента:

- реализация принудительных мер медицинского характера, назначенных по приговору суда;
- в установленных указанным законом случаях госпитализации пациента.

Когда психиатрическая помощь оказывается без согласия человека, то назначение лечения ему возможно только по решению комиссии врачей-психиатров.

В отличие от многих других видов согласия на совершение юридически значимых действий в отношении получения согласия на медицинское вмешательство имеется отдельный подзаконный нормативный правовой акт, устанавливающий процедуру его получения. Речь идет о приказе Минздрава РФ от 12.11.2021 года № 1051н [4]. В данном нормативном документе получили свое разрешение следующие вопросы:

1. Особенности процедуры применительно к отдельным видам медицинской помощи, причем урегулированы как случаи оформления согласия, так и отказа.
2. Утверждена форма согласия в письменном виде.
3. Утверждена форма отказа от дачи согласия.

Среди специалистов названный нормативный документ встретил неоднозначную реакцию. Так, в представленных формах не перечислены конкретные медицинские манипуляции, которые планируется осуществить. В форме согласия использованы обобщенные и неконкретные формулировки. Следствием этого могут стать затруднения в правоприменительной практике и повышению шансов привлечения медицинской организации к ответственности за несоблюдение законодательства, возникшее в оказании медицинских услуг без получения необходимого согласия [6, с. 34].

С точки зрения общественных интересов и целей правового института согласия главным не является фор-

мальное наличие оформленного в письменном виде согласия, а его содержание. Важно установить, что именно разрешил человек делать со своим организмом, на какие конкретно медицинские манипуляции он выразил свое согласие. Действующая в настоящее время форма согласия предполагает выдачу пациентом разрешения на совершение в отношении него всех медицинских манипуляций, предусмотренных приказом Минздрава от 23.04.2012 года № 390н [5]. Но бланк формы не подразумевает перечисление конкретных медицинских манипуляций, выполняемых с данным пациентом.

Так, указанный выше бланк предполагает проставление отметки о разъяснении врачом сведений, перечисленных в законодательстве. В то же время эти сведения не конкретизированы с учетом запроса пациента, с которым он обратился, и его состояния здоровья.

Отмеченный недостаток правового регулирования затрудняет, по мнению специалистов, реализации права граждан на выражение согласия на медицинское вмешательство. Современное состояние законодательства в данной сфере противоречит основным началам и принципам медицинского законодательства, не позволяет в полной мере реализовать предоставленные гражданам гарантии в сфере здравоохранения [7, с. 8].

Неопределенность нормативного регулирования процедуры получения согласия на медицинское вмешательство создает основания для возникновения конфликтов между пациентами и медицинскими учреждениями. Ле-

чебные организации часто нарушают законодательство в этой сфере. Это выражается в неполучении согласия пациента на то или иное медицинское вмешательство, в нарушении требований к содержанию письменного согласия лица. Вследствие установления данного рода нарушений суды признают ненадлежащими оказанные медицинские услуги и оценивают поведение ответчика как противоправное.

Таким образом, в современном гражданском законодательстве России нет общих процедурных норм, в которых предусматривался бы порядок оформления согласия на совершение юридически значимых действий, не относящихся к сделкам. Только отдельные виды согласия имеют специальное нормативное регулирование в этом вопросе, но в своей совокупности соответствующие нормы носят несистемный характер и распространяются на достаточно узкий круг общественных отношений. В настоящее время наибольшую степень проработку имеют процедурные аспекты получения согласия на обработку персональных данных и на медицинские манипуляции. Сейчас существует настоятельная потребность дополнения ГК РФ отдельной статьей, посвященной порядку оформления согласия на указанные юридические значимые действия. Это необходимо для придания единства правоприменительной практике, преодолению законодательных пробелов и повышению уровня определенности правового регулирования. Данная мера станет закономерным следствием появления в законодательстве ст. 157.1. ГК РФ.

Литература:

1. Закон РФ от 07.02.1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» // «Российская газета», N 8, 16.01.1996.
2. Закон РФ от 02.07.1992 года № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 20.08.1992, N 33, ст. 1913.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета», N 263, 23.11.2011.
4. Приказ Минздрава России от 12.11.2021 года № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» // СПС «Консультант-плюс».
5. Приказ Минздравсоцразвития России от 23.04.2012 года № 390н «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи» // «Российская газета», N 109, 16.05.2012.
6. Свередюк М. Г. Правовые и лингвистические риски при оформлении информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство // Медицинское право. 2025. N 1. С. 30–34.
7. Седова Н. Н. Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство: от морального правила к юридической норме // Медицинское право. 2021. N 6. С. 6–12.

Общетеоретические подходы к пониманию контрольно-аналитической деятельности в налоговой сфере

Сухов Константин Александрович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Разнообразие научных, теоретических, а также практических подходов к пониманию контроля и анализа в налоговой сфере было свойственно всегда для налоговой практики и ее теоретическому обобщению. В современных реалиях, когда происходит снижение экономической активности предпринимательской деятельности, действуют санкционные режимы, реализуемые зарубежными странами в отношении Российской Федерации, а также активизированы процессы цифровизации экономики в целом, меняются и подходы к пониманию контрольно-аналитической деятельности.

Сложившийся в начале 2000-х годов общетеоретический подход характеризовал налоговый контроль и аналитическую деятельность налоговых органов как «разные правовые категории». Так, под налоговым контролем понимался организационно-правовой механизм, который включает все сферы деятельности налоговых органов — налоговый учет, налоговые проверки, проведения мероприятий по надзору, открытие счетов, противодействие отмыванию доходов и другую деятельность, связанную с уплатой налогов и сборов» [1, с.12]. Исходя из данного определения налоговый контроль включает и аналитическую деятельность, связанную с анализом и состоянием изменения налоговой базы, финансовым положением в течении отчетного периода налогоплательщика, а также его экономическое и финансовое состояние. Данный подход имеет, по моему мнению, вполне объективное правовое обоснование. Так, исходя из положений Налогового кодекса РФ [2] налоговые органы в целях выявления схем от уклонения от налогообложения, прогнозирования налоговых преступлений в том числе с использованием цифровых валют, а также с целью правомерности использования налоговых льгот и преференций, осуществляют согласно статьи 87 Налогового кодекса налоговые проверки — камеральные и выездные, целью которых «является контроль за соблюдением налогоплательщиком, плательщиком сборов, плательщиком страховых взносов или налоговым агентом законодательства о налогах и сборах» [2].

К анализу с целью проведения налогового контроля можно отнести и деятельность налоговых органов, отраженных в Главе 14.3 Налогового Кодекса РФ, так например в статья 105.7 указывается «При проведении налогового контроля в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами (в том числе при сопоставлении коммерческих и (или) финансовых условий анализируемой сделки и ее результатов налоговые органы используют следующие методы: метод сопоставимых рыночных цен; метод цены последующей реализации; затратный метод;

метод сопоставимой рентабельности; метод распределения прибыли» [2], что по моему мнению и является аналитической деятельностью налоговых органов в целях проведения контрольных мероприятий.

Согласно новеллам налогового законодательства, которые вступят в силу с 01 января 2026 года [3], Федеральная налоговая служба России «получила право проводить анализ (оценку) сведений о финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и предоставлять результаты такой оценки в виде выписки как самому оцениваемому лицу, так и иным лицам, но только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Под результатом оценки понимается вывод о соответствии, либо несоответствии показателей бухгалтерской и налоговой отчетности и иных сведений о деятельности бизнеса, которые имеются у налогового органа, критериям оценки в методах проведения анализа» [4].

Обращу внимание и на такую особенность, что осуществление указанной деятельности помимо налоговых органов, которые «составляют единую централизованную систему контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах» [2], к ним относится Федеральная налоговая служба и ее инспекции и управления, осуществляющих контрольно-аналитическую деятельность согласно действующему законодательству также возложено на Таможенные и финансовые органы, органы внутренних дел и следственные органы [2].

Таким образом, широкий подход, существующий в теории и реализуемый на практике субъектами контрольно-аналитической деятельности вполне обоснованный и нормативно определен. Однако в науке существует подход, согласно которому следует вести речь о налоговом контроле (а не анализе), под которым понимается специальный государственный контроль, осуществляемый специально уполномоченными субъектами такой деятельности — налоговыми органами, которые осуществляют указанный контроль с целью взимания необходимых налоговых поступлений, «в отношении специального объекта, связанного с поступлением в централизованные и децентрализованные фонды» [5, с. 12].

По мнению Шантрукова Н. М. «особенность налогового контроля заключается в том, что он является контролем дисциплины в сфере налогообложения, что означает четкое соблюдение установленных предписаний, порядка формирования централизованных и децентрализованных денежных фондов» [6, с. 10]. Выделяется особенность налогового контроля в сочетании с налоговым анализом, такими авторами как С. А. Аблязова, С. Э. Курт-

сеитова, указывающих на то, что «у налогового контроля имеется четкая целенаправленность, проявляющаяся прежде всего в направленности объекта контроля и целевом характере движения денежных фондов в условиях публичного регулирования» [7, с. 11]. Цели налогового анализа связываются с целевым или нецелевым расходованием средств бюджетной сферы. [7, с.13]

С данными подходами сложно согласится, так как они относятся более к узкому пониманию контрольно-аналитической деятельности в налоговых правоотношениях, что в целом определяются как так называемый узкий подход соотношения контроля и анализа как общего и части. Кроме того, в приведенных суждениях авторов, анализу подвергались лишь некоторые особенности налогового контроля без учета субъектного состава, налоговых правонарушений, налоговой ответственности, функций, задач и целей налогового контроля. Поэтому, с точки зрения Новоселова К. В., функции контроля определяются «учетной, профилактической, информационной и мобилизующей, анализирующей, прогнозирующей, воспитательной, организационной, регулятивной, координационной и контрольной» [8, с. 3]. Однако не вдаваясь в весьма широкий сектор функций контроля, считаю, что налоговый контроль объединяет весь вышеназванный функционал, реализация которого возможна через аналитическую деятельность, кроме того, функции налогового контроля имеют не только обобщающий характер, но и подлежат унификации, на что верно указывает в своей статье Кожанчиков О. И. [9, с. 177].

Однако, обратимся к пониманию налогового контроля, которое не оспаривается ни в научных трудах, ни на практике, а именно то, что «налоговый контроль, являясь одним из видов государственного финансового контроля, пронизывает все сферы общественной жизни, в которых функционируют хозяйствующие субъекты, получающие доходы от своей деятельности [10, с. 80]. Данный подход определяет сущностную характеристику налогового контроля, который является частью финансового контроля, а в свою очередь финансовый контроль относится к одному из видов государственного контроля. Цель же финансового контроля — анализ финансовой деятельности, включая сбор, распределение (перераспределение) и использование денежных средств, всеми субъектами бюджетных правоотношений. Налоговый же контроль выступает специальным видом контроля, реализуемый не только и не столько в бюджетной сфере (при этом пополняемость бюджета страны зависит и от деятельности налоговых органов) сколько в налоговых отношениях, как указано в статье 82 Налогового Кодекса РФ — налоговый контроль — это деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном НК РФ. Основная цель финансового контроля заключается в проверке соблюдения финансового законодательства и целесообразности расходования финансовых ресурсов в деятельности всех государственных и муниципальных органов публичной власти.

В этом и состоит различие рассматриваемых видов контроля, с объединяющим их началом — анализом.

Таким образом, налоговый анализ, согласно подходу Попова Л. В., «представляет собой совокупность приемов и способов, с помощью которых можно охарактеризовать налоговую политику в конкретные периоды времени. Это научный способ познания сущности налоговых обязательств, основанный на их расчленении на составные части и изучении во всем многообразии связей и зависимостей» [11, с. 7]. Исходя из указанного подхода, можно утверждать, что налоговый анализ в системе управления налогообложения, определяет реализацию налоговой политики государства, поэтому налоговый анализ занимает ключевую роль, т. к. связан не только с планированием и развитием налогового законодательства, в частности, предотвращения нарушений в сфере налогового законодательства, реализации норм и стандартов и применения их к налогооблагаемой базе, но через аналитические данные осуществляется налоговый контроль.

Как и налоговой контроль, налоговый анализ имеет свои структурные и функциональные элементы, в частности к ним относится: цель анализа — снижение неопределенной и неточной информации на параметры налогообложения; задачи анализа — оценка финансового состояния субъекта, сбор информации и дальнейшее прогнозирование деятельности; объект — налогоплательщики, и бюджеты соответствующего уровня, то есть те, которые прямо закреплены действующим законодательством; субъект — налоговые органы и иные участники налогообложения; предмет — влияние на состояния субъекта налогообложения; а также инструменты — мониторинг, анализ, синтез результатов, проверка, оценка рисков, прогнозирование, планирование и другие. Верно отмечается в юридической литературе, что «на практике редко встречаются отдельные виды налогового анализа, без налогового контроля, так как в процессе управления налогообложением для принятия эффективных управленческих решений используется совокупность различных видов налогового анализа в соединении с налоговым контролем» [12, с. 302–303].

Налоговый контроль, как и налоговый анализ являются составными элементами государственной налоговой политики, поэтому контрольно-аналитическая деятельность в налоговой сфере может быть рассмотрена с позиции налоговой политики государства, под которой понимается «последовательными действиями правительства по выработке научно обоснованной концепции развития налоговой системы, определению важнейших направлений использования налогового механизма, а также практическому внедрению налоговой системы и контролю ее эффективности» [13, с. 97]. Существенные изменения налоговой политики связывается с изменениями в государственном устройстве, стратегическом управлении экономикой, преобразованиях в частном секторе, из чего следует, что стратегическое изменение налоговой политики связано с проведением налоговой реформы и транс-

формацией налоговой системы, например «путем введения новых налогов или отмены старых, значительного изменения налоговых ставок, существенного преобразования в порядке определения субъектов и объектов налогообложения, а также изменения в системе налогового администрирования» [13]. В период реализации налоговой реформы можно наблюдать, как и в каком направлении изменяется налоговая политика государства, поскольку в процессе медленного усовершенствования налоговой системы изменения обычно не происходят. Однако отмечу, что для Российской Федерации свойственно постоянное реформирование налоговой системы, что с одной стороны порождает определенную нестабильность, с другой стороны отражает действительную картину налоговых правоотношений.

Таким образом контрольно-аналитическая деятельность, в данном подходе, является составной частью не только реформирования налоговой системы, если она находится в этом состоянии, но и определяет систему показателей (приоритетов, перспектив, направлений, проблем), если налоговая система находится в относительно спокойном состоянии.

В этой связи именно через контрольно-аналитическую деятельность, по моему мнению и зависит не только успешная реализация налоговой реформы, но и решения таких насущных проблем современной налоговой политики, как обеспечение оптимального уровня налоговой нагрузки не только на отрасли экономики, но и на предпринимателей; неравномерность распределения налогового бремени по категориям налогоплательщиков; отсутствие стратегической линии поддержки и стимулирования бизнеса, при этом средства выделяются достаточно существенные; а также сложности неопределенности с некоторыми платежами и сборами, например утилизационный сбор, сбор за парковку, экологический и иные сборы. Верно отмечено в юридической литературе: «за годы проведения в стране налоговой реформы в российской экономике сформирована и действует упрощенная, но при этом практически неконтролируемая, процедура введения и изменения условий функционирования обязательных для плательщиков платежей, многие из которых должны входить, но не входят в налоговую систему, и поэтому, по существу, являются нелегитимными» [14, с. 108]. Поэтому вести в указанных правоотношениях речь о какой-либо контрольно-аналитической деятельности со стороны налоговых органов, фактически не приходится, в связи с чем, необходима четкая неизменная концепция российской налоговой политики, которая может быть выражена в стратегии налогового развития на долгосрочную перспективу, на которой и должны строиться управленческие основы финансовой и налоговой системы.

В завершении статьи обратимся к относительно новой для российской налоговой политики контрольно-аналитической деятельности в соотношении с цифровизацией налогового законодательства. Давая общую характеристику цифровизации, Саурин А. А. отметил, что «цифро-

визация представляет собой комплекс отношений по генерации, обработке и передаче информации на принципах двоичного кода» [15, с. 27]. Данная позиция прямо следует из официального определения информатизации как отношений, связанных с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации с применением информационных технологий [16]. Развитие контрольно-аналитической деятельности в сфере цифровизации налоговых правоотношений связано с общими социально-экономическими и техническими процессами развития цифровых технологий в Российской Федерации.

Первой особенностью можно считать, технологический процесс развития технологий блок-чейн; большие объемы данных, цифровизация валюты, разработка облачных технологий, создание и развитие систем денежных переводов и расчетов в виде банковских карт, системы мобильных платежей, штрих- и QR кодов и др. Вторая особенность связана с социальным и экономическим развитием общества, в частности развитие рынка цифровых услуг, переход покупок в маркетплейсы, активная цифровизация всех финансовых институтов. Третьей особенностью можно считать развитие концепции цифрового государства, в частности идей e-Government,

а также создание административных барьеров для отмывания денежных средств, неуплаты налогов с помощью разных цифровых схем, другая деятельность по борьбе с неуплатой налогов и иных платежей.

Таким образом, подход к пониманию контрольно-аналитической деятельности с позиции цифровизации налоговых правоотношений, определяется объективными обстоятельствами развития не только государственной налоговой реформы, но и изменением в общественных отношениях, а именно в развитии информационно цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта, а также желанием государства реализовывать фискальную функцию на более высоком уровне.

В целом подводя итог, отмечу, что в науке существует множество подходов к пониманию контрольно-аналитической деятельности в налоговых правоотношениях, однако в целом доминирует широкий подход, согласно которому налоговый контроль является составной частью финансового контроля, при этом включает в себя разнообразные сферы деятельности налоговых органов, начиная от налогового учета и заканчивая реализацией мер налоговой ответственности. Сам налоговый контроль, как доказывается в статье, находится в тесной взаимосвязи с налоговым анализом, который имеет свои структурные и функциональные элементы — цель, задачи, сбор информации и дальнейшее прогнозирование деятельности, объект, субъект, предмет, а также инструменты — мониторинг, анализ, синтез результатов, проверки, оценка рисков, прогнозирование, планирование и другие.

Система контрольно-аналитической деятельности согласно подходу, также нами разделяемому, является совокупностью таких взаимосвязанных элементов как субъект, объект, предмет налогового контроля, а также

деятельность по анализу реализации налогового контроля как функции государственного управления.

Дальнейшее развитие системы контрольно-аналитической деятельности мне видится в идущем процессе цифровизации налоговой системы, результатом которой должна стать эффективность и стабильность фискальной

системы, в том числе при взимании налогов. В целях единых критериев эффективности и стабильности указанной системы, ведется необходимость принять долгосрочную стратегию развития налоговой системы, где оптимальным направлением должен стать налоговый контроль и анализ.

Литература:

1. Налоговый контроль: теоретические и практические основы применения / С. А. Аблязова, // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2024. — № 3 (85). — С. 10–15.
2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>
3. Федеральный закон «О внесении изменений в закон Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» от 21 марта 1991 года № 943-1» // Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/tax_doc_news/16481817/ Дата обращения 25.11.2025 г.
5. Сигутов П. В. Направления совершенствования налогового контроля: автореф. Дис. канд. экон. наук. — Иркутск. 2005 г. С. 12.
6. Шантрукова Н. М. Налоговый контроль в системе финансового контроля: сущность, элементы // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 5. — С. 10–14.
7. Налоговый контроль: теоретические и практические основы применения / С. А. Аблязова, // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2024. — № 3 (85). — С. 10–15.
8. Новоселов К. В. Контроль налоговых органов за налогообложением прибыли организаций: автореф. Эконом. наук. Екатеринбург, 2005. — 24 — С.3.
9. Кожанчиков О. И., Шалаев И. А. Налоговый контроль как основа повышения качества налогового администрирования // Среднерусский вестник общественных наук. — 2023. — Том 18. — № 1. — С. 159–178.
10. Монгуш М. В., Монгуш О. Н. Стратегические приоритеты политики в сфере налогового контроля // Вестник науки. 2024. - № 11 — (80). — С. 80
11. Налоговый анализ: учебное пособие для высшего профессионального образования / Л. В. Попова, Н. Г. Варакса, Е. Г. Дедкова. — Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК», 2021. — С. 7.
12. Коркина Г. М., Смирнова О. П. Влияние качества налогового контроля на обеспечение экономической безопасности страны // Материалы V конференции. 2023. — С. 301–305
13. Пансков В. Г. Приоритеты налоговой политики и направления реформирования российской налоговой системы // Экономика и бизнес. — 2022. — № 1. — С. 97.
14. Пансков В. Г. О роли показателя налоговой нагрузки в регулировании экономики // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. № 1. — С. 99–110.
15. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 26–27.
16. Подпункт 1 пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики

Тихонов Карлен Кирогосович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В представленной статье рассматриваются теоретические и практические вопросы возбуждения уголовного дела в Российской Федерации. Анализируются современное состояние института возбуждения уголовного дела, а также проблемы правоприменительной практики. По итогам выполненного исследования разработаны рекомендации, направленные на улучшение уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, расследование, основания для возбуждения уголовного дела, судебная практика, проблемы, пути решения, уголовно-процессуальное право, правоприменение.

Initiating a criminal case: issues of theory and practice

The presented article discusses the theoretical and practical issues of initiating a criminal case in the Russian Federation. The current state of the institution of initiating a criminal case, as well as the problems of law enforcement practice, are analyzed. Based on the results of the study, recommendations have been developed to improve the criminal procedure legislation.

Keywords: criminal case, initiating a criminal case, investigation, grounds for initiating a criminal case, judicial practice, problems, solutions, criminal procedure law, law enforcement.

Возбуждение уголовного дела — первая и обязательная стадия уголовного процесса, которая предшествует производству по уголовному делу в других стадиях уголовного судопроизводства. Стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной в российском уголовном процессе. Она регламентирована разделом VII Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). [15, с. 4]

В то же время, если своевременно не приступить к проверке сообщения о преступлении, то может произойти потеря доказательств, и это приведет к негативному результату расследования преступления. [10, с. 172]

Цель настоящей статьи — проанализировать современное состояние института возбуждения уголовного дела. По результатам проведенного исследования выявить проблемы правоприменительной практики и предложить возможные пути их решения.

В соответствии с УПК РФ Ст. 140 поводами для возбуждения уголовного дела служат [3]:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;
- 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела (ч.7. УПК РФ Статья 141. Заявление о преступлении). [3] Заявление о явке с повинной, т. е. добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении отнесено законодателем к самостоятельному поводу для возбуждения уголовного дела. (УПК РФ Статья 142. Явка с повинной). [3]

Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. [2]

Кроме повода для возбуждения уголовного дела необходимо наличие и основания. Наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, — основание для возбуждения уголовного дела, закреплённое в ч. 2 ст. 140 УПК РФ. Закон не уточняет, какие именно данные считаются достаточными, что приводит к раз-

личным трактовкам и сложностям при его применении на практике. [3]

При наличии повода и основания для возбуждения уголовного дела орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа или следователь (ч. 1 ст. 146 УПК РФ) в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. [3]

В соответствии с ч.2 ст. 146 УПК РФ о принятом решении сообщается заявителю. Вместе с тем, заявителю разъясняются его право обжаловать данное решение и порядок обжалования, а именно после окончания проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа или следователь обязаны разъяснить порядок обжалования постановления, в том числе о возбуждении уголовного дела. [6, с. 13]

Очевидно, что состав преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) не может быть установлен сразу, как только появилась информация о преступлении. Более того, окончательное решение о наличии в деянии события преступления и о доказанности состава преступления в действиях того либо иного лица, с учетом презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), принимается исключительно судом и может быть подтверждено лишь вступившим в законную силу обвинительным приговором. [14, с. 7]

На основании изложенного, поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение о преступлении (совершенном или готовящемся) поступившее из различных источников. Уполномоченные органы обязаны принять, зарегистрировать и проверить указанными в законе процессуальными средствами данное сообщение для принятия решения вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе. [13, с. 23]

Согласно статье 148 УПК РФ, при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на кажущуюся простоту, правоприменительная практика сталкивается с проблемами, обусловленные с необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела. Иногда подобные отказы происходят из-за неполноты проведенных проверок или ошибочной юридической оценки совершенного деяния. Это связано как с недостаточной проверкой,

так и с попытками правоохранительных органов искусственно улучшить статистику [11, с. 26].

Результаты проведенного исследования указывают на существование комплексных недостатков в нормативно-правовом регулировании процесса возбуждения уголовного дела. Наблюдается юридическое противоречие, с одной стороны, для вынесения законного и обоснованного решения о возбуждении уголовного дела требуется наличие достаточной доказательственной базы, с другой стороны следственные действия не должны проводиться до того, как уголовное дело будет официально возбуждено, так как это нарушает правила уголовного процесса.

Для того, чтобы разрешить это противоречие следует расширить перечень действий на стадии доследственной проверки, путем включения в него, например, опрос сви-

детелей без оформления протокола; закрепить в УПК РФ необходимость проведения отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела в случаях, требующих особого подхода, необходимо определить конкретные сроки проведения проверки, исключающие возможность необоснованного затягивания процесса. Кроме того, следует ввести регламентированные сроки для осуществления экспертиз и исследований, а также сформулировать и зафиксировать процессуальные гарантии защитника в период предварительного расследования.

Внедрение намеченных мероприятий послужит обеспечить баланс между скоростью проведения следственных действий и обеспечением законных интересов всех вовлеченных в уголовный процесс лиц.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993г. — 25 дек. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СЗ РФ — 1996г., N 25, ст. 2954. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ — 2001г., № 52 (часть1), ст. 4921. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
4. Безлепкина, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный).: Научное издание / Б. Т. Безлепкина 16-е издание — Москва: Проспект, 2023. — 659 с.
5. Доронин М. А., Цыбина С. С. «Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве». Журнал «Молодой учёный», 2024, № 19 (518), с. 137–138.
6. Досудебное производство в уголовном процессе: учебник для вузов / под редакцией Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 214 с.
7. Дубинин В. А. «Теоретические и практические вопросы стадии возбуждения уголовного дела». Журнал «Молодой учёный», 2023, № 10 (457), с. 82–84.
8. Есина А. С., Чиковани М. А. Основные показатели состояния законности в деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник научных трудов. Сост. Д. А. Иванов. Москва, 2023. — С. 119–123.
9. Лазаренко В. М. Проблемы вступления адвоката в уголовное дело на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам CCCLXXXV международной научно-практической конференции. Москва, 2024. — С. 250–252.
10. Лапшина, Т. С. Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела / Т. С. Лапшина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 6 (505). — С. 172–174.
11. Маркеева Г. С. Особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения // Студенческий. — 2023. -№ 36–5 (248). — С. 26–28.
12. Маховская, А. А. Методика расследования незаконного лишения свободы на первоначальном этапе: учебник / А. А. Маховская, А. И. Натура; под общей редакцией А. И. Натеры. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 242 с.
13. Николаева, М. И. Возбуждение уголовного дела: учебное пособие / М. И. Николаева, В. В. Рябчиков. — Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. — 104 с. (стр. 23)
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под общей редакцией Г. М. Резника. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 440 с.
15. Яновский, Р. С. Досудебное производство: стадия возбуждения уголовного дела: учебник для вузов / Р. С. Яновский. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 66 с.

Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации

Тычино Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Помазкова Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский новый университет (г. Москва)

В статье исследуется соотношение, разграничение и взаимосвязь понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь», обозначается их значение в медицинской сфере и юридическая грамотность применения данной терминологии в законодательстве Российской Федерации. В работе обзревается нормативно-правовые акты по теме исследования, а также освещается законопроект, который должен внести изменения в терминологию федеральных законов и исключить применение института защиты прав потребителей для бесплатной медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская услуга, медицинская помощь, соотношение понятий, здравоохранение, защита прав потребителей, законодательство РФ, законопроект.

Актуальность научной статьи обусловлена тем, что в юриспруденции встречаются коллизии, возникающие при соотношении понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь». Применение и толкование данных терминов оказывает негативное влияние на правовую защищённость как пациентов, так и медицинских работников, а в случаях возникновения конфликтов, на справедливое разрешение споров.

Итак, после перехода России к рыночной экономике, сфера услуг стала активно развиваться. Часть 2 статьи 41 Конституции РФ провозглашает, что «в Российской Федерации принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения...» [1]. Закон РФ «О защите прав потребителей» (далее по тексту — ЗОЗПП) регулирует отношения по предоставлению различного рода услуг [6]. В соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» «к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования, применяется законодательство о защите прав потребителей» [7]. Следовательно, услугой являясь как платная медицинская помощь, так и бесплатная.

А что же обозначает термин «услуга»? В п. 1 ст. 779 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) сказано, что «по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги». В силу п. 2 ст. 779 ГК РФ данные правила применяются к договорам оказания услуг, включающим медицинские [2].

Понятие же «медицинская услуга» закреплено в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту — ФЗ № 323). Согласно части 4 статьи 2 ФЗ № 323 «медицинская услуга — это медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилак-

тику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение». А что же тогда означает термин «медицинская помощь»? Часть 3 статьи 2 ФЗ № 323 определяет данное понятие как «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг» [4]. Таким образом, понятие «медицинская помощь» охватывает понятие «медицинская услуга», являясь более широким и всеобъемлющим термином.

В Государственной Думе рассмотрен проект Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и статью 1 Закона РФ «О защите прав потребителей». А именно, в ФЗ № 323 внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 2, п. 4 ч. 1 ст. 2, дополнить статью 3 частью 12. В п. 3 ч. 1 ст. 2 заменить слова «предоставление медицинских услуг» на «выполнение медицинского вмешательства или комплекса медицинских вмешательств...». Статью 1 ЗОЗПП дополнить пунктом 3: «положения настоящего Закона не применяются к отношениям, возникающим при оказании гражданам медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, за исключением правоотношений, регулируемых иными законодательными актами». На декабрь 2025 года проект закона рассмотрен Советом Государственной Думы и внесён в Госдуму. Дата рассмотрения законопроекта в первом чтении не определена [8].

Зачем же нужны данные изменения в законодательстве? Данный законопроект направлен на замену понятия «медицинская услуга» на «медицинскую помощь» для гарантированного государством оказания бесплатной медицинской помощи. Однако термин «медицинская услуга» останется актуальным для платной медицины, санаторно-курортного лечения и т. п. Дело в том, что понятие «услуга» из смысла Закона РФ «О защите прав потребителей» не может соответствовать тем реалиям, в которых оказывается медицинский работник. Председатель комитета по социальным вопросам, главврач КОГКБУЗ «Больницы скорой медицинской помощи» Аракелян С. М. вы-

разил мнение, что «врачу важно помочь пациенту, оказать необходимую помощь, т. к. порой счёт идёт на секунды. Работа медика — это призвание, а не оказание услуги» [9]. Нельзя не согласиться с главврачом, ведь медикам приходится сталкиваться с экстренными ситуациями, например, при остановке сердца реанимационные действия нужно начать как можно скорее, через 3–5 минут начинается необратимая гибель мозга. В такие минуты врачу некогда думать о качестве и безопасности услуги, он оказывает помощь максимально возможную в сложившейся ситуации. Медицинская сфера является специфической и поэтому не совсем верно применять наряду с иными видами услуг (зрелищными, косметическими и т. д.) схожие механизмы правового регулирования.

В пояснительной записке к проекту закона отмечено, что согласно ч. 1 ст. 41 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [1]. Бесплатной помощью государство обеспечивает граждан из источников бюджетного финансирования и на основании договоров между медицинскими учреждениями и страховыми компаниями. Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ признаком договора возмездного оказания услуг является платность, и в силу п. 2 ст. 779 ГК РФ данное правило применимо к медицинским услугам [2]. Однако это противоречит понятию «бесплатного» оказания помощи, поэтому по ОМС медицинскую деятельность нельзя называть «услугой» [8]. Но так ли бесплатна эта помощь? Обязательное медицинское страхование неработающих граждан происходит за счёт средств государства. Однако средства для оказания помощи по ОМС формируются главным образом за счёт отчислений работодателей за своих работников в ФФОМС (в 2025 году — это 5,1 % от заработной платы). Таким образом, можно сказать, что граждане РФ «оплачивают» бесплатную государственную медицинскую помощь. Если смотреть на ситуацию под таким углом, данный проект закона ущемляет права пациентов, которым оказана помощь по ОМС.

Статья 238 Уголовного кодекса РФ (далее по тексту — УК РФ) ранее активно применялась к медицинским работникам. Медиков могли осудить за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, до двух лет лишения свободы, а за деяние, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека — до шести лет лишения свободы [3]. Однако 28.12.2024 года Федеральным законом «О внесении изменений в УК РФ» № 514 статья 238 УК РФ была дополнена примечанием. Теперь действие ст. 238 УК РФ не распространяется на случаи оказания работниками медицинской помощи [5]. С какой же целью ввели данную поправку? Дело в том, что за последние годы количество врачей, осуждённых по ст. 238 УК РФ, возросло, и это вызвало возмущение у медиков. По словам депутата Законодательного Собрания Кировской области Соломенникова Н. М., «бу-

дущие медики боятся идти в профессию и брать на себя риск уголовной ответственности за оказание услуги ненадлежащего качества». Несмотря на данную поправку, законопроект № 580179–8 пока не обрёл законную силу, и как государственная, так и частная медицинская деятельность остаётся «услугой». К тому же данная поправка не освобождает медицинских работников от других статей Уголовного кодекса (например, от статей 109, 118, 293 УК РФ) [10]. Следовательно, если действия врача приведут к негативным последствиям, у пострадавшего есть рычаги защиты и возможность привлечь данного субъекта к уголовной ответственности, в том числе.

Рассматривая разграничение терминов, можно прийти к следующим выводам. Итак, «медицинская помощь» прежде всего является конституционно-правовой (ст. 41 Конституции РФ) и профессионально-нравственной категорией. В свою очередь «медицинская услуга» — это прежде всего экономическая категория (ст. 779 ГК РФ). В законодательстве России по отношению к медицине чаще встречается термин «услуга», что обуславливается рыночной экономикой. «Медицинская помощь» относится к публичному праву, т. к. данный термин закреплён в Конституции РФ. Термин «медицинская услуга» характерен для частного права, т. к. услуги регулируются гражданским законодательством, которое направлено на защиту интересов физических лиц. Одним из признаков «услуги» выступает — платность. Однако на сегодняшний день и платная, и бесплатная медицина являются «услугой» и, соответственно, регулируется Законом РФ «О защите прав потребителей», признавая пациента потребителем. Но, исходя из вышеизложенного законопроекта, в ближайшее время возможны существенные изменения в данной области.

Услуги в медицинской сфере — это особый вид услуг, который выделяется среди прочих. Древнегреческий философ Сократ сказал, что «Все профессии — от людей, и только три — от Бога: педагог, судья и врач». Данное высказывание наиболее ярко олицетворяет профессию врача. Работа медиков — это призвание, ведь их деятельность сопряжена с самым ценным, что есть у человека, с особым объектом — жизнью и здоровьем. В сфере медицинских услуг играет важную роль не только профессионализм и самоотверженность врача, но и грамотное юридическое регулирование его деятельности. Терминология имеет ключевое значение при урегулировании возникающих споров между врачом и (или) медицинской организацией и пациентом. А также правовая защищённость пациента от некомпетентных действий врача и защита непосредственно медиков от несправедливых решений, ведь конечный результат медицинской услуги не всегда возможно предугадать. Организм человека — это сложная система, и последствия медицинского вмешательства не всегда можно предвидеть.

Подводя итог, важно отметить, что термин «медицинская помощь» конституционно закреплён. Это понятие наиболее верно олицетворяет те задачи, с которыми при-

ходится сталкиваться врачам. Термин «медицинская услуга» появился вследствие развития рыночной экономики. Он является частью «медицинской помощи» и одновременно имеет собственное значение. Терминология выполняет ведущую функцию в законодательстве. Сегодня законодатель встал на путь внесения существенных изменений в федеральные законы. Со слов председателя Комитета Государственной Думы по охране здоровья Леонова С. Д., «многие граждане сопоставляют медицинскую помощь с понятием «медицинская услуга» так, будто медики оказывают услугу, а не помогают пациентам. Разгра-

ничение понятий на законодательном уровне несёт в себе не только юридические изменения, но главным образом нацелено на повышение престижа врачебной профессии и на уважение к труду медиков». Более того, трактовка терминов и применение Закона РФ «О защите прав потребителей» противоречит конституционному положению, хотя данный момент всё же остаётся спорным. Таким образом, применение того или иного термина имеет важное значение в юридической практике. Однако пока не совсем ясно, насколько необходимы данные новации в российском законодательстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс;
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (Редакция от 24.06.2025) // СПС КонсультантПлюс;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (Редакция от 17.11.2025) // СПС КонсультантПлюс;
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (Редакция от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс;
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 28.12.2024 № 514-ФЗ // СПС КонсультантПлюс;
6. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Редакция от 07.07.2025) // СПС КонсультантПлюс;
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС КонсультантПлюс
8. № 580179–8 Законопроект. Система обеспечения законодательной деятельности // <https://sozd.duma.gov.ru>
9. Законодательное собрание Кировской области от 22 марта 2024 г. // <https://zsko.ru>
10. Врачей освободили от ответственности по ст. 238 УК РФ — что это значит — 29 января 2025 // <https://ngs.ru>

Ответственность военнослужащих за неуставные отношения

Федоров Виталий Федорович, студент
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию юридической природы, и ответственности за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, предусмотренной российским законодательством. Рассмотрены ключевые аспекты данной проблемы, включая понятие неуставных отношений, виды наказаний, особенности расследования и судебной практики. Приводятся конкретные примеры правонарушений, иллюстрирующие применение соответствующих норм уголовного права.

Ключевые слова: неуставные отношения, виды наказаний, военнослужащий, ответственность.

Вопрос недозволенных методов поддержания дисциплины в воинских коллективах не теряет своей актуальности и требует повышенного внимания со стороны властных структур и общества. В российском законодательстве существует специальный правовой механизм урегулирования подобных нарушений, закрепленный в Уголовном кодексе РФ. Целью настоящего исследования является всесторонний анализ вопроса о юридической квалификации и формах ответственности за данные деяния.

В соответствии с действующими нормативными актами, под неуставными отношениями понимаются конфликтные ситуации, возникающие внутри воинской части между её сотрудниками, когда одна группа лиц пытается грубо нарушить законные права другой группы, унижая их достоинство, пренебрегая положениями устава и нормами права. Подобные действия являются прямым нарушением порядка, установленного Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным Президентом РФ. [2]

Наиболее распространенными формами проявления неуставных отношений выступают:

- физическое воздействие (насилие, нанесение побоев),
- психологическое давление (унижения, угрозы),
- принудительные действия (например, заставляя младших по призыву исполнять личные поручения старших). [1]

Такие действия могут выражаться в форме дедовщины, представляющей собой иерархическую систему злоупотреблений старшими военнослужащими своим положением относительно новобранцев.

Правовая база борьбы с неуставными отношениями представлена несколькими законодательными актами:

— Уголовный кодекс Российской Федерации — предусматривает ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений (статья 335 УК РФ).

— Федеральный закон «О статусе военнослужащих» — устанавливает основы статуса военнослужащих и гарантии социальной защиты.

— Приказ Министерства обороны Российской Федерации, утверждающий Правила внутреннего распорядка. [4]

Статья 335 УК РФ выделяет две категории субъектов преступления:

- Военнослужащих одного ранга, находящиеся вне системы подчиненности друг другу;
- Лиц, находящихся в непосредственной подчиненности, но совершивших неправомерные действия.

Виды наказаний включают:

- 1) содержание в дисциплинарной воинской части сроком до двух лет;
- 2) лишение свободы на срок до трёх лет;
- 3) дополнительное увеличение сроков наказания в случае наличия признаков особой жестокости, группового исполнения, нанесения среднего вреда здоровью и прочихотягчающих обстоятельств. [3]

Важно отметить, что досудебное расследование проводится исключительно органами военной юстиции, включая военные следственные отделы Следственного комитета Российской Федерации и специализированные подразделения МВД России. [6]

Расследование уголовных дел, связанных с нарушениями уставных правил взаимоотношений, обладает рядом особенностей:

1. Требуется установление факта равенства участников происшествия по должностному положению и воинскому званию.

2. Необходимо доказать наличие прямого умысла у правонарушителей.

3. Важным элементом становится оценка объективной стороны преступления, включающей характер и степень ущерба, нанесенного жертве. [8]

На основании анализа судебной практики выявлены следующие тенденции:

- большинство случаев связано с физическими расправами и эмоциональным давлением на молодых солдат;
- значительная доля расследований завершается вынесением приговоров по статье 335 УК РФ;
- особое внимание уделяется профилактике подобных ситуаций путём проведения профилактических мероприятий и повышения уровня осведомленности военнослужащих о недопустимости таких действий.

Для предупреждения неуставных отношений необходимы комплексные мероприятия, направленные на повышение дисциплины, улучшение условий службы и профилактику возможных конфликтов. Эффективными мерами профилактики служат регулярное проведение воспитательных бесед, укрепление морально-психологического климата в подразделениях, привлечение военных юристов и социальных работников к работе с личным составом. [5]

Таким образом, осознавая серьёзность и социальную значимость проблемы, государство предпринимает шаги по ужесточению мер контроля и повышению эффективности механизмов реагирования на подобные инциденты. [7]

Данная работа показывает важность глубокого понимания правовых основ, регулирующих вопросы неуставных отношений между военнослужащими. Необходимость соблюдения установленных правил взаимодействия обусловлена важностью сохранения порядка и дисциплины внутри войсковых подразделений. Рассмотрение конкретных примеров судебных решений позволяет выявить эффективность существующих правовых инструментов и обозначить направления дальнейшей деятельности органов власти и общественных организаций.

Необходимо постоянно мониторить состояния дел в армейской среде, разработку эффективных превентивных мер и повышения качества подготовки офицерского корпуса для предотвращения возникновения подобных ситуаций.

Литература:

1. Ермолович, Я. Н. Актуальные вопросы квалификации нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) / Я. Н. Ермолович // Военное право. — 2019. — № 1(53). — С. 289–297. — ЕБК УБОКМБ.
2. Военно-уголовное право: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. — М.: РГУП, 2020. — С. 624
3. Лопуха Т. Юридическая ответственность военнослужащих [Электронный ресурс] // Армейский сборник: сборник научных трудов. — 2024. — № 7. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/587373/> (дата обращения: 24.12.2025).

4. Лимарь А. С., Михайлова И. А. Особенности квалификации преступлений, совершаемых военнослужащими // Вестник БелЮИ МВД России. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kvalifikatsii-prestupleniy-sovershaemyh-voennosluzhaschimi> (дата обращения: 24.12.2025).
5. Алексеев, А. И. Особенности расследования уголовных дел о нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности / А. И. Алексеев. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2018 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2018. — С. 68–71. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/284/13967>.
6. Катков Ю. Ю. Преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими: уголовно-правовые аспекты // Вестник науки. 2025. № 10 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-poryadka-podchinennosti-i-ustavnyh-vzaimootnosheniy-mezhdu-voennosluzhaschimi-ugolovno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 24.12.2025).
7. Мانتеев, М. Б. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (ст. 335 УК РФ): вопросы теории и практики // Столыпинский вестник. 2023. № 5. С. 2488–2496
8. Латыпова К. С. К вопросу о способе совершения преступлений против военной службы // Молодой ученый. 2021. № 46 (388). С. 193–195.

Меры защиты и меры ответственности в семейном праве

Феофанов Сергей Сергеевич, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Семейное право является одной из важнейших отраслей права, охватывающей широкий спектр отношений, возникающих в процессе создания, функционирования и прекращения семейных союзов. Оно регулирует права и обязанности членов семьи, устанавливает правила, касающиеся брака, развода, опеки, алиментов и других аспектов, связанных с семейными отношениями. Важнейшими элементами семейного права являются меры защиты и меры ответственности, которые играют ключевую роль в обеспечении прав и законных интересов членов семьи, а также в поддержании стабильности и гармонии в семейных отношениях.

Меры защиты в семейном праве направлены на охрану прав и законных интересов членов семьи, особенно тех, кто может оказаться в уязвимом положении. Например, это может касаться детей, которые не могут самостоятельно защищать свои права, или одного из супругов, который подвергается насилию или злоупотреблению со стороны другого. Эти меры включают в себя как превентивные меры, так и механизмы, позволяющие восстановить нарушенные права. Важными аспектами этих мер являются их доступность, оперативность и эффективность, что позволяет обеспечить реальную защиту прав членов семьи.

Одной из ключевых задач мер защиты является предотвращение насилия в семье, что является актуальной проблемой во многих обществах. Меры, направленные на защиту от насилия, могут включать в себя получение охранных ордеров, временное раздельное проживание, а также программы поддержки для жертв насилия. Важно отметить, что такие меры не только защищают постра-

давшую сторону, но и могут служить инструментом для изменения поведения агрессора, что в конечном итоге способствует восстановлению нормальных семейных отношений. Меры защиты в семейном праве также имеют значение для профилактики конфликтов и правонарушений. Например, программы медиации, направленные на разрешение споров между супругами или родителями, могут помочь избежать судебных разбирательств и снизить уровень напряженности в отношениях. Медиация, как альтернативный способ разрешения конфликтов, позволяет сторонам прийти к соглашению, которое устраивает обе стороны, и тем самым способствует восстановлению доверия и взаимопонимания.

Процедура применения мер защиты в семейных спорах предполагает последовательность процессуальных действий и взаимодействие множества субъектов, направленных на быстрое и обоснованное реагирование на угрозу правам и безопасности членов семьи. Процесс обычно начинается с обращения заинтересованного лица — потерпевшего, члена семьи, органа опеки или правоохранительного органа — в компетентный орган с заявлением или иском о применении конкретной меры защиты. На этом этапе критично правильно квалифицировать ситуацию: от этого зависит выбор процессуального порядка (административный, гражданско-правовой, уголовно-процессуальный) и перечень необходимых документов и доказательств. Инициатору рекомендуется сразу же приложить все имеющиеся доказательства (медицинские справки, фото- и видеоматериалы, показания очевидцев, сообщения в экстренные службы), чтобы обеспечить оперативность принятия первичных мер — вре-

менных или обеспечительных, направленных на защиту интересов.

Понятие мер ответственности в семейном праве следует рассматривать через призму их специфической цели и социальной природы семейных отношений. В отличие от уголовного или административного права, где санкции прежде всего призваны наказывать и отменять общественную опасность деяния, меры ответственности в семейном праве имеют более комплексный характер: они одновременно преследуют цель восстановления нарушенных прав, возмещения вреда, предупреждения повторных нарушений и, чаще всего, социальную реабилитацию участников семейных отношений. Мера ответственности возникает как правовая реакция государства или уполномоченных органов на нарушение семейно-правовых обязанностей (например, обязательств по содержанию, обязанностей родителей по воспитанию и обеспечению ребенка, соблюдения соглашений о порядке общения и т. д.) и реализуется посредством определенных санкций или неблагоприятных юридических последствий для нарушителя.

Функциональное назначение мер ответственности многоаспектно. Превентивная функция заключается в создании стимулов для добросовестного исполнения семейных обязанностей: возможность применения санкций делает невыполнение менее выгодным. Ресторативная функция направлена на восстановление нарушенных материальных и нематериальных прав — в частности, через возмещение ущерба, взыскание алиментов, компенсацию морального вреда. Социально-воспитательная функция предполагает воздействие на поведение лица, нарушившего семейные обязательства, через коррекционные мероприятия, обязательные программы и условия для восстановления родительских прав. Наконец, охранительная функция предполагает защиту прав особенно уязвимых лиц — детей, нетрудоспособных родственников — путём ограничения возможностей нарушителя причинять вред.

Меры ответственности в семейном праве различаются по своей природе, целевому назначению и правовым последствиям; их классификация помогает практикам и законодателям выбирать адекватные инструменты реагирования на конкретные нарушения. Первое важное различие проводится по характеру правовых последствий: реституционные и компенсационные меры, карательные (санкционные) меры и корректирующие (реабилитационные) меры. Реституционные и компенсационные меры направлены на восстановление материального положения пострадавшей стороны — взыскание алиментов, возмещение ущерба, компенсация морального вреда и иные имущественные взыскания. Карательные

меры преследуют цель наказания и устрашения недобросовестных участников: штрафы за неисполнение судебных предписаний, ответственность по исполнительному производству, а при наличии криминальной составляющей — привлечение к уголовной ответственности. Корректирующие меры ориентированы на изменение поведения правонарушителя и создание условий для восстановления семейных функций: обязательные программы реабилитации, психолого-педагогические курсы, социальное сопровождение и мониторинг.

При сравнительном анализе мер защиты и мер ответственности в семейном праве важно подчеркнуть, что эти институты, хотя и преследуют общую цель — обеспечение благополучия членов семьи и соблюдение семейно-правовых норм — отличаются по целевому назначению, логике правового воздействия и критериям выбора

Преимущества и недостатки применения мер защиты и мер ответственности в семейном праве проявляются не только в юридической плоскости, но и в социально-экономическом, психологическом и институциональном измерениях. Рассмотрение их сильных и слабых сторон должно исходить из практической цели: обеспечение устойчивого благополучия уязвимых членов семьи (в первую очередь детей и жертв домашнего насилия) при минимизации вторичных вредов и сохранении возможностей для последующей реабилитации семейных функций.

Перспективы развития мер защиты и мер ответственности в семейном праве требуют системного и многопланового подхода, который сочетает правовые изменения с организационными, технологическими и социальными инновациями. В ближайшие годы важнейшим направлением станет усиление превентивного потенциала системы: переход от реактивных мер к раннему выявлению рисков и комплексной поддержке семей на этапах, предшествующих кризису.

Меры защиты в семейном праве играют важную роль в обеспечении стабильности и безопасности семейных отношений. Они направлены на предотвращение и устранение угроз правам и законным интересам членов семьи. К числу таких мер можно отнести как юридические механизмы, так и социальные практики, которые помогают обеспечить защиту прав детей, супругов и других членов семьи. Например, в случае насилия в семье закон предоставляет возможность получения временных ограничительных приказов, что позволяет быстро реагировать на угрозу и защитить пострадавшую сторону. Это подчеркивает важность оперативного вмешательства в ситуации, когда речь идет о безопасности и благополучии членов семьи.

Литература:

1. Гибадуллин А. Г. Организационно-правовые основы осуществления участковым уполномоченным полиции индивидуальной профилактической работы с лицами, совершающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

2. Гурко Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики // Социологическая наука и социальная практика. — 2016. — Т. 4. — №. 2 (14). — С. 40–69.
3. Зыков С. В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.
4. Имомова Н. М. Механизм реализации семейно-правовых способов защиты прав ребенка: меры защиты и ответственности // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11. С. 74–88

Понятие сторон в гражданском процессе, их процессуальные права и обязанности

Чеснокова Алена Константиновна, студент

Научный руководитель: Гришин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

В данной статье анализируется понятие сторон в гражданском процессе, их правовой статус, а также совокупности процессуальных прав и обязанностей.

Ключевые слова: стороны в гражданском процессе, истец, ответчик, процессуальные права, процессуальные обязанности.

В трактовке Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] категория «стороны» используется для обозначения субъектов (истца и ответчика), вступивших в основные процессуальные отношения, и является характерной исключительно для **искового порядка судопроизводства**.

Правовое положение сторон (истца и ответчика) в гражданском процессе, определенное ст. 38 ГПК РФ, возникает из определения суда о возбуждении производства по делу. Легитимация истца носит добровольный и диспозитивный характер, в то время как статус ответчика присваивается ему императивно, посредством судебного акта о привлечении к участию в деле.

Истец — это активная сторона спора, которая обращается к суду за разрешением конфликта. Им может быть, как само заинтересованное лицо, так и лицо, чьи права защищаются по иску прокурора, государственных органов или иных представителей. Другими словами, истец — тот, в чью пользу и ради чьих прав или интересов возбуждается гражданское дело, и кто, соответственно, является инициатором судебной защиты [2].

Ответчик — это сторона в деле, которую истец считает нарушителем своих прав или законных интересов и против которой он направляет своё требование о судебной защите.

Истец и ответчик считаются таковыми лишь предположительно до тех пор, пока суд решением не подтвердит (или опровергнет) факт нарушения прав истца со стороны ответчика.

Дело может быть начато не только истцом лично, но и по заявлению прокурора или иных лиц ст. 46 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, действующих в защиту его интересов. При этом истцом в процессе остаётся само лицо, чьи права защищаются.

Чтобы быть признанным истцом, достаточно заявить в иске о своей заинтересованности в защите конкретного права или законного интереса, указав, что они ему принадлежат. Фактическое подтверждение (доказательство) этого — задача уже последующего судебного разбирательства.

Как лица, участвующие в деле, стороны наделены всей совокупностью общих для этой группы процессуальных прав и обязанностей. Одновременно их правовое положение определяется специальными признаками, которые отличают истца и ответчика от других участников и закрепляют их специфическую роль в судопроизводстве.

— **Наличие личной юридической заинтересованности** как в материально-правовом, так и в процессуальном исходе дела. Это отличает их, к примеру, от прокурора, который действует в защиту публичного (государственного) интереса;

— **Наличие между ними спорного правоотношения** с противоположными интересами. Именно это противостояние является движущей силой принципа состязательности;

— **Предполагаемый (не установленный) характер их связи с объектом спора**. Свою причастность (или непричастность) к нарушению прав они должны подтвердить или опровергнуть в ходе судебного разбирательства [4].

Гражданское процессуальное право наделяет стороны широким спектром полномочий и обязанностей. Часть этих прав является общей — ею обладают все участники процесса, а не только стороны. Перечень таких общих прав содержится, прежде всего, в статье 38 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Другая часть прав является специальной, присущей только истцу и ответчику.

Кроме прав, общих для всех участников дела, истец и ответчик обладают особыми правами, предусмотрен-

ными специально для них. Эти права перечислены, в частности, в статьях 39, 56 и других статьях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Основные общие обязанности сторон в процессе — это добросовестно использовать свои права, соблюдать порядок в суде, выполнять распоряжения судьи и проявлять уважение к суду. Эти требования закреплены, в частности, в статье 158 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Специальные процессуальные обязанности сторон зависят от специфики конкретных действий и стадии процесса. Их права и обязанности сгруппированы по отдельным правовым институтам и различаются на каждом этапе судопроизводства. Например:

— **Институт иска** включает право истца отказаться от иска или изменить его, а также право ответчика на защиту.

— **Институт обжалования** (апелляция, кассация) включает право сторон на обжалование решений суда, не вступивших в законную силу.

Права и обязанности сторон в процессе неодинаковы на разных этапах: в основном судебном разбирательстве, при апелляции, кассации и др. Но все они имеют одну общую черту: они порождаются и реализуются исключительно в рамках судебной деятельности. Вне связи с работой суда эти процессуальные возможности и требования не существуют [4].

Право стороны в процессе — это гарантированная законом возможность вести себя определённым образом и требовать от суда совершения нужных действий. Обязанность же стороны — это должное поведение, требуемое законом и соответствующее правомочию суда. Эти права и обязанности служат правовой базой для всей активности сторон в деле. Такая активность проявляется в самых разных формах: дача объяснений, подача ходатайств, представление и исследование доказательств, участие в судебных прениях и т. д.

Действия сторон являются движущей силой процесса: они создают, видоизменяют или завершают процессуальные отношения. Так, подача апелляции формирует новые отношения с судом второй инстанции, а отказ истца от своих требований полностью прекращает производство по делу. Другим примером может служить **заключение мирового соглашения**, которое, будучи утверждённым судом, одновременно прекращает спор и порождает обязанность сторон исполнить его условия, а при неисполнении — право на получение исполнительного листа.

Помимо приведённых в исходном тексте, существует множество других процессуальных действий сторон, влияющих на динамику. Это подчёркивает их роль не как пассивных объектов судебного разбирательства, а как полноправных субъектов, чья воля непосредственно формирует процессуальную реальность.

Одни поступки сторон в суде резко меняют ситуацию: запускают дело, останавливают его или передают в другую инстанцию. Такие шаги (как подача иска или отказ от него)

считаются **юридическими фактами**. Другие действия, даже очень важные (например, дача показаний, предъявление документов, споры в прениях), — это просто **часть процесса**. Они помогают суду принять решение, но сами по себе не открывают и не закрывают дело. Их можно называть процессуальными поступками [3].

Важное отличие поступков от юридических фактов в том, что первые лишь **осуществляют** уже имеющиеся права и обязанности, а вторые — **порождают** их. При этом, реализуя свою процессуальную свободу, стороны не вправе выходить за рамки закона и ущемлять интересы других. Для понимания всего спектра их полномочий, эти права удобно классифицировать по содержанию на **три основных типа**.

— права, реализация которых влияет на динамику гражданского судопроизводства;

— право на участие в судебном разбирательстве;

— права, обеспечивающие сторонам судебную защиту в конституционном значении.

Так, к *первой* группе относятся все права, которые выражают принцип диспозитивности. Ко *второй* — такие процессуальные права сторон, как право на личное участие в судебном разбирательстве, право на представительство в суде, право на участие в исследовании доказательств и др. *Третью* группу составляют право на обеспечение иска, обеспечение доказательств, право на отвод судей, прокурора, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта, специалиста, право подавать замечания на протокол судебного заседания и др.

Согласно действующему законодательству, стороны в гражданском процессе несут ряд обязанностей. Одна из ключевых обязанностей, установленная частью 3 статьи 38 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации для всех лиц, участвующих в деле, включая стороны, — это добросовестно осуществлять свои процессуальные права.

Для защиты от злоупотребления процессуальными правами ст. 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает специальную санкцию: суд вправе возложить на недобросовестную сторону обязанность компенсировать противоположной стороне фактически понесённые потери времени. Размер компенсации определяется судом в разумных пределах по его усмотрению, с оценкой конкретных обстоятельств дела.

Важным правилом процесса, установленным ст. 56 Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, является то, что каждая сторона сама должна доказать те обстоятельства, на которые она опирается, выдвигая свои требования или защищаясь от них [1].

Согласно ст. 115 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, на суде лежит обязанность извещать участников процесса проверяемыми способами (почта, «Госуслуги», ЭДО и др.). Факт и время отправки/получения должны иметь документальное подтверждение. **Ключевой вывод для сторон:** Закон возлагает на них встречную обязанность — **своевременно информировать суд об актуальных контактных данных**. Прене-

брежение этой обязанностью несёт риск: дело может быть рассмотрено без вашего участия, а судебный акт (включая решение о взыскании) — вынесен и направлен для принудительного исполнения.

Эти строгие правила служат двум целям:

- 1) гарантировать право стороны на участие в заседании;
- 2) обеспечивать неотвратимость и скорость судебного процесса, предотвращая его срыв из-за уклонения от получения повесток.

Судья с согласия стороны может также выдать ей на руки судебную повестку или иное судебное извещение по делу для вручения другому участнику процесса.

Сторона, которой судья поручил доставить повестку, обязана возвратить в суд ее корешок или копию иного судебного извещения с распиской адресата в их получении.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Власов, А. А. Гражданский процесс: учебник для вузов / А. А. Власов. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 430 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21133-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/581658>
3. Гальперин, М. Л. Гражданский процесс. Ответственность в гражданском судопроизводстве: учебное пособие для вузов / М. Л. Гальперин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 196 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19897-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/557307>.
4. Гражданский процесс: учебник для вузов / под редакцией М. Ю. Лебедева. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 388 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21834-3. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 36
5. Саенко, Л. В. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: учебник для вузов / Л. В. Саенко, Л. Г. Щербакова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 286 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17707-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/565994>.

Влияние искусственного интеллекта на защиту товарных знаков

Чугунова Анастасия Анатольевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на систему защиты товарных знаков. Анализируются как положительные аспекты, такие как автоматизация поиска, регистрации и мониторинга, так и вызовы, включая генерацию контента, нарушающего права, проблемы с потребительской путаницей и эволюцию правовых норм. На основе анализа существующих исследований и судебных прецедентов предлагаются рекомендации по адаптации законодательства. Статья подчеркивает необходимость баланса между инновациями ИИ и сохранением эффективности товарных знаков как инструментов идентификации источников товаров и услуг.

Ключевые слова: искусственный интеллект, товарные знаки, интеллектуальная собственность, infringement, deepfakes.

Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью современной экономики, проникая в различные сферы, включая интеллектуальную собственность. Товарные знаки как один из ключевых элементов ИС служат

В заключении стоит отметить, что понятие сторон в гражданском процессе является ключевым элементом для обеспечения справедливого и эффективного судебного разбирательства. Стороны — это участники процесса, обладающие правами и обязанностями, направленными на защиту своих интересов и обеспечение объективного рассмотрения дела. Их процессуальные права, такие как право на представление доказательств, участие в судебных заседаниях и обжалование решений, гарантируют возможность полноценной защиты и опровержения предъявленных требований. Обязательства сторон, включая соблюдение процессуальных норм и уважение к суду, способствуют упорядоченности и дисциплине процесса. В итоге, правильное понимание роли и функций сторон повышает качество правосудия и укрепляет доверие к судебной системе.

для идентификации источников товаров и услуг, предотвращения путаницы среди потребителей и защиты брендов от несанкционированного использования. Однако развитие ИИ, особенно генеративных моделей, таких

как ChatGPT или DALL-E, ставит под вопрос традиционные механизмы защиты товарных знаков. В этой статье мы исследуем, как ИИ влияет на процессы регистрации, мониторинга и enforcement товарных знаков, а также возникающие правовые вызовы [1].

Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), ИИ уже используется в патентных офисах для поиска и классификации, но его влияние на товарные знаки только начинает проявляться. Долгосрочные последствия включают изменение потребительских привычек, где ИИ выступает в роли «фильтра» для рекомендаций, потенциально снижая роль брендов в принятии решений о покупке. Цель статьи — проанализировать эти аспекты на основе актуальных источников и предложить пути адаптации.

Обзор искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности

ИИ представляет собой системы, способные выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, такие как обучение на данных, распознавание образов и генерация контента. В контексте ИС ИИ применяется для автоматизации процессов, повышения эффективности и снижения затрат. Например, машинное обучение используется для анализа больших объемов данных в базах товарных знаков, что позволяет выявлять сходства быстрее, чем традиционные методы [2].

Однако ИИ вводит сложности: генеративные модели могут создавать контент, имитирующий существующие товарные знаки, что приводит к рискам infringement (нарушения). В отчете Международной ассоциации товарных знаков (INTA) подчеркивается, что AI-assisted search platforms значительно влияют на enforcement, делая его более доступным, но требующим человеческого надзора для избежания ошибок. Кроме того, ИИ меняет понятие «среднестатистического потребителя», поскольку алгоритмы обладают «идеальной памятью» и не подвержены человеческим ошибкам, таким как imperfect recollection.

В России и странах ЕС наблюдается аналогичная тенденция: Роспатент внедряет ИИ для предварительной проверки заявок на товарные знаки, что ускоряет процесс. Тем не менее, это поднимает вопросы этики и точности, поскольку ИИ может генерировать ложноположительные результаты в распознавании нарушений [3].

Литература:

1. Арзуманян А. Б. Искусственный интеллект в правовом поле интеллектуальной собственности // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2018. — № 5 (102). — С. 72–76.
2. Грачева Д. А., Гришин А. А. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта // Экономика. Право. Общество. — 2022. — Т. 7, № 4 (32). — С. 20–25.
3. Калашников-Розен Ю. С. Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 29. — С. 526–530.
4. Коданева С. И. Трансформация интеллектуальной собственности под влиянием развития искусственного интеллекта // Социальные новации и социальные науки. — 2021. — № 2 (4). — С. 132–141.

Применение ИИ в регистрации и поиске товарных знаков

Регистрация товарных знаков традиционно включает поиск на сходство, чтобы избежать конфликтов. ИИ революционизирует этот процесс: инструменты вроде WIPO's Image Similarity Search используют глубокое обучение для анализа изображений и идентификации концептов в логотипах. Это позволяет охватывать базы данных 45 патентных офисов, снижая затраты и время [4].

В Великобритании инструмент Pre-Appl от UKIPO сокращает отказы на 14 % и упрощает списки товаров/услуг на 70 %. Частные платформы, такие как TradeMarker, достигают 80 % успеха в поиске изображений, экономя ресурсы в пять раз. В России ИИ применяется для проверки на уникальность, но не гарантирует абсолютной защиты, поскольку не оценивает отличительность.

Положительные эффекты включают демократизацию доступа: малые бизнесы могут проводить clearance searches без дорогих юристов. Однако риски возникают при генерации ИИ новых знаков: они могут быть похожи на существующие, вызывая unintentional infringement. Пример — случай с Microsoft Bing, где ИИ сгенерировал изображения с логотипами Disney-Pixar.

ИИ в мониторинге и обнаружении нарушений прав на товарные знаки

Мониторинг — ключевой аспект защиты, и ИИ усиливает его через автоматизированный анализ. Платформы вроде Amazon Brand Registry используют ИИ для выявления infringements, удаляя миллионы подделок ежегодно. На платформах электронной коммерции ИИ распознает товарные знаки с помощью NLP и компьютерного зрения, но сталкивается с вызовами, такими как распространение подделок и автоматическое создание нарушающего контента [5].

ИИ предлагает инструменты для усиления защиты товарных знаков, но вводит риски, требующие переосмысления правовых норм. Долгосрочное влияние включает сдвиг к predictive commerce, где роль брендов ослабевает. Необходимо развивать legislation, интегрируя ИИ в enforcement, чтобы сохранить баланс. Будущие исследования должны фокусироваться на этических аспектах и глобальной гармонизации.

5. Комарова А. А. Влияние развития технологии искусственного интеллекта на право интеллектуальной собственности // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Москва, 7–8 апр. 2023 г. — Москва: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — Т. 2. — С. 80–82.
6. Муравьева Е. С. О некоторых правовых вопросах внедрения искусственного интеллекта в сферу интеллектуальной собственности // Вопросы российской юстиции. — 2022. — No 21. — С. 670–684.
7. Морхат П. М. К вопросу об особенностях развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. — 2018. — No 2. — С. 44–52.

Квалификация покушения на преступление

Шайбова Маргарита Абдобековна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты квалификации покушения на преступление в уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: покушение на преступление, квалификация преступлений, стадии преступления, оконченное преступление, неоконченное преступление, умысел, уголовное право.

Институт стадий совершения преступления занимает важное место в системе российского уголовного права, поскольку позволяет дифференцировать уголовную ответственность согласно уровню общественной опасности криминальных действий субъекта в зависимости от степени реализации им преступного умысла [6, с. 7]. Особое значение в этой связи имеет категория покушения на преступление, которая представляет собой наиболее близкую к оконченному преступлению стадию преступной деятельности лица.

Правильная квалификация покушения на преступление имеет принципиальное значение для правоприменительной практики, поскольку ошибки при ее осуществлении могут привести, как к необоснованному ужесточению уголовной ответственности для субъекта, так и к необоснованному смягчению юридических последствий для виновного. Сложность квалификации покушения на криминальное деяние обусловлена необходимостью точного установления объективных и субъективных признаков таких действий лица, а также их адекватного соотношения с конкретной нормой уголовного закона.

Целью настоящей статьи является анализ правовых основ и особенностей квалификации покушения на преступление, а также выявление некоторых проблемных аспектов, возникающих в правоприменительной практике в этой связи, и попытке их прояснения.

Прежде всего, раскроем понятие и правовую природу покушения на преступление.

В соответствии со ст. 30 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не

было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам [1].

Из данного законодательного определения рассматриваемого феномена вытекает, что покушение на преступное деяние обладает рядом обязательных признаков. Во-первых, такое покушение возможно исключительно при наличии умысла, причем как прямого, так и косвенного. Во-вторых, действия лица должны быть непосредственно направлены на совершение конкретного криминального деяния, то есть входить в объективную сторону соответствующего состава преступления. В-третьих, преступный результат действий виновного не наступает по причинам, не зависящим от воли этого субъекта [12, с. 51].

Покушение как стадия преступных действий занимает промежуточное положение между приготовлением к преступлению и оконченным преступлением. Его наличие свидетельствует о высокой степени общественной опасности деяния лица, поскольку его преступный умысел уже начал реализовываться в форме действий, создающих реальную угрозу охраняемым уголовным законом общественным отношениям [10, с. 133].

Теперь рассмотрим объективные и субъективные признаки покушения на преступление и их значение для квалификации действий виновного.

Квалификация покушения на преступление предполагает установление как объективных, так и субъективных признаков неоконченного преступления.

С объективной стороны покушение на преступление выражается в действиях или бездействии лица, которые непосредственно направлены на совершение преступления. Критерием «непосредственности» является наличие соответствующих действий виновного в объек-

тивной стороне состава преступления, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК РФ.

С субъективной стороны покушение на криминальное деяние характеризуется умыслом лица, направленным на совершение конкретного преступления. При этом обязательным элементом является осознание лицом общественной опасности своих действий и предвидение возможности или неизбежности наступления преступного результата ввиду их осуществления. Отсутствие умысла у лица исключает квалификацию содеянного как покушения на преступление.

Для правильной квалификации покушения на преступное деяние необходимо установить направленность умысла лица на конкретный объект уголовно-правовой охраны и определенный результат. Именно содержание умысла субъекта деяния позволяет определить, на совершение какого именно преступления покушался виновный, и, следовательно, какую норму Особенной части УК РФ следует применять в этом случае [12, с. 52].

Квалификация покушения на преступление осуществляется с обязательным указанием на соответствующую часть статьи 30 УК РФ и статью Особенной части УК РФ, предусматривающую ответственность за конкретное оконченное преступление. Такой подход отражает двойственную правовую природу покушения на преступление, сочетающего в себе признаки, как неоконченного деяния, так и конкретного состава преступления [7, с. 5].

Как отмечает Я. К. Каниди, «покушение представляет собой не только деяние, которое было прекращено по обстоятельствам, которые не зависели от виновного лица, но также и посягательство, результат которого является менее тяжким при условии наличия субъективных ошибок. С учетом вышесказанного можно разделить покушения на два вида, а именно: на реальное и фиктивное» [10, с. 134].

В положениях части 3 статьи 30 УК РФ содержится определение реального покушения, результат которого (в зависимости от того, какова степень реализации преступного умысла) либо не достигнут, либо последствия менее тяжкие, чем те, которые замыслились, либо преступные деяния были исполнены лишь частично.

Реальное покушение может иметь место в случае посягательства на преступления с материальным или формальным составом. В зависимости от того, какова конструкция этих составов, реальное покушение обладает общими и отличительными признаками.

В зависимости от того, какова конструкция состава преступления, «в качестве отличительных признаков реального покушения выступают такие, как:

- полное выполнение всех тех действий, которые предусмотрены положениями диспозиции Особенной части УК РФ в случае покушения на преступление с материальным составом (например, убийство, кража и др.), однако в силу наличия обстоятельств внешнего характера, преступление до конца не доводится, а те преступные последствия, которые были охвачены умыслом, не наступают;

- длительность протекания преступного посягательства в случае покушения на преступление с формальным составом (к которым можно отнести, например, перевозку наркотических средств), однако в силу обстоятельств, которые не зависят от виновного лица, преступное посягательство прерывается и имеет место частичное выполнение преступного действия (бездействия)» [10, с. 135].

Примеры из судебной практики.

1. Суд признал К. виновным в покушении на убийство (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ). Судом установлено, что К., распивая спиртные напитки с И., ввиду возникшей ссоры вооружился ножом и нанес потерпевшему множественные удары в жизненно важные области тела. Несмотря на тяжесть ранений, смерть потерпевшего не наступила благодаря своевременно оказанной ему медицинской помощи [2].

2. Д. приобрел наркотическое средство, которое было изъято полицией до момента его реализации. Действия Д. были квалифицированы судом как *покушение на незаконное приобретение наркотического средства* по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 228 УК РФ [3].

Фиктивное покушение на совершение преступления представляет собой **мнимую, иначе говоря, притворную, деятельность лица**, внешне похожую на покушение на определенное криминальное деяние, **при отсутствии реального намерения субъекта довести преступление до конца**. Базовая особенность таких действий, установление которой является необходимым для их правильной квалификации, заключается в **отсутствии у лица действительного преступного умысла**, несмотря на внешнее сходство с покушением такое деяние. Отсутствие указанного умысла у лица означает **отсутствие субъективной стороны преступления**. Следовательно, фиктивное покушение на криминальное деяние не влечет за собой уголовной ответственности субъекта. Однако если в ходе фиктивного покушения на преступление лицом совершены **другие общественно опасные деяния криминального характера**, то уголовная ответственность для этого субъекта может наступить **по иным статьям УК РФ** [2, с. 6].

Рассуждая о проблемных вопросах квалификации деяния, связанных с категорией «покушение на преступление», необходимо остановиться на следующих моментах.

Как указывает А. И. Лесная, «традиционно выделяется два вида покушения на преступление, а именно: оконченное и неоконченное покушение» [12, с. 54]. Отдельные исследователи высказывают мнение о том, что «дифференциация покушения на оконченное и неоконченное не является удачной в силу того, что любое покушение представляет собой разновидность неоконченного преступления, соответственно, выделение оконченного покушения из неоконченного преступления не представляется логичным» [9, с. 99]. Думается, следует согласиться с этим мнением.

В связи с вышесказанным представляется более целесообразным разделить покушения на преступление на завершенное (при котором виновный убежден, что он сделал все необходимое для окончания преступления, однако преступный результат не наступил по независящим

от него обстоятельствам.) и незавершенное (виновный по не зависящим от него обстоятельствам не выполнил всех действий (бездействия), которые считал необходимыми для завершения преступления).

Пример завершенного покушения. Суд признал Т. виновным в совершении действий, умышленно направленных на хищение денежных средств посредством ложного обещания прекращения уголовного преследования. При этом Т. удалось обмануть К. и злоупотребить его доверием. Однако деяние не было доведено до конца по не зависящим от Т. обстоятельствам. Действия Т. были квалифицированы судом как *покушение на мошенничество* по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ [4].

Пример незавершенного покушения. Н., действуя с прямым умыслом на убийство В., начал реализацию преступного намерения, однако **не выполнил всех действий, которые считал необходимыми для лишения жизни Ф.**, поскольку был **пресечен третьими лицами**. Смерть Ф. не наступила. Суд квалифицировал действия Н. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ [5].

Отдельного внимания заслуживает квалификация так называемого негодного покушения на криминальное деяние, при котором преступный результат не может быть достигнут в силу объективной невозможности (например, использование лицом негодных средств). Несмотря на отсутствие реальной возможности наступления вредных последствий, такие действия субъекта, как правило, подлежат квалификации как покушение на преступление, поскольку характеризуются наличием умысла на совершение конкретного преступного деяния и общественной опасности самого факта такого поведения субъекта [7, с. 8].

Сложности на практике вызывает квалификация покушения на криминальное деяние при наличии квалифицирующих признаков преступления. В подобных случаях квалификация таких действий должна осуществляться с учетом направленности умысла виновного. Если лицо осознавало и желало совершить преступление с квалифицирующими признаками, то содеянное им подлежит квалификации как покушение на соответствующий квалифицированный состав [9, с. 101]. Приведем пример. «Действия К. в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями уголовного закона верно квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, поскольку К., действуя в составе группы лиц по предварительному сговору с лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, имея умысел на причинение значительного ущерба, совершила покушение на умышленное уничтожение путем поджога здания военного комиссариата г. о. Подольск Московской области...

Если в результате указанных действий предусмотренные законом последствия не наступили по при-

чинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное при наличии у него умысла на причинение значительного ущерба должно рассматриваться как покушение на умышленное уничтожение чужого имущества (ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ)...

Вместе с тем, судебная коллегия полагает, что из описательно-мотивировочной части приговора при квалификации действий К. подлежит исключению указание на наличие квалифицирующего признака совершения преступления «группой лиц по предварительному сговору», поскольку диспозиция ч. 2 ст. 167 УК РФ такого квалифицирующего признака не содержит» [6].

Следует также рассмотреть отграничение покушения на преступление от смежных уголовно-правовых категорий.

Важнейшей задачей правоприменителя при квалификации действий лица является отграничение покушения на преступление от приготовления к преступлению и оконченного преступления.

Приготовление к преступлению характеризуется созданием лицом условий для его совершения и отсутствием непосредственного посягательства на объект уголовно-правовой охраны. В отличие от этого, при покушении на криминальное деяние преступные действия субъекта уже непосредственно затрагивают объект посягательства [8, с. 21].

Отграничение покушения от оконченного преступления осуществляется по моменту наступления всех признаков состава конкретного преступления. Если хотя бы один из обязательных признаков объективной стороны деяния отсутствует, то содеянное следует рассматривать как покушение [10, с. 135].

Четкое разграничение указанных уголовно-правовых институтов имеет принципиальное значение для правильной квалификации криминального деяния и назначения лицу соразмерного наказания.

Выводы

Квалификация покушения на преступление представляет собой сложный и многогранный аналитический процесс, требующий тщательного анализа фактических обстоятельств дела и содержания уголовно-правовых норм. Покушение на криминальное деяние, являясь стадией неоконченного преступления, характеризуется высокой степенью общественной опасности и требует адекватной уголовно-правовой оценки.

Правильная квалификация покушения на преступление обеспечивает, как в процессе расследования преступления, так и в ходе судебного разбирательства, реализацию принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (редакция от 31.07.2025 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Постановление Президиума Московского городского суда от 18.09.2009 года № 44у-275/09 // СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 27.08.2013 № 22–1563/13 // СПС КонсультантПлюс.
4. Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым 05.12.2022 № 1–567/2022 // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 августа 2015 г. № 4-УД15–14 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2025 № 77–2838/2025 (УИД 50RS0035–01–2024–011483–18) // СПС КонсультантПлюс.
7. Алфеева В. С. Отдельные вопросы квалификации покушения на преступление // Студенческий вестник. 2023. № 47–4 (286). С. 5–8.
8. Борбат А. В., Борков В. Н., Булатов Б. Б. Начало преступления // Российский следователь. 2024. N 10. С. 21–26.
9. Ильин И. В., Шевченко О. А. Проблемы квалификации покушения на преступление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 99–101.
10. Каниди Я. К. Особенности квалификации покушения на преступление // Прорывные научные исследования как двигатель науки. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Наука, 2024. С. 133–135.
11. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2002. 353 с.

Толкование уголовного закона как условия квалификации преступления, его способы и виды

Шайбова Маргарита Абдобековна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается толкование уголовного закона как условия квалификации преступления, раскрываются основные способы и виды интерпретации уголовно-правовых норм, а также их значение для правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовный закон, толкование уголовного закона, квалификация преступления, способы толкования уголовного закона, виды толкования уголовного закона.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена постоянными изменениями уголовного законодательства, наличием в нем сложных уголовно-правовых конструкций [1], а также необходимостью обеспечения единообразия судебной практики.

К. А. Волков указывает, что толкование уголовного закона представляет собой интеллектуально-волевую деятельность субъекта, направленную на уяснение и разъяснение содержания уголовно-правовых норм, выраженных в тексте действующего закона. Основной задачей такого толкования является раскрытие действительного смысла правовой нормы и воли законодателя, которые сформулированы в рассматриваемом уголовно-правовом предписании [6, с. 3].

Уголовно-правовые нормы формулируются в обобщенной форме и рассчитаны на многократное применение со стороны соответствующих субъектов, что с неизбежностью порождает необходимость их адекватного уяснения применительно к имеющим место конкретным жизненным ситуациям, наблюдаемым в уголовном деле.

Толкование уголовного закона в этом смысле выступает в качестве связующего звена между абстрактной уголовно-правовой нормой и конкретным фактическим составом совершенного деяния [10, с. 3].

Одной из наиболее сложных и ответственных задач уголовного права и деятельности правоприменителя является квалификация преступления.

Действующее законодательство не содержит легальной дефиниции понятия квалификации преступлений.

В учебном пособии о квалификации преступлений указано, что «определение квалификации преступления как установления и юридического закрепления тождества юридически значимых признаков реально совершенного деяния с признаками состава преступления этого вида, закрепленными в норме Уголовного кодекса, предопределяет значение уголовного закона как правовой основы квалификации преступлений» [9, с. 9].

Власенко В. В. пишет, что «понятие «квалификация преступлений» можно представить в следующем виде: уголовно-правовая квалификация деяний — это уста-

новление тождества между «фактическим» составом преступления, присутствующим в совершенном деянии, и «юридическим» составом преступления, содержащимся в уголовном законе» [5, с. 59].

Т. Н. Долгих полагает, что квалификация преступления заключается в юридической оценке совершенного уголовного деяния и соотнесении его признаков с конкретной нормой Особенной части УК РФ [8].

От правильного установления соответствия между признаками совершенного конкретного преступного деяния и признаками состава преступления, закрепленного в УК РФ, зависит законность привлечения подозреваемого лица к уголовной ответственности, соблюдение принципа социальной справедливости.

Вместе с тем, процесс квалификации уголовного деяния невозможен без понимания содержания признаков состава преступления, что делает толкование уголовного закона необходимым и обязательным этапом квалификации преступления. Неправильное толкование уголовно-правовой нормы неизбежно влечет ошибочную квалификацию деяния, которая может выражаться как в необоснованном осуждении обвиняемого лица, так и в неправомерном уклонении его от уголовной ответственности. В связи с этим, толкование уголовного закона выступает важнейшим фактором реализации принципа законности в уголовном праве, назначения виновному лицу справедливого наказания или, напротив, освобождения невиновного субъекта от уголовной ответственности, соблюдения прав и свобод человека [6, с. 5].

Между тем, как отмечает О. А. Савельева, «действующий Уголовный закон РФ характеризуется высокой степенью абстрактности правовых норм, наличием бланкетных и отсылочных норм, правовых предписаний, содержащих оценочные признаки, норм, которые предлагают несколько вариантов поведения, спецификой терминов и понятий. В связи с чем, в правоприменительной деятельности возникает много вопросов, касающихся толкования отдельных норм уголовного закона и их правильного применения» [8, с. 11]. Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь–ноябрь 2025 г. на досудебной стадии уголовного судопроизводства было выявлено 1 283 222 нарушения закона при производстве следствия и дознания. Значительная часть из них связана с ошибкой квалификации деяния [11].

Рассмотрим способы толкования уголовного закона

В теории уголовного права традиционно выделяются несколько основных способов толкования уголовного закона, которые применяются в совокупности.

1. Грамматический способ толкования уголовного закона.

Грамматический способ толкования уголовного закона заключается в анализе текста уголовно-правовых норм с точки зрения лингвистического значения слов, лексического анализа грамматических форм и синтаксических конструкций. Этот метод является исходным способом обозначенного толкования, поскольку уголовный закон

выражен именно в словесной форме [4, с. 17]. В этом контексте, как отмечает М. В. Шкеле, «толкование представляет собой совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом элементам (выражениям, формулам, символам) какой-либо теории. Результат толкования каких-то правовых актов также представляет собой совокупность значений (смыслов), которые придаются предложениям правового текста и его отдельным словам и терминам» [12, с. 293].

При использовании данного способа толкования уголовного закона необходимо учитывать, как общезыковое, так и специальное юридическое значение анализируемых терминов. Игнорирование юридической специфики содержащейся в УК РФ терминологии может привести к искажению смысла уголовно-правовой нормы [4, с. 18]. М. В. Шкеле указывает: «В УК РФ содержится ряд норм, где законодатель использует слова и выражения, которые в языке права приобретают иной смысл, нежели в обиходном, а также использует термины других отраслей знания — медицины, экономики, различных областей техники и т. п. Наличие противоречий между словесной формой юридической нормы и ее буквальным содержанием, а также отсутствие легального определения некоторых понятий (экстремизм, критическая информационная инфраструктура, угон), используемых в нормах УК РФ, и употребление идентичных формулировок, содержащиеся в разных статьях УК РФ (неоднократно, значительный ущерб), налагает запрет на придание разных значений этим формулировкам в рамках одного и того же нормативного акта при отсутствии специальной оговорки об этом в самом акте» [12, с. 293]. Полагаем, при конструировании правовых норм и введении новых терминов в УК РФ необходимо обращаться к толковым словарям, что позволит довести совокупность суждений, адекватно раскрывающих смысл нормы до сознания правоприменителя.

2. Систематический способ толкования уголовного закона.

Систематическое толкование уголовного закона предполагает анализ уголовно-правовой нормы в ее взаимосвязи с другими юридическими положениями уголовного закона и всей правовой системы в целом. Особое значение при этом имеет правильное установление соотношения норм Общей и Особенной частей УК РФ.

Данный способ толкования уголовного закона позволяет правильно установить содержание диспозиции уголовно-правовой нормы, учитывая общие положения о вине субъекта, формах соучастия подозреваемых лиц, стадиях совершения преступления и иных аспектах уголовного права [4, с. 19].

3. Логический способ толкования уголовного закона.

Логическое толкование уголовного закона основывается на применении при анализе уголовного закона приемов формальной логики. Этот метод позволяет выявить существующие внутренние связи между элементами уголовно-правовой нормы, устранить кажущиеся

противоречия и избежать нелогичных выводов при ее применении.

Использование логического способа толкования уголовного закона является особенно важным при толковании уголовно-правовых норм при сложных и многоэлементных составах преступлений [4, с. 20].

4. Исторический и целевой способы толкования уголовного закона.

Историческое толкование уголовного закона направлено на выяснение условий и причин принятия уголовно-правовой нормы, а также целей, которые преследовал законодатель при ее конструировании. Целевое (телеологическое) толкование уголовного закона ориентировано на выявление социального назначения уголовно-правовой нормы и охраняемых ею общественных ценностей [7, с. 46].

Рассмотренные способы толкования уголовного закона позволяют учитывать динамику общественного развития и обеспечивать адекватное применение уголовного закона в соответствии с его задачами.

Теперь рассмотрим виды толкования уголовного закона.

1. Виды толкования уголовного закона по субъекту.

По субъекту толкование уголовного закона подразделяется на официальное и неофициальное. Официальное толкование уголовно-правовых норм осуществляется уполномоченными государственными органами и ориентирует правоприменителя в его деятельности. Особую роль в этом процессе играют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Неофициальное толкование уголовного закона осуществляется учеными, практикующими юристами, адвокатами и иными субъектами. Несмотря на отсутствие обязательной силы, оно оказывает значительное влияние на развитие уголовно-правовой науки и особенности правоприменительной практики [4, с. 20].

2. Виды толкования уголовного закона по объему.

По объему различают буквальное, расширительное и ограничительное толкование уголовного закона. В уголовном праве допустимы расширительное и ограничительное толкование правовых норм лишь в пределах, не ухудшающих положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Данный подход при осуществлении таких действий обусловлен необходимостью соблюдения принципа законности и запретом аналогии при применении уголовного закона [4, с. 21].

В отечественной уголовно-правовой науке высказывалось предложение «о дополнении Общей части УК РФ специальной главой 2.1 «Толкование уголовного закона», в статьях которой пояснялись бы условия и порядок реализации принципа строгого толкования при интерпретации уголовного закона» [11; с. 296]. Однако данное предложение не нашло отражения в действующем УК РФ.

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ в одном из своих актов указал: «Правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа право-

вого государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом» [3]. Следует отметить, что принцип строгого толкования нашел законодательное закрепление в ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь: «Нормы Кодекса подлежат строгому толкованию» [2].

Итак, в УК РФ отсутствует прямое нормативное закрепление принципа строгого толкования уголовного закона. Вместе с тем, обозначенный принцип вытекает из конституционных положений о России как правовом государстве и, что диктует необходимость наличия правовой определенности при применении нормативных актов, а также последовательно проводится в практике Конституционного Суда РФ, ненормативный характер этого принципа порождает риск расширительного толкования уголовно-правовых норм со стороны правоприменителя. Это, в свою очередь, ослабляет гарантии защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, снижает уровень предсказуемости уголовно-правового регулирования по делу.

Для усиления правовой определенности предлагается закрепить принцип строгого толкования уголовного закона непосредственно в Общей части УК РФ по аналогии с ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь. Думается, эта новация позволит: нормативно закрепить обозначенный конституционно-правовой подход; ограничить возможность расширительного толкования уголовного закона в ущерб правам личности; стимулировать законодателя к повышению качества формулировки уголовно-правовых норм; будет способствовать установлению единообразия правоприменительной практики.

Наиболее логичным вариантом решения представляется включение соответствующего положения в ст. 3 УК РФ «Принцип законности», поскольку строгий характер толкования уголовного закона видится производным именно от данного принципа. В связи с этим, предлагается дополнить указанную статью *частью третьей следующего содержания:*

«3. Нормы настоящего Кодекса подлежат строгому толкованию. Расширительное толкование уголовного закона не допускается».

Статья 3 УК РФ уже включает в себя базовые элементы принципа законности, включая запрет аналогии уголовного закона. Думается, введение нормы о строгом толковании уголовного закона органично дополняет ее содержание и логически связано с уже установленными гарантиями законности. Такое решение не требует структурного усложнения УК РФ (в отличие от введения в Кодекс отдельной главы), но одновременно придает принципу строгого толкования общеобязательный, законодательно закрепленный характер.

Выводы

Толкование уголовного закона является необходимым условием правильной квалификации преступления

и важнейшим элементом применения уголовно-правовых норм. Использование различных способов обозначенного толкования в их совокупности позволяет субъекту обеспечить точное уяснение содержания уголовно-правовых норм и их справедливое применение к конкретным криминальным деяниям.

В условиях постоянной модернизации российского уголовного законодательства и активного использования

оценочных понятий, наличия бланкетных и отсылочных норм, фундаментальное значение толкования уголовного закона видится неоспоримым. Его правильное осуществление служит гарантией соблюдения принципов законности, справедливости и гуманизма в уголовном праве и неперенным фактором достижения главной цели правосудия — вынесения правильного итогового судебного решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (редакция от 31.07.2025 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id (дата обращения: 20.12.2025).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.
4. Балашова К. Д. Уголовный закон как источник уголовного права: вопросы толкования // Современные проблемы уголовного права: сборник научных статей по материалам межвузовского круглого стола. Санкт-Петербург: Питер, 2024. С. 17–21.
5. Власенко В. В. Проблемные аспекты понятия «квалификация преступлений» // Российская юстиция. 2016. N 5. С. 59–62.
6. Волков К. А. Официальное толкование норм уголовного закона // Значение толкования права в процессе реализации норм права: Материалы научно-практических конференций. Хабаровск: Наука, 2025. С. 3–6
7. Генрих Н. В. Историческое толкование уголовного закона в судебной практике // Уголовная политика и культура противодействия преступности: сборник. Краснодар: КУ МВД РФ, 2024. С. 46–48.
8. Долгих Т. Н. Квалификация преступлений // СПС КонсультантПлюс.
9. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. 336 с.
10. Савельева О. А. Роль судебного толкования в применении Уголовного закона: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
11. Статистические данные // Деятельность // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/> (дата обращения: 20.12.2025).
12. Шкеле М. В. О толковании уголовного закона Уголовное законодательство: вчера, сегодня: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: в двух частях. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. СПб.: Питер, 2015. С. 291–298.

Права и обязанности граждан в административных правоотношениях: гарантии и ограничения

Шевкунов Данил Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются ключевые аспекты административноправового статуса граждан в Российской Федерации: система прав и обязанностей, гарантии их реализации и допустимые ограничения в рамках административных правоотношений. Автор анализирует основные права граждан (на обращение, получение информации, обжалование действий органов власти, свободу передвижения и др.), классифицируя их на абсолютные и относительные, а также рассматривает круг обязанностей, включая соблюдение законов, уплату налогов, получение лицензий и разрешений.

Особое внимание уделено механизмам гарантий прав — экономическим, политическим, организационным и юридическим, — а также основаниям и пределам ограничений, которые могут устанавливаться федеральным законом в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья и безопасности государства. В работе раскрыты существующие способы защиты прав граждан (административный, судебный, прокурорский надзор, институт Уполномоченного по правам человека) и обозначены актуальные проблемы их реализации, такие как бюрократические барьеры и низкая эффективность досудебного обжалования.

В заключение предложены направления совершенствования административноправового регулирования: усиление контроля за деятельностью органов власти, повышение правовой грамотности населения и развитие альтернативных механизмов разрешения споров. Статья адресована юристам, исследователям административного права, государственным служащим и всем, интересующимся вопросами взаимодействия граждан с органами публичной власти.

Ключевые слова: Административные правоотношения, административноправовой статус гражданина, права граждан, обязанности граждан, гарантии прав, ограничения прав, административное законодательство, обжалование действий органов власти, юридический механизм защиты, административный порядок защиты, судебный порядок защиты, прокурорский надзор, Уполномоченный по правам человека, лицензирование, регистрация, право на обращение, право на информацию, возмещение ущерба, федеральный закон, государственный орган, орган местного самоуправления.

Rights and duties of citizens in administrative legal relations: guarantees and limitations

Shevkunov Danil Dmitriyevich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article examines the key aspects of the administrative and legal status of citizens in the Russian Federation: the system of rights and obligations, guarantees of their implementation and permissible restrictions within the framework of administrative legal relations. The author analyzes the basic rights of citizens (to appeal, receive information, appeal against the actions of authorities, freedom of movement, etc.), classifying them into absolute and relative, and also examines the range of responsibilities, including compliance with laws, paying taxes, obtaining licenses and permits.

Special attention is paid to the mechanisms of guaranteeing rights — economic, political, organizational and legal — as well as the grounds and limits of restrictions that can be established by federal law in order to protect the constitutional order, morals, health and security of the state. The paper reveals the existing methods of protecting citizens' rights (administrative, judicial, prosecutorial supervision, the institution of the Commissioner for Human Rights) and identifies current problems of their implementation, such as bureaucratic barriers and low efficiency of pre-trial appeals.

In conclusion, the directions of improving administrative and legal regulation are proposed: strengthening control over the activities of government authorities, increasing legal literacy of the population and developing alternative dispute resolution mechanisms. The article is addressed to lawyers, researchers of administrative law, civil servants and anyone interested in issues of citizens' interaction with public authorities.

Keywords: administrative legal relations, administrative and legal status of a citizen, citizens' rights, citizens' duties, guarantees of rights, restrictions of rights, administrative legislation, appeal against actions of authorities, legal mechanism of protection, administrative protection procedure, judicial protection procedure, prosecutor's supervision, Commissioner for Human Rights, licensing, registration, right to appeal, the right to information, compensation for damages, federal law, state body, local government body.

Права и обязанности граждан в административных правоотношениях представляют собой взаимосвязанный комплекс юридических возможностей и предписаний, регулирующих взаимодействие личности с органами государственной власти и местного самоуправления. Этот комплекс формирует административноправовой статус гражданина, закреплённый в Конституции РФ, Кодексе об административных правонарушениях, федеральных законах и подзаконных актах.

Среди ключевых прав граждан выделяются: право на обращение в государственные и муниципальные органы (лично или коллективно) с заявлениями, жалобами и предложениями; право на получение информации о деятельности властных структур; право на обжалование действий или бездействия должностных лиц в административном либо судебном порядке; право на свободу передвижения и выбор места пребывания или жительства; право на неприкосновенность личности и жилища; право на объ-

единение, включая создание профессиональных союзов; право на участие в управлении государством (непосредственно или через представителей); право на возмещение ущерба, причинённого незаконными действиями или бездействием государственных органов и их должностных лиц. При этом права подразделяются на абсолютные (реализуемые по усмотрению гражданина, например, право на подачу жалобы) и относительные (возникающие после издания соответствующего акта, например, при назначении на должность).

Обязанности граждан в рамках административных правоотношений включают: соблюдение законов и иных нормативных правовых актов; исполнение законных требований должностных лиц; сохранение природы и окружающей среды, бережное отношение к природным ресурсам; защиту Российской Федерации; уплату установленных налогов и сборов; соблюдение специальных запретов (например, на занятие определёнными видами

деятельности без соответствующего образования); получение необходимых разрешений и лицензий (например, для осуществления пассажирских перевозок).

Гарантии прав граждан обеспечивают их реализацию и защиту, подразделяясь на экономические (материальные условия для осуществления прав, включая стабильную экономику и рост благосостояния), политические (принадлежность власти народу, соблюдение и защита прав государством, участие граждан в управлении), организационные (деятельность правоохранительных, контрольных и надзорных органов) и юридические (система правовых норм, определяющих условия и порядок реализации прав, средства их охраны и защиты). К юридическим гарантиям относятся: нормативноправовое закрепление прав и обязанностей; ответственность органов власти за нарушение прав; право на обжалование незаконных действий; право на возмещение ущерба; прокурорский надзор; деятельность Уполномоченного по правам человека.

Ограничения прав граждан могут устанавливаться исключительно федеральным законом и допускаются лишь в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такие ограничения реализуются органами исполнительной власти в рамках административных режимов и могут касаться регистрации и лицензирования (например, для предпринимательской деятельности), обеспечения безопасности и общественного порядка (например, ограничения на передвижение в пограничных зонах), выполнения специальных требований к отдельным видам деятельности (например, производству алкоголя или оружия). Ограничения носят компенсационный характер: при их соблюдении гражданин получает возможность осуществлять определённую деятельность или получать государственную поддержку.

Для защиты своих прав граждане вправе использовать несколько механизмов: административный порядок (обжалование решений и действий органов управления в вышестоящую инстанцию), судебный порядок (подача административного искового заявления о признании незаконными решений, действий или бездействия государственных органов), прокурорский надзор (обращение в прокуратуру для принятия мер реагирования), а также обращение к Уполномоченному по правам человека.

В практике реализации гарантий прав граждан сохраняются определённые проблемы, в числе которых — недостаточная эффективность административного порядка обжалования и наличие бюрократических барьеров, приводящих к волоките. Перспективными направлениями совершенствования системы являются усиление контроля за деятельностью органов власти, повышение правовой грамотности граждан и развитие механизмов досудебного урегулирования споров.

Баланс между правами и обязанностями граждан в административных правоотношениях обеспечивается по-

средством системы гарантий и ограничений, что позволяет одновременно защищать интересы личности и поддерживать общественный порядок и безопасность. Однако для повышения эффективности этих механизмов необходимо дальнейшее развитие правовой культуры и совершенствование административного законодательства, а именно:

1. Совершенствование механизмов реализации административных прав и обязанностей

В условиях цифровизации государственного управления особое значение приобретает модернизация административных процедур. Внедрение электронных сервисов (например, порталов госуслуг, онлайн-реестров лицензий) сокращает бюрократические барьеры, повышает прозрачность взаимодействия граждан с властями и минимизирует коррупционные риски. Однако для полной реализации этого потенциала необходимо устранить технические и правовые пробелы: обеспечить доступ к цифровым инструментам для всех категорий граждан, включая жителей удалённых регионов и пожилых людей, а также гармонизировать требования законодательства с возможностями современных технологий. Например, расширение практики дистанционного обжалования решений через единые цифровые платформы могло бы существенно ускорить защиту прав, снизив зависимость от территориальной доступности органов власти.

2. Роль образования и просвещения

Повышение правовой грамотности остаётся ключевым фактором эффективного участия граждан в административных правоотношениях. Программы правового просвещения, включённые в школьные и университетские курсы, а также доступные онлайн-ресурсы (вебинары, интерактивные гиды), помогут формировать осознанное понимание своих прав и обязанностей. Важно также обучать государственных служащих принципам клиентоориентированного подхода и этики взаимодействия с гражданами. Например, введение обязательных тренингов по коммуникации и антикоррупционным стандартам для сотрудников МФЦ и профильных ведомств способствовало бы снижению конфликтов и повышению доверия к институтам власти.

3. Международное сотрудничество и стандарты

Интеграция международных стандартов в национальное административное законодательство — ещё одно перспективное направление. Опыт стран ЕС по внедрению «принципа доверия» (когда государственные органы изначально исходят из добросовестности граждан, сокращая избыточные проверки) или система административных омбудсменов в скандинавских государствах

могут быть адаптированы с учётом российских реалий. Участие в международных проектах по обмену лучшими практиками, например, в рамках ЕАЭС, позволит укрепить механизмы защиты прав и гармонизировать подходы к регулированию административных отношений.

4. Контроль и обратная связь

Для преодоления недоверия к административным процедурам необходимы прозрачные механизмы обратной связи. Создание независимых общественных советов при ведомствах, регулярные публичные отчёты о результатах рассмотрения жалоб и внедрение независимых аудитов качества госуслуг позволят выявлять системные проблемы. Например, пилотные проекты по оценке удовлетворённости граждан электронными услугами уже показали свою эффективность в регионах-лидерах, таких как Татарстан и Москва. Распространение подобных практик на федеральный уровень требует законодательного за-

крепления обязательности мониторинга и публичности результатов.

Реализация баланса между правами граждан и государственными интересами в административном праве невозможна без постоянной адаптации системы к социальным, технологическим и глобальным вызовам. Цифровизация, просвещение, международное сотрудничество и жёсткий контроль за соблюдением законности — составляющие прогрессивной модели административных отношений. Однако главным условием успеха остаётся уважение к человеку как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ), что должно проявляться не только в нормах права, но и в повседневной практике взаимодействия власти и общества. Только при условии синтеза правовых реформ, технологических инноваций и формирования культуры уважения к правам личности административное законодательство сможет выполнять свою конституционную миссию — защищать свободы граждан, одновременно обеспечивая стабильность и порядок в обществе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195ФЗ (действующая редакция).

Функционирование органов публичной власти в системе гражданского оборота и механизмы представления интересов публичных образований

Шиломаева Ирина Алексеевна, студент магистратуры
Чебоксарский институт (филиал) Московского политехнического университета

В статье рассматривается правовой статус органов публичной власти как субъектов гражданских отношений, особенности их активности в сделках и представительства интересов. Выделяются способы делегирования полномочий и ответственности публичным образованиям. Анализируются положения ГК РФ и позиции теоретиков публичного права. Проблематика требует внимания, поскольку действующая система регулирования взаимодействия публичных образований с иными субъектами гражданского оборота нуждается в уточнении и теоретическом обосновании.

Ключевые слова: гражданский оборот, публичные образования, органы власти, правовой статус, представительство интересов

Вопросы участия органов государственной и муниципальной власти в гражданском обороте прочно вошли в теорию гражданского права. С одной стороны, традиционно рассматривалось, что государство как суверен обеспечивает экономические задачи через специальные учреждения, а с другой — закреплено само участие публичных образований в гражданских отношениях. Так, статьи 124–125 ГК РФ включают публичные образования в гражданский оборот «с целью представления интересов публично-правовых образований», наделяя их правоспособностью для приобретения и осуществления имущественных и не-

имущественных прав, а также обязанностей. В условиях современного правового государства данное положение позволяет государству и муниципалитетам заключать сделки и участвовать в иных гражданских правоотношениях на равной основе с частными лицами.

Гражданско-правовой статус органов публичной власти имеет специфический характер. По смыслу ст. 124 ГК РФ, Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования участвуют в гражданско-правовых отношениях на равных началах с иными участниками таких отношений. Это закрепляет основное правило

равноправия, исключаящее юридическое доминирование государства при участии в гражданском обороте. Однако закон предусматривает особые нормы, применимые к таким субъектам. В частности, им в общем порядке предоставляется возможность совершать сделки и нести обязательства в рамках утвержденной компетенции, а также выступать в суде через полномочные органы (п. 1 ст. 125 ГК РФ). Указанная оговорка означает, что именно государственные органы (министерства, агентства и др.) действуют от имени публичных образований и используют их имущество и бюджетные средства для совершения сделок. В итоге органы власти приобретают признаки особых участников оборота: с одной стороны, они обязаны следовать закону о юридических лицах, с другой — их деятельность регулируется специальными предписаниями, отражающими публичный характер их задач [1].

Нормы раздела V ГК РФ детализируют процедуры участия публичных образований. Так, например, из п. 1 ст. 125 следует, что федеральные и региональные органы власти в пределах своей компетенции могут приобретать и осуществлять права и обязанности, а также представлять интересы соответствующего публичного образования в суде. Аналогично пункт 2 этой статьи закрепляет право органов местного самоуправления действовать от имени муниципалитетов. Наконец, п. 3 ст. 125 допускает передачу полномочий по представлению интересов государств и муниципалитетов иным организациям и лицам «по их специальному поручению» — например, федеральным унитарным предприятиям, некоммерческим фондам, а также частным компаниям или отдельным гражданам в порядке, определенном законами и указами. Такой механизм делегирования предусматривает, что представительство интересов не ограничивается одним институтом:

в частности, органы прокуратуры или уполномоченные юристы могут выступать в судах в интересах государства на основе особого назначения.

Важнейшим элементом данной сферы является процедура непосредственного представительства интересов публичных образований. Представление интересов публичных образований в судебном процессе и при исполнении судебных актов осуществляется уполномоченными органами и лицами. Это означает, что полномочия на выступление в суде распределяются заранее: стороны процесса, связанные с государством, должны четко указать того участника, который действует от имени государства или муниципалитета. При определении круга органов, уполномоченных представлять государство в имущественных отношениях, проявляется сложное сочетание частноправовых и публично-правовых начал. Полномочия и структура таких органов формируются нормами публичного права разных уровней и отраслей, что приводит к фрагментарности регулирования и усложняет практику его применения.

Таким образом, орган (или лицо), выступающий в гражданском обороте, формально представляет интересы казны и действуют на её средствах, но ошибки в указании представителя или даже недостаток финансирования не освобождают от обязательств.

Факт того, что исполнение обязательств обеспечивается средствами соответствующего бюджета, не отменяет возможности привлечения публичного образования к гражданско-правовой ответственности, поскольку бюджетный источник финансирования не меняет сам характер обязательства.

В таблице 1 обобщены ключевые формы уполномоченного представительства в гражданском обороте для различных видов публичных образований.

Таблица 1. Механизмы представления интересов публичных образований в гражданском обороте

Публичное образование	Орган/лицо-представитель	Нормативное основание
Российская Федерация и субъекты РФ	Органы государственной власти (в пределах компетенции)	п. 1 ст. 125 ГК РФ
Муниципальные образования	Органы местного самоуправления (в пределах компетенции)	п. 2 ст. 125 ГК РФ
Все публично-правовые образования (федеральные, региональные, муниципальные)	Другие субъекты (госорганы, юрлица, граждане) по поручению	п. 3 ст. 125 ГК РФ

Таким образом, органы публичной власти реализуют права и обязанности публичных образований через специально уполномоченные органы и лиц. В. П. Бабинцев указывает, что соответствующие механизмы делегирования формализуют взаимоотношения публичных институтов с хозяйствующими субъектами, аккумулируя средства из бюджетов различных уровней [2, с. 56]. Одновременно следует подчеркнуть, что выделение финансов из бюджетов для целей исполнения обязательств, хотя и находится под контролем публичных распорядителей,

не освобождает сами публичные образования от ответственности.

В теории публичного права существует понимание, что публичные органы выступают носителями особых интересов. Так, в соответствии с конституционной практикой и анализом Н. В. Белоусова, к субъектам публичных властных интересов относятся само государство с присущими ему атрибутами, органы государственной власти и местного самоуправления [3, с. 39]. Это отражает мысль о том, что интересы публичного образования не тожде-

ственным интересам отдельных управленцев, а представляют собой интересы общества в целом. М. В. Немытина рассматривает публичные интересы в русской правовой культуре как выражение целостного социально-правового начала, лежащего в основе суверенитета и единства государства. В его представлении механизмы публичного представительства обеспечивают связь правовых норм с задачами национального развития [5, с. 163]. В этом контексте деятельность органов публичной власти в гражданском обороте имеет не только правовые, но и политико-правовые основания, обусловленные стремлением обеспечить экономические и социальные потребности населения средствами государственно организованной экономики.

При описании функционирования органов публичной власти в системе гражданского оборота важно учитывать и иные правовые институты. Так, А. В. Ендольцева подчеркивает, что государство создало различные формы юридических лиц, связанных с публичной властью (казенные, бюджетные, автономные учреждения, унитарные предприятия), через которые органы власти также взаимодействуют с рынком [4, с. 44]. Эти организации в гражданском обороте выступают уже как самостоятельные субъекты (с особым статусом), хотя их имущество формально относится к казне публичного образования. Анализ подобной структуры по-

казывает, что публичные органы и публичные образования в гражданском обороте действуют комплексно: наряду с прямыми сделками уполномоченных органов используются механизмы институционального управления (доверительное управление, государственный заказ, концессии и т. п.), обеспечивающие реализацию общественных задач [1, с. 65].

В заключение отметим, что участие органов публичной власти в гражданском обороте организовано на основе принципа правовой определенности. Закон признает государственных и муниципальных участников на равных правах с частными лицами, но устанавливает специальные рамки их деятельности, отражающие публичную природу порученных интересов. Механизмы представительства интересов публичных образований создают понятные процедуры делегирования полномочий и исполнения обязательств. Уточненная законодательная регламентация, подкреплённая позицией исследователей, позволяет считать, что органы публичной власти в гражданском обороте, представляя интересы государства, функционируют в правовом поле с учётом своего особого статуса и не ущемляют частные начала. Управленческое и правовое взаимодействие государства с экономикой через эти институты в целом обеспечивает выполнение общественных целей при соблюдении принципов гражданского законодательства.

Литература:

1. Антоненко Н. В. Институты публичной власти в России: учебник. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2024. — 270 с.
2. Бабинцев В. П. Государственное и муниципальное управление: учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 247 с.
3. Белоусов Н. В. Публичные властные интересы: доктринальные и прикладные подходы // Оригинальные исследования. — 2023. — Т. 13, № 8. — С. 39–47.
4. Ендольцева А. В. Система органов публичной власти в Российской Федерации. — М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. — 211 с.
5. Немытина М. В. Публичные интересы и публичная власть в российской правовой культуре // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы. — М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — С. 163–168.

Анализ состава преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ

Шонус Эмилиос Иванович, аспирант
Московский педагогический государственный университет

Статья посвящена уголовно-правовому анализу состава преступления, предусмотренного статьей 273 УК РФ. Эта статья устанавливает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Рассматривается объект и объективная сторона преступления, дается определение вредоносной программы, приводятся ее основные виды («логическая бомба», «компьютерный вирус», «тройанский конь»). Особое внимание уделяется субъективной стороне деяния (прямого умысла). Также описываются квалифицированные составы, связанные с совершением преступления группой лиц, использованием служебного положения или наступлением тяжких последствий.

В заключение отмечается дифференциация общественной опасности между созданием, использованием и распространением вредоносных программ и обосновывается необходимость соответствующего разграничения уголовной ответственности.

Ключевые слова: статья 273 УК РФ, вредоносные программы, компьютерная информация, уголовная ответственность, состав преступления, компьютерная безопасность, использование вредоносного ПО, распространение вредоносных программ, квалифицированные составы, умышленное преступление.

Уголовно наказуемыми в соответствии со ст. 273 УК РФ являются действия, подразумевающие создание, использование, распространение компьютерных программ или компьютерной информации в том случае, если их функционирование направлено на ряд незаконных процессов в отношении компьютерной информации и средств защиты компьютерной информации. В числе данных процессов выделяется незаконное копирование, уничтожение, модификация, блокирование указанных объектов [1].

Между тем вредоносной программой будет считаться та, которая осуществляет копирование, уничтожение, модификацию информации скрытно от пользователя, без его уведомления. Владелец информации, в свою очередь, не будет подозревать, что такая программа присутствует на его компьютере.

В качестве объекта преступного деяния в данном случае будут выступать общественные отношения в сфере обеспечения безопасности компьютерной информации и ее средств защиты.

В качестве объективной стороны выступает действие, т. е. создание вредоносной компьютерной программы или иной компьютерной информации, их использование или распространение.

В качестве компьютерной программы выступает программа для ЭВМ. В ст. 1261 ГК РФ дается определение понятию «программа для ЭВМ». На основе анализа содержания указанной статьи и ст. 273 УК РФ можно заключить, что вредоносной программой будет являться представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для ЭВМ и других компьютерных устройств с целью получить определенный результат: копировать, блокировать, модифицировать, уничтожить компьютерную информацию, а также уничтожить средства защиты компьютерной информации.

Самые распространенные виды вредоносных программ:

1) «логическая бомба» — преднамеренно осуществляет полную или частичную замену кода программы, что в дальнейшем способно вывести из строя саму программу или систему ЭВМ в целом после наступления заранее указанных условий (в определенный момент времени);

2) «компьютерный вирус» — программа, которая способна проникать в другие программы, нарушая при этом их нормальное функционирование, разрушая каталоги программы, ее отдельные файлы, искажая результаты вычислений и т. п.;

3) «троянский конь» — программа, которая внешне имеет полезные функции, но при этом скрывает в себе определенные модули, способные нанести вред пользователю [2].

Вредоносная программа является сформированной только в случае особого состояния последовательности ее команд. Данная последовательность должна быть достаточной для того, чтобы быть реализованной без каких-либо других преобразований. Только в таком случае программу можно считать созданной.

Использованием программы считается момент начала ее работы на компьютере. Распространением же, в свою очередь, называется процесс, в результате которого вредоносная программа будет передана другому лицу посредством специальных носителей или информационно-телекоммуникационной сети.

Создание вредоносной компьютерной программы несет меньшую общественную опасность, нежели ее использование и распространение. Отсюда следует, что необходимо разделить уголовную ответственность за указанные деяния и выделить распространение и использование вредоносной компьютерной программы в отдельный квалифицированный состав.

Прямой умысел является субъективной стороной ч. 1 ст. 273 УК РФ, о чем свидетельствует прямое указание законодателя на то, что основной целью функционирования вредоносной компьютерной программы или иной компьютерной информации является противозаконное копирование, уничтожение, модификация, блокировка компьютерной информации или же нейтрализация средств защиты компьютерной информации. В качестве субъекта такого преступного деяния может выступать лицо, которое достигло возраста 16 лет. Согласно положениям ч. 2 ст. 273 УК РФ предусматривается ответственность за данное деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо лицом с использованием своего служебного положения. Квалифицирующим признаком ч. 3 ст. 273 УК РФ является наступление тяжких последствий или возникновение угрозы их наступления [3].

Предусматривается уголовная ответственность за нарушение правил доступа к информационно-телекоммуникационной сети или нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования. В качестве обязательного последствия такого преступного деяния определено причинение крупного ущерба вследствие копирования, блокировки, модификации или уничтожения компьютерной информации. В случае совершения данного деяния лицо будет нести ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 274 УК РФ.

Литература:

1. Призов И. С., Карамышева М. С., Бушман А. О. К вопросу об уголовной ответственности за создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 26–2. С. 177–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-sozdanie-rasprostranenie-i-ispolzovanie-vredonosnyh-kompyuternyh-programm>
2. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2015.
3. Уголовное право России. Части общая и особенная [Текст] : учебник / Блинников В. А., Бриллиантов А. В., Вагин О. А. и др. ; под редакцией доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Perceived military encirclement and counter-intervention: U. S. alliance architecture in East Asia and China's anti-access and area-denial strategy

Ibroximov Javlonbek Iqboljonovich, student
University of World Economy and Diplomacy (Tashkent, Uzbekistan)

In recent decades, the evolving security dynamics of East Asia have been defined by an intensifying strategic competition between the United States and China. Central to this rivalry is China's perception of U. S. military encirclement through its alliance architecture, comprising bilateral and multilateral security partnerships, forward deployments, and extended deterrence strategies (Green, 2017; Cha, 2016). This study investigates how and to what extent this perceived encirclement has influenced the formulation and implementation of China's Anti-Access and Area-Denial (A2/AD) strategy as a counter-intervention mechanism. The research employs a mixed theoretical and analytical approach grounded in offensive and defensive realism (Mearsheimer, 2014; Waltz, 1979), combined with empirical mapping of U. S. military presence, content analysis of Chinese strategic discourse, and chronological examination of U. S. — China security interactions (Department of Defense, 2022; Ministry of National Defense, 2019).

The findings indicate that China's A2/AD posture-manifested through long-range precision strike systems, maritime denial capabilities, and integrated air defense networks — has evolved not merely as a pursuit of regional dominance but as a defensive response to perceived strategic containment (Erickson & Wuthnow, 2020; Cliff, 2015). Real-world developments such as the deployment of the THAAD missile defense system in South Korea in 2017 and the formation of the AUKUS security pact in 2021 exemplify how alliance expansion reinforces China's sense of encirclement and motivates its counter-intervention measures (Department of Defense, 2022). This article contributes to a nuanced understanding of the interplay between perception and power in regional security dynamics. It highlights that the A2/AD framework functions as both a deterrent and a political signal, shaping the strategic behavior of regional actors and recalibrating U. S. operational planning in the Indo-Pacific (Friedberg, 2022; IISS, 2024). The study concludes that recognizing the perception-driven logic behind China's counter-intervention measures is essential for managing escalation risks and fostering long-term strategic stability in East Asia.

Keywords: China, U.S. alliance, East Asia, anti-access, area-denial, counter-intervention, regional security, military balance.

Introduction

The strategic landscape of East Asia in the twenty-first century has emerged as the central theater of global power transition. The United States, determined to preserve its hegemonic status and maintain a liberal maritime order, has reinforced an intricate network of bilateral and multilateral alliances stretching from Japan and South Korea to the Philippines and Australia (Cha, 2016; Green, 2017). China, propelled by unprecedented economic growth and technological modernization, interprets this network as a deliberate architecture of military encirclement designed to constrain its rise and project coercive pressure along its maritime periphery (Yan, 2019; Zhao, 2019). The perception of encirclement has thus evolved into a structural determinant of Beijing's defense policy and strategic culture. This perception is not merely theoretical but rooted in concrete developments that have heightened Chinese insecurity. The 2017 deployment of the U. S. Terminal High Altitude Area Defense (THAAD)

system in South Korea and the 2021 announcement of the AUKUS pact-granting Australia access to nuclear-propelled submarine technology were both condemned by Beijing as direct threats to regional stability and national sovereignty (Department of Defense, 2022; Ministry of National Defense, 2019). These events exemplify how Washington's deterrence initiatives are interpreted in China as evidence of strategic containment, reinforcing the narrative of encirclement that underpins the People's Liberation Army's (PLA) defensive modernization.

While Washington frames its forward posture as a guarantor of “freedom of navigation” and regional stability (Department of Defense, 2022), Beijing views the same deployments as intrusive and destabilizing. The dialectical tension between reassurance and insecurity, deterrence and provocation, lies at the heart of the contemporary security dilemma in the Indo-Pacific (Jervis, 1978). This research seeks to determine how and to what extent the perceived encirclement produced by U. S. alliance architecture has influenced the formulation

and implementation of China's Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) strategy as a counter-intervention response. The study's relevance stems from the accelerating militarization of East Asia, where technological diffusion and strategic misperception threaten to transform deterrence into confrontation (Friedberg, 2022). Its novelty resides in linking perception theory with empirical military evolution — an intersection often overlooked by structural realist analyses that privilege material capabilities over cognitive variables. The objective is to map the architecture of U. S. alliances, trace the evolution of Chinese threat perceptions, identify the operational components of A2/AD, and evaluate their collective impact on regional stability and U. S. operational planning. By synthesizing theoretical realism, documentary analysis, and chronological tracing, the research reveals the causal logic that connects alliance behavior to counter-intervention strategy and contributes to refining realism through the inclusion of perception as an explanatory variable (Larson & Shevchenko, 2019).

Literature Review

The theoretical backbone of this inquiry is realism, the most enduring paradigm of international relations theory. Kenneth Waltz's defensive realism conceptualizes the state as a security-seeking actor that arms itself primarily to survive in an anarchic system (Waltz, 1979), whereas John Mearsheimer's offensive realism contends that great powers maximize power to secure hegemony (Mearsheimer, 2014). Both interpretations underscore self-help and balance of power, yet diverge in motive. Applied to the U. S. — China dyad, Washington's alliance reinforcement may be defensive in intention but appears offensive to Beijing, generating the classic security dilemma first elaborated by Jervis (1978) where one side's quest for security inexorably produces the other's sense of insecurity. Within Chinese strategic thought, the concept of active defense (*jiji fangyu*) embodies this paradox: offensive operations conducted for defensive ends (PLA Academy of Military Science, 2013). Studies by scholars such as Yan Xuetong and Zhao Tingyang extend realism with indigenous philosophical elements, portraying China's strategy as a moral balance between power and order (Yan, 2019; Zhao, 2019). Yet empirical behavior often mirrors realist logic more than idealist aspiration. Western analyses have extensively dissected the U. S. "hub-and-spokes" alliance system. Victor Cha (2016) characterizes it as hierarchical yet flexible, while Green (2017) and Friedberg (2022) emphasize its adaptability to evolving threats. Contemporary research highlights how initiatives like the Quad, AUKUS, and enhanced defense cooperation with the Philippines operationalize the concept of integrated deterrence across multiple domains (Department of Defense, 2022; IISS, 2024). From Beijing's vantage, however, these initiatives confirm the existence of a containment ring.

Chinese policy journals such as *Guofang Keji* and *PLA Daily* frequently describe U. S. missile defense and surveillance networks as attempts to "neutralize China's strategic deterrent" (Ministry of National Defense, 2019). Scholars including

Andrew Erickson, Roger Cliff, and Dean Cheng have documented the evolution of A2/AD capabilities DF-21D and DF-26 missiles, Type-055 destroyers, and cyber and space units—while noting that these developments are defensive countermeasures rooted in fear of encirclement rather than aspirations for regional domination (Erickson & Wuthnow, 2020; Cliff, 2015; Cheng, 2013). Other analysts, including Hugh White (2019) and Graham Allison (2017), situate this competition within the logic of a Thucydidean trap, warning that mutual threat perception may push both powers toward accidental war despite rational cost calculations. Yet a critical gap persists: most studies examine either the technological dimension of A2/AD or the institutional dynamics of U. S. alliances in isolation, rarely integrating them through the lens of strategic perception. This research addresses that lacuna by correlating doctrinal texts, alliance initiatives, and military reforms to demonstrate how cognitive interpretations of threat translate into tangible force-structure adjustments. By merging theoretical abstraction with empirical specificity, the literature review establishes the intellectual scaffolding for subsequent analysis and confirms that the phenomenon of perceived encirclement remains central to understanding the iterative escalation shaping the security order of East Asia.

This research adopts a qualitative, interpretivist methodology combining theoretical reasoning and empirical case analysis to investigate the causal relationship between the perceived U. S. military encirclement in East Asia and the evolution of China's Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) strategy. The methodological design rests on three interlinked pillars: (1) theoretical framing within offensive and defensive realism, (2) discourse and document analysis of official Chinese sources and U. S. strategic statements, and (3) chronological and comparative tracing of alliance initiatives and Chinese military responses. Such a triangulated approach ensures analytical rigor and guards against theoretical bias by correlating perceptions, intentions, and observable actions across time. The realist theoretical lens provides the conceptual foundation of this study. Offensive realism suggests that major powers pursue military capabilities to ensure regional dominance (Mearsheimer, 2014), while defensive realism interprets similar behavior as security-seeking and threat-driven (Waltz, 1979). This dual framework allows the research to distinguish whether China's A2/AD buildup represents offensive revisionism or defensive adaptation. Strategic perception theory further refines this lens by emphasizing the role of cognitive interpretation—policymakers act not on objective conditions but on how they perceive threats and opportunities (Larson & Shevchenko, 2019). Therefore, China's concept of "encirclement" is treated not as a propaganda trope but as an operative analytical variable influencing strategic choice.

The empirical dimension relies on qualitative content analysis of open-source strategic documents and expert analyses. Chinese materials include *The Science of Military Strategy* (2001, 2013, 2020), *Defense White Papers* (2008, 2015, 2019), and official statements by the Central Military

Commission and the Ministry of National Defense (Ministry of National Defense, 2019). U.S. and allied sources comprise the U. S. National Security Strategy (2017, 2022), Indo-Pacific Strategy Report (2019, 2022), and multilateral agreements such as AUKUS and the Enhanced Defense Cooperation Agreement (EDCA) with the Philippines (Department of Defense, 2022). Supplementary data from RAND, CSIS, IISS, and SIPRI provide technical validation for specific military capabilities such as DF-26 intermediate-range ballistic missiles, anti-ship cruise missiles, and PLA Navy modernization (Heginbotham et al., 2015; IISS, 2024; SIPRI, 2024). The analysis spans 2000–2025, capturing two decades of parallel strategic evolution. A chronological tracing method is employed to map the sequence of events linking U. S. alliance reinforcement and Chinese countermeasures. For instance, the deployment of the Terminal High Altitude Area Defense (THAAD) system in South Korea in 2017 coincided with China's acceleration of radar-evading missile development and electronic warfare capabilities between 2018 and 2020 (Department of Defense, 2022). Similarly, the announcement of AUKUS in 2021 aligns with intensified Chinese naval exercises and the operational deployment of DF-26 "Guam Killer" missiles in 2022 (Erickson & Wuthnow, 2020). These chronological correspondences are not treated as mere coincidence but analyzed as evidence of a feedback mechanism typical of the security dilemma: U.S. deterrence initiatives trigger Chinese defensive innovations, which in turn reinforce U. S. threat perceptions (Jervis, 1978).

The comparative analytical component contrasts the strategic narratives of both sides. While Washington's discourse emphasizes "freedom of navigation" and "rules-based order" (Department of Defense, 2022), Beijing's official statements portray these same actions as external containment (Ministry of National Defense, 2019). This narrative asymmetry forms the perceptual bedrock of the encirclement thesis. Through discourse analysis, the study identifies thematic patterns — "threat perception," "territorial integrity," "strategic autonomy," and "intervention denial" — to reconstruct the cognitive environment in which China's defense planners formulate their A2/AD policies. Methodologically, the study does not attempt to quantify the military balance numerically; rather, it seeks to explain causation through strategic logic. The mixed qualitative design provides explanatory depth, enabling the identification of patterns of perception and response otherwise obscured in quantitative models. By combining realist theory with documentary evidence and process tracing, the research establishes an interpretive causal chain linking U. S. alliance behavior to China's evolving counter-intervention strategy.

Summary of Methodological Significance. This integrated framework captures both material and ideational dimensions of security behavior, demonstrating that strategic perception—specifically, the belief in encirclement—constitutes a critical independent variable shaping China's defense evolution (Yan, 2019; Zhao, 2019). The approach ensures that conclusions drawn are not speculative but grounded in systematically correlated evidence, fulfilling the standards of empirical validity in contemporary international relations research.

Analytical Application

The analytical section applies this methodological framework to five core objectives, each explored through empirical evidence, interpretive reasoning, and theoretical reflection. The U. S. alliance system in East Asia represents a multi-layered network of bilateral treaties and multilateral frameworks designed to project stability and deterrence. Its key "spokes" include Japan, South Korea, the Philippines, and Australia, while its "hubs" consist of the U. S. Indo-Pacific Command (Hawaii) and regional forward bases such as Yokosuka, Kadena, and Guam (Cha, 2016; Green, 2017). Since 2010, the United States has complemented this traditional architecture with emerging alignments: AUKUS (Australia — UK — US pact, 2021) and the Quad (U.S., Japan, India, Australia), which institutionalize strategic coordination (Friedberg, 2022; IISS, 2024). From China's perspective, this dense lattice of partnerships and advanced weapons deployments creates an impression of encirclement. The proximity of U. S.-aligned facilities to China's eastern seaboard—particularly missile defense systems in Japan and THAAD batteries in South Korea — magnifies this perception (Ministry of National Defense, 2019). Chinese defense literature frequently describes these initiatives as attempts to "compress China's strategic space." Empirical mapping shows that nearly all of China's near seas fall within 1,500 km of a U. S. or allied base, placing key coastal provinces within potential strike range. Interim conclusion: the spatial configuration of the U. S. alliance network, viewed through strategic perception, substantiates China's belief in encirclement.

Official Chinese documents and writings by the PLA Academy of Military Science repeatedly invoke themes of sovereignty, deterrence, and external containment (PLA Academy of Military Science, 2013). The 2019 Defense White Paper explicitly references "hegemonic interference" and "attempts by external forces to infringe upon regional peace" (Ministry of National Defense, 2019). Such discourse reflects a strategic worldview shaped by historical memory — the "Century of Humiliation" which frames modern security anxieties (Yan, 2019). The A2/AD strategy encompasses a multilayered defense network aimed at denying adversaries operational freedom within the First and Second Island Chains. Its principal components include ballistic and cruise missiles (DF-21D, DF-26), advanced naval assets such as Type-055 destroyers, integrated air defenses (HQ-9, HQ-22), cyber and space warfare units, and maritime militia activities (Erickson & Goldstein, 2010; Cliff, 2015; Cheng, 2013). Each element supports the operational goal of deterring or delaying U. S. intervention in contingencies involving Taiwan or the South China Sea.

The proliferation of A2/AD capabilities has altered the strategic calculus in East Asia. Wargame simulations by RAND and CSBA indicate that U. S. carrier strike groups would be vulnerable within 1,500 km of China's coast (Heginbotham et al., 2015). This has prompted U. S. adaptations such as the "Air-Sea Battle" concept (now Joint All-Domain Operations)

Table 1. Methodological Framework of the Study

Component	Description	Purpose in Research
Theoretical Framing: Offensive and Defensive Realism	Grounded in the works of Mearsheimer (2014) and Waltz (1979), this framework interprets China’s Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) development as a strategic reaction to perceived U. S. military encirclement. Offensive realism explains power maximization tendencies, while defensive realism highlights security-seeking motives	To provide a conceptual foundation for assessing whether China’s A2/AD posture represents offensive revisionism or defensive adaptation
Strategic Perception Analysis	Incorporates perception theory (Larson & Shevchenko, 2019) to evaluate how Chinese policymakers interpret U. S. alliance behavior and external military presence. Focuses on the role of cognitive and psychological variables in shaping defense strategies	To demonstrate that strategic decisions are driven by perceived rather than purely objective threats, emphasizing the ideational dimension of China’s security behavior
Empirical and Chronological Tracing	Employs qualitative content analysis of key policy documents (e.g., <i>China’s National Defense in the New Era</i> (2019), <i>U. S. Indo-Pacific Strategy</i> (2022), RAND, SIPRI, IISS reports) and maps sequential linkages between U. S. alliance initiatives (e.g., THAAD, AUKUS) and China’s countermeasures (e.g., DF-26 deployment, PLA reforms)	To establish causal correlations between U. S. alliance reinforcement and China’s A2/AD evolution over time, validating the security dilemma dynamic

and distributed lethality doctrines emphasizing dispersed operations and long-range precision fires (Department of Defense, 2022). For regional states, this dynamic produces a paradox: while U. S. alliances are intended to provide security, they simultaneously intensify the arms race (White, 2019; Allison, 2017).

- The timeline analysis demonstrates reciprocal adaptation:
- 2003–2008: U.S. missile defense cooperation with Japan → China accelerates DF-21 modernization;
 - 2011–2014: Obama’s “Pivot to Asia” → China expands naval operations beyond the First Island Chain;
 - 2017: THAAD deployment in South Korea → PLA develops counter-ISR and jamming systems;
 - 2021–2023: AUKUS and EDCA expansion → China strengthens DF-26 deployments and satellite surveillance (Department of Defense, 2022).

This sequence exemplifies the security dilemma cycle: defensive measures by one side provoke countermeasures by the other. Over two decades, this iterative interaction has institutionalized a pattern of mutual adaptation defining Indo-Pacific strategic stability. Empirical evidence validates the hypothesis that perceptions of encirclement catalyze China’s counter-intervention strategy. The relationship between U. S. alliances and A2/AD evolution is reciprocal rather than unilateral.

Conclusion and Policy Implications

This research demonstrates that China’s Anti-Access/Area-Denial (A2/AD) strategy is not an isolated manifestation of military modernization but the direct product of a perception-driven security dilemma (Jervis, 1978; Larson & Shevchenko, 2019). The perceived encirclement by the United States and its allies functions as both a psychological and strategic variable shaping China’s defense posture (Yan, 2019; Zhao, 2019).

Through qualitative analysis of strategic documents, case correlations, and theoretical interpretation, the study establishes that U. S. alliance expansion — while intended as deterrence — has catalyzed a counterbalancing process centered on A2/AD development (Department of Defense, 2022; Ministry of National Defense, 2019). Theoretically, the findings affirm the relevance of defensive realism and perception theory in explaining China’s security behavior. Material capabilities alone do not dictate strategy; rather, it is the interpretation of intentions that drives action (Waltz, 1979; Mearsheimer, 2014). The U. S. — China dynamic epitomizes the tragedy of great-power politics: both actors pursue stability through deterrence yet inadvertently generate instability through misperception (Allison, 2017).

Practically, the implications are profound. For policymakers, recognizing the perceptual roots of China’s military behavior could inform confidence-building measures and arms control dialogues aimed at reducing miscalculation risks. Transparency mechanisms — such as prior notification of military exercises, mutual missile test declarations, and crisis communication hotlines — could mitigate uncertainty and de-escalate tensions (Friedberg, 2022). For regional states, maintaining a careful balance between engagement and deterrence is essential to avoid entrapment in great-power confrontation (White, 2019). Looking ahead, the sustainability of regional stability depends on reconciling competing narratives: the U. S. advocacy for a “rules-based order” and China’s emphasis on “sovereignty and development rights” (Department of Defense, 2022; Ministry of National Defense, 2019). Without addressing the underlying perception of encirclement, military competition will likely intensify, eroding crisis management capacity and increasing the probability of inadvertent escalation. In conclusion, this study reveals that the logic of counter-intervention embedded in China’s A2/AD strategy is both a symptom and a response to the enduring structure of U. S. alliances in East Asia. The

encirclement-countermeasure dialectic will continue to shape the Indo-Pacific security order unless moderated by strategic empathy and institutionalized dialogue. Understanding

perception as a driver of policy is not merely an academic exercise — it is a prerequisite for preventing the next great-power confrontation in the twenty-first century.

References:

1. Allison, Graham. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
2. Cha, Victor D. *Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
3. Cheng, Dean. "China's View of Cyber War." Heritage Foundation Backgrounder No. 2692, January 2013.
4. Cliff, Roger. *China's Military Power: Assessing Current and Future Capabilities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
5. Department of Defense (U.S.). *Indo-Pacific Strategy of the United States: Advancing a Free and Open Indo-Pacific*. Washington, D.C.: DoD, February 2022.
6. Department of Defense (U.S.). *Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2023*. Washington, D.C.: DoD, 2023.
7. Erickson, Andrew S., and Lyle J. Goldstein, eds. *Chinese Aerospace Power: Evolving Maritime Roles*. Annapolis: Naval Institute Press, 2010.
8. Erickson, Andrew S., and Joel Wuthnow. "Barriers, Springboards and Benchmarks: China Conceptualizes the Pacific 'Island Chains.'" *China Quarterly* 242 (2020): 741–761.
9. Friedberg, Aaron L. *Getting China Wrong*. Cambridge: Polity Press, 2022.
10. Green, Michael J. *By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783*. New York: Columbia University Press, 2017.
11. International Institute for Strategic Studies (IISS). *The Military Balance 2024*. London: Routledge, 2024.
12. Jervis, Robert. "Cooperation Under the Security Dilemma." *World Politics* 30, no. 2 (1978): 167–214.
13. Larson, Deborah Welch, and Alexei Shevchenko. "Misperceptions and International Conflict." *Political Psychology* 40, no. S1 (2019): 23–56.
14. Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. Updated Edition. New York: W. W. Norton, 2014.
15. Ministry of National Defense of the People's Republic of China. *China's National Defense in the New Era*. Beijing: State Council Information Office, 2019.
16. PLA Academy of Military Science. *Science of Military Strategy (军事战略学)*. Beijing: Military Science Press, 2013.
17. RAND Corporation. Heginbotham, Eric, et al. *The U. S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017*. Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
18. SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). *SIPRI Yearbook 2024: Armaments, Disarmament and International Security*. Oxford: Oxford University Press, 2024.
19. Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
20. Yan, Xuetong. *Leadership and the Rise of Great Powers*. Princeton: Princeton University Press, 2019.
21. Zhao, Tingyang. *Redefining a Philosophy for World Governance*. Leiden: Brill, 2019.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 52 (603) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 07.01.2026. Дата выхода в свет: 14.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.